ПРОГРАММА

Благодарная Молдавия – братскому народу России

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ

«НЕСТОР»

Санкт-Петербург – Кишинев – Париж

ПАРТНЕРСТВО ВО ИМЯ ИСТОРИИ

Учредители проекта:

Санкт-Петербургский институт истории
Российской Академии наук

Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова
Российской Академии наук

Высшая антропологическая школа
(Кишинев)

Центр русских, кавказских и центральноевропейских исследований
Школы высших социальных исследований
(Париж)

Руководитель проекта

Сергей Эрлих

Издатель

Сергей Марар

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «НЕСТОР»
Том XIV

Редакция:

Р.Ш. Ганелин, П.В. Ильин, О.И. Киянская,
Э.И. Колчинский, И.В. Лукоянов (главный редактор),
В.И. Мусаев, С.В. Яров

Редакционный совет:

Е.В. Анисимов, Б.Ф. Егоров,
В.Н. Плешков, А.Н. Цамутали
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)
Оу Бао
(Университет Цинхуа, Пекин)
В. Берелович
(Школа высших социальных исследований, Париж)
Ж. Нива
(Женевский университет)
У. Розенберг
(Мичиганский университет)
Д.М. Фельдман
(Российский государственный гуманитарный университет)
М. Хайнеманн
(Ганноверский университет)
Л. Хеймсон
(Колумбийский университет)
М. Хильдермайер
(Геттингенский университет)
А.М. Эткинд
(Европейский университет в Петербурге, Кембридж)
Х. Ян
(Кембридж)

А. Г. ЩЕРБАТОВ

мои воспоминания

Вступительная статья и комментарии
О. И. Киянской,
подготовка текста
А. А. Ширяевой

Издательство СПбИИ РАН
«Нестор-История»
Санкт-Петербург
2006

УДК 947.07:92
ББК 63.3(2)521:84-4

Щербатов А. Г. Мои воспоминания / Вступительная статья и комментарии О. И. Киянской, подготовка текста А. А. Ширяевой. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2006. 278 с.

Князь Алексей Григорьевич Щербатов – личность в отечественной истории весьма заметная. Герой антинаполеоновских войн, отказавшийся в 1825 году подавлять военные восстания декабристов, в 1840-х гг. он был генерал-губернатором Москвы и выдал заграничный паспорт опальному Александру Герцену. Щербатов по рождению принадлежал к высшему свету, был знаком с русскими царями, со знаменитыми общественными деятелями и писателями. В своих воспоминаниях князь рассказывает о собственной жизни, начиная с детского возраста и до момента отставки с генерал-губернаторского поста. Воспоминания публикуются впервые. Книга А. Г. Щербатова может быть интересна не только профессиональным историкам, но и всем интересующимся историей и культурой России.

Научный редактор:
кандидат филологических наук
Д. М. Фельдман

Рецензенты:
доктор исторических наук
В. С. Парсамов

кандидат исторических наук
С. Е. Эрлих

ISBN 5-98187-114-8

9 785981 871146

© О. И. Киянская, 2006
© А. А. Ширяева, 2006
© Издательство СПбИИ РАН «Нестор-История», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

О.И. Киянская. Генерал А.Г. Щербатов и его мемуары 11
А.Г. Щербатов. Мои воспоминания 31
Воспитание 33
Вступление в службу 34
Вступление на престол императора Павла I 35
Назначение к шведскому королю в свиту 37
Приятная жизнь в Петербурге 37
Квартирование в Новой Ладоге 39
Вступление вновь в службу 40
Аустерлицкое сражение 41
Смерть брата 42
Поход 1806 года 43
Голоминское сражение генваря 1807-го 45
Сражение при Янкове 48
Сражение при Гофе 48
Сражение при Прейсиш-Эйлау 48
Сражение при Гутштадте 49
Отправление мое в Данциг 50
Отправление в Данциг 51
Назначение вторым военным губернатором 51
Бомбардирование Данцига 52
Рескрипт императора Александра I 52
Занятие французами острова Гольма 53
Сдача крепости 54
Мой отказ 55
Выступление гарнизона 56
Приезд Наполеона 56
Отправление мое в Дрезден 57
Тильзитский мир. Приезд Наполеона в Дрезден 59
Призыв к Наполеону 59
Выезд из Дрездена 61
Получение ордена Красного Орла 61

Возвращение в Петербург 62
Женитьба 63
Война с Австриею 64
Перемирие. Жизнь в Бохнии 65
Поход против турок 66
Отъезд в Москву 66
Смерть жены 67
Смерть отца 67
Смерть матери 67
Шумла 68
Штурм Рущука 68
Начальство над 18-й дивизиею 70
Разрыв с Франциею 72
Поход 1812 года 73
Взятие города Брест-Литовска 73
Взятие Кобрина 74
Сражение при Городечне 75
Получение ордена Святого Георгия 3 класса 76
Занятие Москвы 77
Соединение армий 77
Занятие города Борисова 78
Переправа чрез Березину 80
Сражение при Березине 80
Осада Торна 82
Сражение при Кенигсварте 83
Бауценское сражение 1813 года 84
Производство в генерал-лейтенанты 85
Поступление в Шлезскую армию 86
Сражение при Зибен-Эйхене 87
Сражение при Кацбахе 87
Получение ордена Святого Александра Невского 89
Поручение прикрывать Шлезию 89
Дело при Дрездене 90
Движение для перехода Эльбы 91

Следование к Рейну 92
Переход чрез Рейн 94
Отдельное движение во Франции 95
Взятие города Линьи 95
Взятие города Сен-Дизье 95
Сражение при Бриенн-ле-Шато 96
Бриеннское сражение 97
Приветствие императора Александра
и пожалование ордена Святого Георгия 2 степени 99
Дело при Лаферте 99
Сражение при Монмирале 99
Сражение при Мери 100
Дело при селении Круп 102
Вступление в Париж 103
Начальство над 3-м корпусом 105
Возвращение в Россию 105
Кампания 1815 года 106
Пребывание в Варшаве.
Разговор с великим князем Константином Павловичем ... 107
Назначение начальником 6-го корпуса 109
Назначение генерал-адъютантом 109
Женитьба 109
Отъезд за границу 110
Возвращение в Россию 122
Назначение начальником 4-го корпуса 123
Смерть императора Александра I 124
Мятеж 124
Смерть дочери 125
Смерть сына 126
Коронование императора Николая I 127
Намерение оставить службу 127
Назначение начальником 2-го корпуса 128
Турецкий поход 129
Осада Силистрии 130

Жестокая болезнь 130
Возвращение в Москву 132
Клевета 133
Холера 135
Польское возмущение 135
Поход с гвардиею 136
Дело при Жолтках 138
Сражение при Остроленке 139
Взятие Варшавы 141
Рескрипт императора 142
Болезнь 143
Назначение председателем аудиториата 143
Поездка в Карлсбад 144
Оставление службы 145
Вступление вновь в службу 146
1839 год 146
Назначение членом Государственного Совета. Открытие монумента у Бородина 148
1840 год 149
1843 год 149
1844 год 150
1847 год 150
Комментарии 154

Приложение 1. А.Г. Щербатов и движение декабристов 191
Приложение 2. А.Г. Щербатов в воспоминаниях современников ... 239

Указатель имен 261
Указатель географических названий 270

О.И. КИЯНСКАЯ

ГЕНЕРАЛ А.Г. ЩЕРБАТОВ И ЕГО МЕМУАРЫ

Имя князя Алексея Григорьевича Щербатова, столь хорошо известное его современникам, оказалось прочно, но в то же время несправедливо забытым потомками – в том числе и профессиональными историками.

Алексей Щербатов прожил долгую жизнь. За годы его службы на российском престоле сменилось три монарха – Павел I, Александр I и Николай I. И ни при одном из них князь не играл первых ролей. Щербатов не обладал ни полководческими талантами М.Б. Барклая де Толли или М.И. Кутузова, ни административными дарованиями М.М. Сперанского или П.Д. Киселева. Однако князь Щербатов – яркая фигура российской истории.

Потомок богатого и знатного княжеского рода, Щербатов родился 23 февраля 1776 г. в Москве. Шести лет от роду он был записан сержантом в гвардию, но получил отпуск для окончания курса наук. Реально он начал служить с 1796 г., когда на престол вступил император Павел; к этому времени Щербатов был уже поручиком гвардейского Семеновского полка. Павел I в 1798 г. пожаловал ему Мальтийский орден, в 1800 г. 25-летний Щербатов уже генерал-майор. Вскоре он назначается командиром Костромского пехотного полка.

Князь Щербатов воевал с 1806 г. В 1807 г. руководил обороной немецкой крепости Данциг, после падения крепости попал в плен.

В 1810 г. участвовал в войне с Турцией, во время осады крепости Шумла был тяжело ранен.

В 1812 г. Щербатов командовал 18-й пехотной дивизией в составе 3-й Западной армии А.П. Тормасова. Участвовал в сражениях под Брест-Литовском, Кобрином (Св. Анна 1-й степени) и под селом Поддубье (Св. Георгий 3-й степени). Прошел заграничные походы: осаждал Торн (Св. Владимир 2-й степени); в битве под Кенигсвартом его дивизия разгромила союзный Наполеону Итальянский корпус (бриллиантовые знаки ордена Св. Анны, чин генерал-лейтенанта, назначение командовать 6-м пехотным корпусом Силезской армии); был ранен под Бауценом. После лечения продолжал участвовать в наступлении на французскую столицу, стал кавалером орденов Св. Александра Невского (Бриенн) и Св. Георгия 2-й степени. После взятия Парижа назначен генерал-адъютантом.

В начале 1825 г. Щербатов становится генералом от инфантерии и командиром 4-го пехотного корпуса со штабом в Киеве. В 1826 г. получает под свою команду 2-й пехотный корпус. Участвовал в русско-турецкой войне 1828 – 1829 гг., отличился при подавлении восстания в Польше, за штурм Варшавы был награжден орденом Св. Владимира 1-й степени. После окончания войны с Польшей он становится председателем генерал-аудиториата. С 1839 г. – член Государственного совета.

С 1843 по 1848 г. Алексей Щербатов – генерал-губернатор Москвы. В мае 1848 г. последовала его отставка по состоянию здоровья, а 15 декабря того же года Щербатов умер.

Князь Щербатов был дружен с А.И. Михайловским-Данилевским, известным военным историком и коллекционером. Собственно, по прямой просьбе Михайловского-Данилевского он, как и многие другие участники Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, стал писать мемуары[1]. Точная дата начала работы над воспоминаниями не установлена, однако продолжалась она до самой смерти Щербатова. Последний эпизод в мемуарах – отставка князя с поста генерал-губернатора Москвы.

Для современников биография князя Щербатова была воплощением романтический эпохи начала XIX в. Про него, героя войн с Наполеоном, чей портрет находился в Военной галерее Зимнего дворца, в высшем свете ходило множество легенд. Легенды эти, будучи основаны на реальных фактах, придавали образу генерала героический и мученический ореол.

Собственно, главными из этих легенд были две; сформировались они еще при жизни генерала. Они воспроизведены в «*Русском биографическом словаре*», в статье, посвященной Щербатову. Первая – о том, как в одном из сражений, в «**Голóминской битве, происходившей в один день с Пултусским сражением**», видя беспорядочное отступление своего отряда, Щербатов бросился вперед со знаменем в руках и остановил бегство.

Вторую можно условно назвать «**историей о двух рыцарях**». Она повествует, как в 1807 г., командуя русским отрядом, защищавшим немецкую крепость Данциг, генерал Щербатов отказался принять условия почетной капитуляции (год не сражаться против Наполеона), предпочтя сдаться в плен. За что будто бы «**имел честь слышать впоследствии от Наполеона I слова: "На вашем месте я поступил бы подобно вам"**». Наполеон, согласно этой легенде, поступил не менее рыцарственно, отпустив Щербатова из плена[2].

В 1960-х гг. в неопубликованных комментариях к мемуарам Щербатова главный хранитель Государственного Литературного музея В. Попов высказал мысль о том, что с легендарными страницами биографии Щербатова был знаком Л.Н. Толстой. Эти легенды Толстой использовал в «*Войне и мире*» при создании образа князя Андрея Болконского[3].

И хотя прямых сведений о знакомстве Толстого с Щербатовым нет, такое предположение вполне допустимо. В начале 1840-х гг. молодой Толстой жил в Москве, входил в аристократические круги, наверняка слышал рассказы о жизни популярного генерал-губернатора.

Подвиг князя Андрея со знаменем на поле Аустерлица, преклонение героя перед «**великим Наполеоном**», встреча его с самим

Наполеоном – все эти эпизоды романа вполне могут соотноситься с легендами о Щербатове. Однако, как известно, всем этим эпизодам Толстой придает иной, негероический, смысл. Подвиг со знаменем, по Толстому, на самом деле – проявление тщеславия князя Андрея, тщеславия, никоим образом не повлиявшего на исход Аустерлицкой битвы. Эпизод встречи героя с Наполеоном – проявление позерства французского императора.

Конечно, «*Войну и мир*» Алексей Щербатов не читал: роман этот вышел через много лет после его смерти. Но, останавливаясь в своих мемуарах на этих же самых событиях, он тоже дегероизирует их. И делает это сходно с описаниями Толстого.

Именно так, негероически, князь описывает «**Голоминскую битву**». Судя по тексту его мемуаров, собственно, этой битвы как таковой не было. Была случайная стычка под местечком Голомин в Пруссии между отставшими от главной армии разрозненными командами русских войск (в том числе и Костромского полка Щербатова) и превосходящими силами французов. Эпизод же со знаменем осмысливается не как попытка совершить подвиг, а как вынужденная мера, предпринятая для того, чтобы сделать отступление своего отряда упорядоченным.

Подробно останавливается Щербатов и на обороне Данцига в марте 1807 г. Историю с отказом не служить год против французов он трактует не как рыцарство, а как попытку предварительно выяснить мнение императора Александра I об этом его предполагаемом шаге. Впрочем, Щербатов весьма гордится тем фактом, что после этой истории получил у современником светское прозвище «**князь Данцигский**».

Лишено всякого романтизма и героики и описание встречи с Наполеоном в Дрездене. Щербатов, как и Толстой, подчеркивает неискренность, позерство Наполеона: сидя в ожидании аудиенции императора возле его кабинета, князь слышал, как император кричал на посетителей и видел, как они выходили из кабинета побледневшими. Самого же князя он встретил радушно, «**с веселым и ласковым видом**».

При анализе этих эпизодов из мемуаров Щербатова хорошо видна установка, которой мемуарист придерживался, создавая свой текст. Щербатов предстает на страницах воспоминаний не как великий исторический деятель, а как частный человек, не видящий за собою права высказывать общее мнение о великих событиях эпохи. «**Я пишу не общие записки того времени, а только воспоминания, касающиеся до меня собственно**», «**предмет сих записок состоит в том только, чтоб соединить и изложить на бумаге, сколько памяти моей достанет, все воспоминания моей жизни, я <...> буду только упоминать о главных происшествиях и особенно о том, что относится до меня**», – сообщает он.

Но при этом «за кадром» остается очень многое – то, что делает Щербатова участником не только официальной российской истории, истории военных походов и сражений. Князь был активно включен в историю отечественной культуры – и эти факты его биографии приходится сегодня восстанавливать буквально по крупицам.

Первая жена Щербатова – Екатерина Андреевна, урожденная княжна Вяземская, была родной сестрой поэта П.А. Вяземского и воспитывалась в доме историка Н.М. Карамзина. Она умерла очень рано, в 20-летнем возрасте; Щербатов очень тяжело пережил ее смерть. Трагедия эта была воспета В.А. Жуковским в знаменитом стихотворении «*Певец во стане русских воинов*»:

Хвала, Щербатов, вождь младой,
Среди грозы военной,
Друзья, он сетует душой
О трате незабвенной.
О витязь, ободрись... Она
Твой спутник невидимый,
И ею свыше знамена
Дружин твоих хранимы.
Любви и скорби оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувших возмутить
Покой ея могилы.

Из писем П.А. Вяземского выясняется, что и сам поэт был тесно дружен с Щербатовым, что Щербатов периодически снабжал Вяземского деньгами[4]. Более того, Щербатов пытался помогать Вяземскому (имевшему в глазах императора Николая I «подмоченную» репутацию) по службе, заступался за него перед всесильным А.Х. Бенкендорфом.

В 1828 г. Вяземский решил принять участие в войне с турками – просил места при главной квартире действующей армии. Начальник Главного штаба И.И. Дибич, который знал поэта по его «либеральной репутации», отказался взять его на службу. Решение дела перешло в руки Бенкендорфа – шефа тайной политической полиции и начальника Главной квартиры русской армии. «**Я отправился к нему**, – писал Вяземский, – **и нашел его, сходящего с лестницы с женою. Он принял меня сухо — был недоволен будто настойчивостью, с которой я требовал, чтобы назначил он мне свидание. Он жаловался на то к[нязю] Алексею Щербатову, который, однако же, наконец свел меня с ним**». Однако заступничество Щербатова в данном случае не помогло – Вяземский на службу принят не был[5].

Дружна с Щербатовым была семья Н.М. Карамзина[6]. В 1819 г., за границей, с Щербатовым тесно общался К.Н. Батюшков. «**Здесь было много русских, Воронцовы, Щербатовы. Последних видел каждый день**», – сообщает Батюшков в одном из писем из Неаполя[7]. Видимо, Щербатов был знаком и с А.С. Пушкиным. По крайней мере, круг общения Пушкина и Щербатова был одним и тем же.

По мемуарам Щербатова нельзя составить представление о его политических взглядах. Но очевидно, что князь был достаточно горд и независим – и это тоже было известно его современникам. В некрологе по поводу его смерти известный славянофил С.П. Шевырев отмечал, что главная черта характера Щербатова – «**чувство собственного достоинства**»[8].

Так, первая отставка Щербатова последовала осенью 1803 г., после неудачных маневров Костромского полка, которым князь тогда командовал. Внешний вид полка не понравился императору

Александру I, который высказал полковому командиру свое мнение – и Щербатов посчитал себя оскорбленным. Впоследствии князь старался всегда говорить правду в лицо и императорам, и другим членам августейшей фамилии, например, великому князю Константину Павловичу. Такая «строптивость» Щербатова часто приводила к тому, что его карьера висела, можно сказать, на волоске.

Самые серьезные в жизни неприятности начались у Щербатова в середине 1820-х гг., после подавления выступления декабристов. И здесь истину вновь необходимо восстанавливать не столько по мемуарам князя, сколько по другим документам. Краткое повествование в предназначенных для печати воспоминаниях, конечно же, не отражает всю сложность взаимоотношений Щербатова с декабристами.

В конце 1824 г. Щербатов, тогда уже генерал от инфантерии, был назначен командиром 4-го пехотного корпуса 1-й армии со штабом в Киеве. В декабре того же года он приехал к новому месту службы и привез с собою своего давнего знакомого, полковника Сергея Петровича Трубецкого – кстати, имя Трубецкого ни разу не упоминается в его мемуарах. Трубецкой, по его собственному желанию, получил должность дежурного штаб-офицера 4-го пехотного корпуса.

Ровно через год произошло восстание на Сенатской площади в Петербурге. Трубецкой, находившийся в столице в отпуску, был избран диктатором этого восстания – однако на площадь не вышел.

23 декабря 1825 г., на одном из первых допросов, несостоявшийся диктатор заявил, что незадолго до событий на Сенатской площади предупреждал К.Ф. Рылеева: «**Это все** (т.е. предполагаемое восстание 14 декабря – *О.К.*) **пустое дело, из которого не выйдет никакого толку, кроме погибели**». Противопоставляя не подготовленному к действиям Северному обществу решительных южан, Трубецкой, по его собственным словам, просил Рылеева отпустить его назад в 4-й корпус, так как «**там если быть чему-нибудь, то будет**»[9]. Отпуск Трубецкого как раз подходил к концу.

Вероятно, сообщая об этом, Трубецкой надеялся убедить следствие, что не желал начальствовать над петербургскими заговорщиками. Слова о 4-м корпусе «**были мною произнесены единственно с намерением отделаться от бывшего мне тягостным участия под каким-нибудь благовидным предлогом. – Надежды предпринять что-либо в 4-м корпусе я иметь не мог, потому что в оном общество не распространено**», – так 15 февраля 1826 г. Трубецкой конкретизировал свое первоначальное показание[10].

Следствие, видимо, удовлетворилось этими разъяснениями, и о 4-м корпусе Трубецкого некоторое время не спрашивали. Однако уже в конце следствия, 8 апреля, показания на эту тему дал Рылеев. По словам поэта, князь, вернувшись из Киева, рассказывал ему и Е.П. Оболенскому, «**что дела Южного общества в самом хорошем положении, что корпуса князя Щербатова и генерала Рота** (Л.О. Рот, командир 3-го пехотного корпуса – *О.К.*) **совершенно готовы**»[11].

Свидетельство Рылеева Трубецкому предъявили 4 мая, и он начал его отчаянно опровергать. Видимо, угроза того, что следствие докопается до его истинных замыслов, страшила Трубецкого более, чем даже признание активной роли 14 декабря. «**Корпуса князя Щербатова я не называл, и если Рылеев и к[нязь] Оболенский приняли, что я в числе готовых корпусов для исполнения намерения Южного общества полагал и 4-й пехотный, то они ошиблись; а мне сказать это было бы непростительным хвастовством, которое не могло бы мне удасться, ибо если бы они спросили у меня, кто члены в 4-м корпусе, то таковой вопрос оказал бы, что я солгал**»[12].

Формально Трубецкой был прав. За все пребывание на юге он никого не принял в общество. К концу 1825 г. в войсках 4-го корпуса служили четверо причастных к заговору офицеров: подполковники А.В. Капнист, А.М. Миклашевский и И.Н. Хотяинцев, а также юнкер Ф.Я. Скарятин (племянник Щербатова). После подавления восстания никто из них не был наказан сколько-нибудь серьезно, не был даже понижен в чине[13].

6 мая Трубецкому и Рылееву была устроена очная ставка. Следователи специально выясняли, говорил или не говорил Трубецкой о своих надеждах на 4-й корпус. И князь вынужден был признать

справедливость показания поэта[14]. Правда, позднейшие историки так и не узнали, чем были вызваны надежды Трубецкого.

Однако вся история с показаниями Трубецкого о 4-м корпусе загадочна только лишь на первый взгляд. Объяснение ей можно найти в следственном деле декабриста майора Н.И. Лорера. Очень хорошо ориентировавшийся в делах заговорщиков Лорер показывал: **«Тайное общество имело всегда в виду и поставляло главной целью обращать и принимать в члены <...> людей значащих, как-то: полковых командиров и генералов, и потому поручено было князю Трубецкому или он сам обещался узнать образ мыслей князя Щербатова и тогда принять его в общество»**[15].

«Кажется, что главная роль Трубецкого заключалась в соответствующем воздействии на высшее командование корпуса. При благоприятном стечении событий в его руках могли оказаться все войска корпуса. Это обстоятельство, можно предполагать, заставляло держаться его возможно осторожнее», – считает Н.Ф. Лавров, биограф Трубецкого[16].

29 декабря 1825 г., через две недели после подавления выступления декабристов в Петербурге, на юге началось восстание Черниговского пехотного полка. Руководил восстанием подполковник этого полка С.И. Муравьев-Апостол, близкий друг Трубецкого. «Столицей», центром восстания был уездный город Васильков, находящийся всего в 30-ти километрах от Киева. Судьба восстания во многом зависела от того, какую позицию займет князь Щербатов – командующий огромным корпусом со штабом в Киеве.

В покорении мятежа на юге не принял участие ни один солдат 4-го пехотного корпуса. И здесь позиция князя Щербатова оказалась принципиальной. **«Видя с большим удовольствием в войсках и жителях города Киева настоящую верность и преданность обязанности своей и приверженности к Государю императору и, напротив того, беспорядок и потерянную надежду мятежников на дальнейшее с ними сообщество, я принял решительную меру показать всю твердость и доверие к войскам и жителям, и потому твердо положился не трогать с места никаких войск»**, – рапортовал он главнокомандующему 1-ой армией, генералу от инфантерии Ф.В. Остен-Сакену уже после поражения восстания[17].

В мемуарах же он объяснит, что не поднял свои войска против мятежников, опасаясь беспорядков в Киеве – корпусной квартире: **«если бы я при самом начале мятежа оставил город с слабою защитою, то вероятно, что злоумышленники, находящиеся в городе между военными, которые впоследствии сделались известными, воспользовались бы этим случаем, чтоб распространить бунт в Киеве»**. Здесь князь грешит против истины: никаких **«злоумышленников»**, несмотря на самое серьезное расследование, в Киеве обнаружить не удалось.

Естественно, что подобные объяснения не могли быть признаны удовлетворительными. Разгневанный начальник штаба 1-й армии генерал-лейтенант К.Ф. Толь писал своему «коллеге», начальнику штаба 4-го пехотного корпуса генерал-майору А.И. Красовскому: если бы **«тотчас по первому известию о мятеже сделано было форсированное движение к Василькову, то 1-го числа вся горсть пьяных мятежников была бы уничтожена, почти прежде, нежели посланный из Киева нарочный мог прибыть к генерал-лейтенанту Роту, которого войска могли действовать не прежде, как по прошествии трех дней»**[18]. Узнав о поведении Щербатова, граф Остен-Сакен **«заболел»**[19]. А выздоровев, написал царю о том, что **«князь Щербатов не способен командовать пехотным корпусом, в особенности при затруднительных обстоятельствах; он имеет наивность воображать себя непогрешимым»**[20]. **«Насколько я имел случай быть довольным Ротом, настолько Щербатов, мне кажется, вел себя как баба»**, – констатировал император Николай I в письме к великому князю Константину[21].

От наказания Алексея Щербатова спасли эполеты «полного» генерала, слава героя 1812 г. и обширные связи при дворе. Очевидно, именно поэтому следователи и не стали доискиваться причин «надежд» Трубецкого на 4-й корпус. Вскоре Щербатова назначили командовать 2-м пехотным корпусом, а 4-й корпус вообще был расформирован.

В мемуарах Щербатова точно описываются последствия, которые имела эта история для него лично. Он не получил официального приглашения на коронацию нового царя и был вынужден просить отпуск, добиваться аудиенции Николая I и долго объясняться с ним. Императору открытый скандал с князем-Рюриковичем, генералом

от инфантерии, знаменитым героем, светской легендой, конечно же, был не нужен, и потому при разговоре молодой монарх обнаружил внешнюю благосклонность. Однако Щербатов был обойден при раздаче наград, сопровождавшей коронацию Николая, – и снова подал в отставку.

В итоге компромисс был найден: награды по случаю коронации князь так и не получил, однако был назначен командовать 2-м пехотным корпусом со штабом в Смоленске. При этом ему было предоставлено право жить в Москве. Видя со стороны императора «**милостивое расположение** <...> **противное принятому порядку службы**», Щербатов забрал прошение об отставке.

Дальнейший жизненный путь князя Щербатова был внешне спокойным. Современникам казалось, что его карьера складывается удачно: при Николае I ему пришлось занимать крупные государственные должности. Но, несмотря на это, безликим николаевским чиновником он так и не стал. До конца своих дней князь Щербатов оставался человеком александровской эпохи, свято хранившим чувство собственного достоинства.

Во главе 2-го пехотного корпуса он принял участие в военной кампании 1828 г. – против турок. Участвовал в осаде крепости Силистрия, которая в тот год так и не была взята; в ходе осады заболел горячкой и едва не умер. По возвращении в Москву Щербатов узнал, что, по мнению стоявших близко к трону «**клеветников**», «**единственною причиною непокорения**» Силистрии и неудачи «**в кампании 1828 года**» была его собственная нерешительность.

Пришлось снова объясняться с императором. Согласно мемуарам Щербатова, он подал Николаю I записку, в которой «**неоспоримо и ясно доказал, что неудача осады Силистрии произошла не от меня, но от несвоевременных и дурных распоряжений главного военного начальства, я поставил на вид поздное выступление моего корпуса и то, что я с ним пришел гораздо ранее назначенного мне времени, следственно, доказал тем поспешность, а не медленность**». Очевидно, что «**клевета**» не возымела действия – император милостиво принял записку Щербатова. В 1830 – 1831 гг. он участвовал в подавлении восстания в Польше. В 1832 г. Щербатов

становится председателем генерал-аудиториата – высшего военно-юридического органа, заведовавшего всей судной и следственной частью российской армии.

Но должность председателя аудиториата князю Щербатову сразу не понравилась: роль следователя и судьи была явно не для него. «**Обязанности мои были не обременительны**, – пишет он, – **но тягостны по чувствам, я не мог хладнокровно, по четыре и по пяти часов сряду, в каждом заседании заниматься одними только преступлениями и определять наказания не по совести, согласно с обстоятельствами, но по всей строгости и жестокости не очищенных еще наших уголовных законов**».

Изменить российское военно-уголовное законодательство не было дано и Щербатову. Однако он гордился тем, что «**имел счастие исходатайствовать генерал-аудиториату право: в мнении своем, представляемом на высочайшее утверждение, определять меру легчайшего наказания взамен назначенного законом**». А также тем, что ему удалось добиться ограничения максимального наказания шпицрутенами «**половинным числом**».

Как показало время, император Николай I не забыл поведения князя в 1826 г.: в декабре 1835 г. Щербатов был в очередной раз обойден при раздаче чинов и наград по случаю именин императора – и снова подал в отставку, которая на сей раз была принята. «**13 декабря 1835 года получил я отставку, прослужив с офицерского чина 43 года, в генеральских – 35 лет, а в чине генерала от инфантерии 12. Был в шести войнах, в 33 сражениях, ранен два раза**», – таким был итог первого этапа военной карьеры князя. На этом заканчивается и первая часть его воспоминаний.

Однако вся жизнь Алексея Григорьевича Щербатова свидетельствует: тихое семейное существование «частного человека» была не для него. Активный человек александровской эпохи, он не мог долго оставаться в бездеятельности. Во второй части своих мемуаров князь рассказывает об обстоятельствах, заставивших его вновь в 1839 г. вступить в службу.

Обстоятельства эти, как следует из мемуаров, были таковы: 21 апреля 1839 г. Щербатов «**пошел гулять на Неву**». «**Проходя мимо дворца во время развода, около которого собралось множество зрителей, и полагая,**

что Государь еще не прибыл к параду», он «**остановился говорить**» со знакомыми генералами. Однако «**Государь уже был тут**» – и выразил свое недовольство присутствием на разводе штатского человека. Император, по словам Щербатова, «**прислал военного губернатора сказать мне, что "он всегда с большим удовольствием увидит такового генерала, каков я, у развода, но в мундире, а не во фраке"**».

Через два дня, на придворном балу, Николай I объяснил Щербатову, «**что он думал, что я пришел к разводу сказать, что опять намерен надеть эполеты, прибавя, что мне неприлично быть без них и как скоро только я вздумаю опять вступить в службу, он с удовольствием увидит мое возвращение**». Пришлось князю срочно подавать прошение о возвращении в службу.

Здесь следует заметить, что, вероятнее всего, в мотивировке поступка Щербатова прав именно император Николай. Опытный военный, князь, конечно же, не мог не знать, что присутствие штатских на разводе, среди его участников, было строго запрещено. Не мог он не увидеть и присутствия императора на разводе: на подобного рода официальных мероприятиях тот появлялся с большой свитой.

Вернее другое: Щербатову надоело быть в отставке, а подавать просьбу императору о возвращении не позволяла гордость. И он намеренно выбрал столь рискованный и в то же время экстравагантный способ напомнить о себе Николаю. И его действия в данном случае увенчались успехом.

Итак, с 1839 г. князь Щербатов вновь на службе. Вскоре он становится членом Государственного Совета; через 4 года получает орден Андрея Первозванного. Тогда же, в 1843 г., он получает и приказание исполнять обязанности московского генерал-губернатора – в отсутствие уехавшего за границу на лечение своего друга и родственника, князя Д.В. Голицына. Через несколько месяцев князь Голицын умирает – и 14 апреля 1844 г. Щербатова утверждают в должности московского генерал-губернатора.

На этом посту князь Алексей Григорьевич Щербатов пробыл пять лет. Его генерал-губернаторская деятельность – тема отдельного исторического исследования. К сожалению, исследование это

будет затруднено, поскольку пребывание на этом посту практически не отразилась в мемуарах князя. Видимо, у генерал-губернатора не оказалось достаточно времени (а возможно, и желания) для воспоминаний.

С большой долей уверенности можно сказать, что эпохой в истории Москвы генерал-губернаторская деятельность Алексея Щербатова не стала. По мнению изучавшего биографию Щербатова великого князя Николая Михайловича, причина неудачного генерал-губернаторства именно в том, что Щербатов «**не был администратором суровых николаевских времен**»[22]. Император Николай сетовал, что Щербатов «**своим легкомыслием совсем распустил Москву**»[23].

В 1844 г. генерал-губернатор запретил хозяевам заводов и фабрик «**по принуждению**» выдавать рабочим заработную плату «**не деньгами, но товаром**» – «**потому что рабочие не имеют права торговли**»[24]. Однако уже после смерти Щербатова выяснилось, что владельцы фабрик и заводов проигнорировали приказание губернатора. И следить за его исполнением пришлось уже губернатору новому.

Пытался Щербатов ввести в столице и обязательное взаимное страхование всех домовладельцев. Однако проект этот был отклонен министром внутренних дел и финансов, Л.А. Перовским[25]. 7 августа 1845 г. генерал-губернатор подписал указ, запрещающий труд малолетних в ночную смену. Владельцы фабрик обязаны были дать подписку, что не будут назначать детей «**12 лет и моложе <...> в смену с полуночи до 6 часов утра**»[26]. Но, конечно, детский труд владельцы фабрик продолжали использовать – и днем, и ночью.

Правда, следует признать, что вреда своей деятельностью в Москве Щербатов тоже не нанес – и этим отличался от целой череды своих предшественников и последователей. Более того, будучи человеком добрым и либеральным, он, по мнению современного историка, «**относился к числу гуманных правителей**»[27]. Он пытался заботиться о нуждах рабочих – самой обездоленной части городского населения. Он выдал заграничный паспорт опальному Александру Герцену. При нем была учреждена справочная служба, «**куда ежедневно**

поступали сведения о наличии мест в московских больницах и куда мог обратиться любой человек, нуждавшийся в медицинской помощи». Он просил денег на новую тюрьму, в которой были бы «**родильное отделение и отделение для ванн в больнице**»[28].

С именем Алексея Щербатова связан весьма активный период строительства храма Христа Спасителя, в годы его правления в Москве строился Большой Кремлевский дворец и Оружейная палата, построен Николаевский железнодорожный вокзал. При нем в Москве появлялись новые дома и дороги, была побеждена эпидемия холеры.

Вообще же Москва своего генерал-губернатора очень любила и складывала о нем легенды – о них шла речь в начале этой статьи. Когда Щербатов вышел в отставку, обеды в его честь дало московское дворянство и московское купечество. «**Дворянство московское всегда помнит, что оно имеет честь считать князя Алексея Григорьевича в числе своих дворян и помещиков и что эта приятная мысль – жить всегда с ним, в настоящее время доставляет ему истинное утешение**»; «**Вы, сиятельнейший князь, во всякое время были доступным начальником, правосуднейшим судьею и чадолюбивейшим покровителем бедных**»; «**Ваше сиятельство расстается с Москвою, но Москва не расстается с Вами!**», – такие речи звучали на этих обедах.

Уважение и любовь москвичей к ушедшему в отставку губернатору проявлялось не только в официальных речах. Узнав, что на место Щербатова назначен граф А.А. Закревский – опытный николаевский чиновник, имевший заслуженную репутацию жестокого консерватора, москвичи сложили четверостишие:

Князь Щербатов ускакал,
И ракетою конгревской
На уснувший город пал
Пресловутый граф Закревский[29].

Те из них, у кого были собственные имения, постарались уехать из Москвы и как можно дольше не попадаться на глаза новому начальнику.

Умер Щербатов через полгода после оставления генерал-губернаторского поста. В уже цитировавшемся выше некрологе Степан Шевырев написал: «**Неустрашимого воина помнит в нем военная история нашего Отечества, доброжелательного и снисходительного начальника помнят подчиненные, а доброго человека не забудут люди**»[30]. Собственно, издание мемуаров Алексея Григорьевича Щербатова и предпринимается с тем, чтобы вернуть из забвения имя «**доброго человека**».

* * *

Выражаю искреннюю благодарность всем тем, кто помогал в работе над вступительной статьей и комментариями: Александре Андреевне Ширяевой, Александру Александровичу Смирнову, Ирине Владимировне Карацубе, Михаилу Павловичу Одесскому, Давиду Марковичу Фельдману, Вадиму Суреновичу Парсамову.

Особая благодарность – Елизавете Леонидовне Яценко, осуществившей переводы французских фраз в тексте мемуаров на русский язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. об этом: *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997. С. 297 – 298.

[2] Русский Биографический Словарь. СПб., 1912. Том «Щапов – Юшневский». С. 91.

[3] ГЛМ. Ф. 402. Оп. 1. Д. 58. Л. 5.

[4] *Вяземский П.А.* Письма к жене за 1832 г. // Звенья. М., 1951. № 9. С. 256, 341 и др.; М.; Л., 1936. № 6. С. 216; Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. Переписка П.А. Вяземского и А.И. Тургенева. 1812 – 1819.

[5] *Вяземский П.А.* Записные книжки (1813 – 1848). М., 1963. С. 309 – 310.

[6] Пушкин в письмах Карамзиных 1836 – 1837 гг. М.; Л., 1960. С. 132.

[7] *Батюшков К.Н.* Избранные сочинения. М., 1986. С. 447 – 448.

[8] Москвитянин. 1849. №1. С. 16.

[9] Восстание декабристов. Документы и материалы (Далее – ВД). Т. 1. Л., 1925. С. 19.

[10] Там же. С. 58.

[11] Там же. С. 179.

[12] Там же. С. 94.

[13] РГВИА. Ф. 14414. Оп. 1. Д. 196, ч. 2. Л. 398 об.

[14] ВД. Т. 1. С. 103-105.

[15] Там же. М., 1969. Т. 12. С. 47.

[16] *Лавров Н.Ф.* «Диктатор 14 декабря» // Бунт декабристов. Л., 1926. С. 189.

[17] ВД. Т. 4. М.; Л., 1929. С. 57.

[18] РГВИА. Ф. 14414. Оп. 1. Д. 453. Л. 35 об.

[19] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в мемуарах и переписке членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 181.

[20] ВД. Т. 6. М.; Л. 1929. С. 68.

[21] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в мемуарах и переписке членов царской семьи. С. 181.

[22] *Николай Михайлович, вел. князь*. Русские портреты XVIII и XIX вв. М., 2000. Вып. 4. С. 242.

[23] Там же.

[24] История Москвы. М., 1954. Т. 3. С. 242.

[25] *Болдина Е.Д*. Преемник кн. Д.В. Голицына на посту московского генерал-губернатора князь А.Г. Щербатов // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы 5 Голицынских чтений 24 – 25 января 1998 г. Большие Вяземы, 1998. С. 79 – 80.

[26] Там же. С. 80.

[27] Там же.

[28] Там же. С. 80, 83.

[29] *Николай Михайлович, вел. князь*. Указ. соч. С. 242.

[30] Москвитянин. 1849. №1. С. 16.

А.Г. ЩЕРБАТОВ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Воспитание

Я родился в Москве 23 февраля 1776 года. На шестом году записан по тогдашнему обыкновению в гвардию унтер-офицером (капралом или сержантом). Родители наши[1] нежно пеклись о всем, что могло быть для нас полезно и, когда настало время воспитания, они употребили к тому все зависящие от них средства, следуя общему обыкновению и просвещению. Публичных учебных заведений тогда в России почти не было, был только в Петербурге Кадетский корпус[2] и в Москве университет[3], но ни в тот, ни в другой высшее дворянство детей своих не отдавало, основываясь на предрассудке или на некоторых предубеждениях против сих заведений, может быть, и несправедливых, ибо Кадетский корпус вначале совершенно соответствовал благой цели учреждения его. И так почти все дворянство воспитывалось дома, кроме весьма малого числа богатейших, посылаемых в чужие края. Русских наставников вовсе не было, почему все юношество вверялось иностранным, по большей части французам, бродягам, безнравственным и даже невеждам, но часто умным прошлецам, которые вкрадывались в доверенность родителей, и если под их надзором не всегда успевали совершенно развратить нравы, то могли иметь вредное влияние на правила вверенных им молодых людей; что же касается до наук и познаний, то, как отцы семейств по большей части сами не были людьми весьма учеными, то легко могли быть ослеплены сими полуучеными иностранцами, которые без зазрения совести брали на себя обязанность преподавать

все вообще науки. Таким образом попался и к нам в дом француз умный и с некоторыми познаниями, но не с чистыми правилами, пламенный обожатель Руссо[4]. Так как мы находились беспрестанно под глазами родителей наших, то его правила мало могли действовать на нашу нравственность, по части же наук наставник наш, бравшись за все, учил нас малому; но по общему тогдашнему развитию просвещения в России оттенок между нами и подобными нам молодыми людьми было мало и, получив хотя поверхностное образование в науках, я старался потом в молодых летах усовершенствоваться сам собою по возможности чрез чтение и занятие.

Вступление в службу

До шестнадцатого года жил я в отцовском доме в Москве и летом в подмосковной деревне селе Литвинове; у нас была псовая охота, я занимался ею, но страстным охотником никогда не был. Осенью 1791 года отец и мать мои повезли в Петербург меня и брата, князя Николая[5], потому что нам наступило производство в офицеры и следовало несколько месяцев прослужить сержантом. Я два раза был наряжен в караул в числе уборных сержантов (так назывался маленький караул, состоящий из двенадцати сержантов из дворян в гренадерских шапках, из коих ставилась пара часовых у дверей перед кавалергардской комнатою), и 1 генваря 1792 года произведен был с братом в прапорщики гвардейского Семеновского полка[6], но как мы еще были слишком молоды, чтоб вступить в действительную службу и чрез то прервать усовершенствование в воспитании, то мы, по обычаю тогдашнего времени, легко получили отпуск на год и вскоре после производства отправились с родителями обратно в Москву, где и вступили в свет. В сем периоде жизни моей ничего не могло быть замечательного, кой-чему еще доучивался, таскался по балам, вышед из детства, но в совершенные люди еще не попав, не мог иметь в обществах полных наслаждений молодого человека и при том имея нрав довольно застенчивый. В 1793 году по

старшинству произведен я в подпоручики и отпуск мой продолжен был еще на год, по истечении коего отец повез нас в Петербург не на службу, а, так сказать, только показать и вновь испросить годового отпуска, который мы и получили. 1 генваря 1795 года произведен я в поручики и назначен полковым адъютантом, в конце сего года отправился уже на настоящую службу в Петербург, где по связям родителей моих вошел в лучшее общество. В 1796 году случилась у брата моего князя Николая, который также служил в Петербурге, несчастная история с шевалье де Саксом (кончившаяся уже в 1802 году поединком и смертью последнего за границею)[7], по сему случаю мы оба поехали с братом в отпуск в Москву, где и оставались до смерти императрицы Екатерины II[8].

Вступление на престол императора Павла I

В конце ноября 1796 года, по вступлении на престол императора Павла I[9], явился я в полк, и с того времени наступила моя действительная и непрерывная военная служба.

Совершенный переворот в военной службе, преобразование русской армии как в внешнем ее виде, так и в устройстве в прусское войско времен Фридриха II[10], суровая строгость, заменившая мягкое правление предшествующего царствования, все вводимые новости или, лучше сказать, обращение во многом за полвека назад, сделало сильное на всех впечатление, большое число военных, особенно в гвардии, оставили службу, еще более за малейшие ошибки были отставляемы или выключены. Сие последнее было весьма важным наказанием, ибо впоследствии царствования Павла I, когда число выключенных значительно умножилось, то запрещено им было жительство в городах и все таковые состояли некоторым образом под надзором земской полиции. Император Павел I, будучи великим князем и генерал-адмиралом, имел при себе в Павловске и Гатчине несколько батальонов морских, которые одеты были и выучены совершенно по образцу Фридриха II; из сих батальонов сформированы

были также несколько эскадронов тяжелой и легкой кавалерии. Сие маленькое войско должно было служить образцом всей русской армии при вступлении Павла I на престол – что в сем случае немедленно и исполнилось. Все сие так называемое гатчинское войско на другой же день после смерти императрицы Екатерины II вступило в Петербург и распределено было по роду службы в полки гвардии. Офицеры сего войска вообще были без всякого образования и воспитания, многие, выгоняемые из полков армии и не находя нигде места, являлись в Гатчину, где принимаемы были без затруднения, из сего можно судить, каков был корпус сих офицеров, вступивший в состав гвардии, состоявшей тогда только из трех пехотных и одного конного полка, наполненных офицерами из первейших фамилий российского только дворянства, хорошо образованных и составляющих по большей части лучшее общество и даже двор императрицы Екатерины. Сии пришлецы, которые навсегда сохранили название гатчинских офицеров, никогда не смешивались с нами; но они были нашими учителями. Я прилежно занялся службою и вскоре признан был хорошим фрунтовым офицером. В начале 1797 года вся гвардия пошла в Москву для коронования императора, там произведен я в штабс-капитаны (капитан-поручик); весною двор и гвардия возвратились в Петербург. Я не буду описывать все перемены и происшествия нового царствования, как молодого человека сие меня мало занимало, да сверх того я пишу не общие записки того времени, а только воспоминания, касающиеся до меня собственно. В Петербурге мне не трудно было по фамильным связям войти в лучшее общество. Летом во время пребывания двора в городе Павловске, а осенью в городе Гатчине, по одному батальону от каждого гвардейского полка ходили туда на месяц для содержания караула, и я проводил там время довольно весело. В 1798 году император Павел I принял звание Магистра Мальтийского Ордена и, учредив Российское приорство (laugue) сего Ордена, установил командоров и кавалеров[11], в число последних избрал по несколько офицеров гвардии, между прочих и меня. Сей первый знак отличия был для меня

весьма приятен, тем более, что тогда еще очень мало молодых офицеров получали ордена. Быстрое производство в чины, происходящее от того, как я уже сказал, что многие оставляли или отставляемы были от службы, возвело и меня вскоре в капитаны, чрез четыре месяца потом в полковники, а чрез полтора года, т. е. 28 ноября 1800 года, в генерал-майоры с назначением шефом полка моего имени, квартирующего в Петербурге. Можно себе вообразить, как лестно было самолюбию молодого человека на двадцать пятом году так рано стать на сию высокую военную степень и видеть себя начальником полка в столице. Я получил известие о сем производстве, будучи болен от удара лошади в грудь на осенних маневрах в Гатчине, где я командовал батальоном Семеновского полка.

Назначение к шведскому королю в свиту

Вскоре после сего получил я приятное назначение находиться при короле шведском Густаве IV[12], которого ожидали в Петербург; военная свита, назначенная ему, состояла из генерала от инфантерии Михаила Илларионовича Кутузова (бывшего князя Смоленского)[13], двух генерал-лейтенантов и двух генерал-майоров, я поступал на место прежде назначенного уже генерал-майора из гатчинских; по приезде короля мы беспрестанно находились при нем, сопровождая его каждое утро к разводу, потом к обеду государеву, а вечером в театр. После двухнедельного пребывания его в Петербурге вдруг произошло между императором и им расстройство, и Павел I, следуя порыву своего характера, на другой же день выслал короля из Петербурга без малейших почестей, отказав даже в сопровождении до границы.

Приятная жизнь в Петербурге

Теперь должен я поместить любовные мои приключения: граф З…[14], находившийся с начала царствования Павла I под строгой опалою, только что возвратился в Петербург с прелестною молодой

женою, известною красотою и любезностию; квартира моя на Петербургской стороне, где расположен был полк мой, была чрез дом от его дома; я без всякой цели поехал посетить графа <…>[15], был принят хозяйкою, которая явилась столь прелестной, столь очаровательной, что я при первой с ней встрече пленился ее красотою, умом и свободным обхождением; с этой минуты я искал всех случаев чаще с нею видеться, в чем легко и успел, частые свидания в обществах короче познакомили меня с нею, и я не замедлил объяснить ей то чувство, которое она во мне поселила; одним словом, я страстно ее полюбил, и она сделалась единственным предметом моих помышлений, я проводил все мое время в ее обществе, даже самая служба подавала мне способ чаще с нею видеться; из беседки сада ее была дверь на площадь, где я всякий день делал разводы, которые я не начинал прежде выезда графа <…>[16] по обыкновению его поутру около 11 часов. Можно себе вообразить восторг молодого генерала, окруженного военным блеском пред глазами предмета его обожания, я вполне наслаждался сим чувством, после развода обыкновенно заходил я завтракать в беседку.

Вступление на престол императора Александра I[17] в марте месяце переменило совершенно вид столицы, все оживилось радостию, исчезли древние формы одеяний, особенно военные, страх уступил место веселию и забавам, свойственным молодому царствованию, одним словом, все преобразовалось; в сем сладостном упоении забав и любви провел я все лето. Осенью двор переехал в Москву для коронования; и я, получив отпуск, туда же отправился, сколько для участвования в сем торжестве, столько же для провождения сего времени в семействе моем, и для соединения с предметом моей страсти, уехавшей также в Москву. Но увы! Прелестная волшебница изменила мне, другой счастливец заступил мое место. По возвращении моем в Петербург в одно время с двором я имел счастие провесть всю зиму со всеми моими родными вместе, отец мой со всем домом приехал на зиму в Петербург, но весною счастие сие было прервано большим для меня беспокойствием, которое я должен был скрывать от родных: брат мой, князь Николай под предлогом

побывки по службе поехал в Вену отмстить шевалье де Саксу за обиду, нанесенную ему в 1796 году, о которой я уже упомянул, но вскоре возвратился счастливо, и тогда только родные наши узнали настоящую цель его отсутствия.

Квартирование в Новой Ладоге

Осенью сего года полк мой перешел из Петербурга в Новую Ладогу, можно себе вообразить, что я почувствовал при сей перемене; после приятной столичной жизни перейти вдруг в уединение показалось мне несносно, однако я старался провесть время сколь можно лучше; занялся более полком, который и привел в лучшее положение. Не имея никаких светских развлечений, я совершенно предался службе, а в свободное от нее время – чтению. На другой год, осенью 1803-го, я пошел с полком на маневры в Красное Село, а после оных, прежде возвращения в Ладогу, полк оставался в городе Гатчине с другими полками петербургской инспекции для смотра государева. Полк мой был в совершенной исправности, хорошо выучен и одет весь снова, и потому я нимало не беспокоился сим смотром. Но независящие от меня обстоятельства уничтожили все труды мои. В назначенный день для смотра Государь приехал из Петербурга рано поутру и начал смотр со старших двух полков, мой, между тем, стоял в готовности, выстроенный против самого дворца на вновь спаханном поле, месте, ему назначенном. За несколько времени до окончания смотра старших двух полков начался небольшой дождь, который мало-помалу увеличивался, сделался наконец проливным. Весь опрятный вид полка пропал, беление кожаной амуниции потекло по мундирам, все повисло, а пашня, на которой стоял полк, превратилась в болото. В сем положении Государь подъехал к полку; приехав из Петербурга с тем, чтобы осмотреть четыре полка в один день, вероятно, для того не захотел отложить смотра до другого дня, и потому, несмотря на неблагоприятную погоду, под сильным дождем начал ученье: ружейные приемы исполнены были порядочно, но когда началась стрельба с порохом, то замокшие ружья

долго не могли стрелять, но потом разогрелись и сие поправилось; начались движения линейные и построения, тут уж невозможно было бороться с природою. Люди тонули в грязи, следственно, не могли ни ровняться, ни исполнить правильно никакого построения; – смотр совершенно был неудачен. Государь прежде окончания, т. е. прежде церемониального марша, отъехал от полка, изъявив мне неудовольствие свое, по всей справедливости следовало неудачу сию приписать погоде и назначить другой смотр. Я столь сильно почувствовал несправедливое заключение Государя на счет полка, что тут же, распуская его, объявил штаб-офицерам, что меня в последний раз пред ним видят. Я тотчас решился оставить службу, не хотя находиться целый год до будущего смотра под неприятным замечанием, и сверх того я рад был расстаться с Ладогою. Перед выступлением полка из Гатчины на квартиры я поехал в Петербург для подачи прошения об отставке, меня старались было удержать, но я не переменил своего намерения, проводил полк до Ладоги, и там, вскоре получив отставку, возвратился в Петербург, где прожив недолго, поехал к родным в Москву. Там провел я зиму в кругу семейном и в приятной свободе, которую я лучше умел ценить после скучной и принужденной жизни в Ладоге; летом насладился я деревенскою жизнию в Литвинове после семилетнего отсутствия из места, где провел я ребячество и первую молодость. С каким удовольствием увидел я опять все то, что напоминало мне счастливейшие минуты жизни. Но тихая и спокойная сия жизнь недолго продолжалась: расставшись недавно с военно-мирною жизнию, я скоро опять вступил в службу, но в службу настояще-военную, с войнами, опасностями и славою, мне наскучило быть генералом мирным, вахтпарадным[18], я жадничал заслужить звание генерала на поле битвы.

Вступление вновь в службу

Узнавши о возгоравшейся войне с Франциею, я поспешил отправиться в Петербург, чтоб войти опять в службу и просить быть употребленным в действующей армии, но был принят на том только

условии, чтоб формировать один из новых полков, назначенных для усиления армии, с обещанием, что они вступят в состав ее, как скоро будут готовы; и так я назначен был шефом нового Костромского пехотного полка и скоро отправился в город Слоним, штаб-квартиру его. Польские губернии много имеют преимущества перед внутренними российскими в рассуждении общества и, следственно, приятностей жизни, и потому, вместо скуки ладожской, я нашел в Слониме довольно удовольствия, я познакомился со многими окружающими помещиками, вообще образованными, и приятного общества, между прочим возобновил знакомство с княгинею Сапегою, которая в местечке Деречине, постоянном ее пребывании, соединила многочисленное и постоянное общество, съезжающееся из дальнейших мест Польши, и где я увидел образец прежней жизни польских магнатов, ибо княгиня Сапега при большом богатстве соединяла все то, что могло привлекать в ее обществе – любезность и гостеприимство. По службе я имел мало занятий; полк мой еще не существовал, собирались только офицеры, назначенные в состав его, по части из разных полков, а рекруты были еще в пути.

Аустерлицкое сражение

Неожиданное происшествие истребило мои надежды, армия наша встретилась с французскою при Аустерлице[19], и сражение сие было первым и последним, вследствие чего армия наша возвратилась в свои пределы. Известие о сем несчастном сражении получил я от самого императора Александра, поспешно возвращавшегося чрез Слоним в Петербург в сопровождении одного обер-гофмаршала графа Толстого[20] и фельдъегеря, исполнявшего в сем случае и должность камердинера, ибо прочая свита государева за ним не поспевала. Государь прибыл в Слоним ночью и, приняв меня на почтовом дворе, сам изволил рассказать мне некоторые подробности неудачного сражения.

Смерть брата

Вслед за сим поражен я был известием о смерти меньшего брата моего князя Владимира, который был легко ранен в Аустерлицком сражении, занемог горячкою на обратном марше с лейб-гвардии Егерским полком, в коем служил подпоручиком; и не получа должного врачебного пособия по скорости марша и потому, что полк сей, как и многие прочие, находился в расстроенном состоянии, потеряв обозы и аптеки, оставлен был полком в городе Кракове, где и скончался; потеря сия огорчила меня чрезвычайно; я очень любил его, у меня в полку в Ладоге начал он службу. Проходя с полком чрез Слоним на другой день моего туда приезда, я в последний раз с ним простился. При сем прощании случай совершенно простой, и на который я не обратил никакого внимания, пришел мне на память по получении известия о смерти брата и показался мне как будто предвещанием несчастия; проведя вечер вместе со мною накануне выступления полка, он должен был поздно идти за приказанием, будучи батальонным адъютантом, ибо полк выступал чем свет; между тем, я лег в постелю, а он сидел подле меня на оной; свеча догорала на столе, и пред тем, как нам расставаться, она сама собою погасла и мы поцеловались во тьме.

По получении несчастного известия я тотчас поехал в город Брест-Литовск, где была главная квартира генерала Михельсона[21], начальника резервной армии, в коей полк мой считался, чтоб испросить короткий отпуск в Москву для объявления о потере нашей старым родителям, и немедленно туда отправился, но по приезде узнал, что сестра моя[22] за несколько дней перед моим прибытием помолвлена за Ф.И. Соловово и что свадьба должна быть скоро, почему, дабы не расстроить ее на дальнейшее время, я должен был отложить печальное объявление до окончания оной, а между тем, согласившись с прочими родными, под разными предлогами старались ускорить свадьбу, поставя побудительною причиною и то, что я, имея только короткий отпуск, желал быть свидетелем оной; таким образом

радость родителей наших скоро уступила место жесточайшей печали, особенно мать наша, страстно любившая брата, была неутешна.

Скоро после сего возвратился я к полку в Слоним. Роты из разных полков и рекруты начали сходиться, и чрез то занятия мои увеличились; в конце зимы, по новому расписанию, перешел я с полком в город Новогрудок, так же Гродненской губернии, как и Слоним, там доканчивалось и формирование полка. Армия наша, возвращаясь после Аустерлицкого сражения в изнуренном состоянии с неумеренным числом больных, заразила на пути все гошпитали и весь край, чрез который проходила, прилипчивою нервною горячкою (Typhus) так, что во всех полках, в Литве расположенных, число больных сделалось чрезвычайным, в моем доходило до 600, что составляло около четвертой части тогдашнего комплекта. Лето прекратило сие зло. Полк мой был совсем готов и выступил в лагерь, где усовершенствовался в учении, и под конец оного представлен был на смотр корпусного командира генерала Корсакова[23], который удивился, увидев полное полковое ученье в трехбатальонном составе и с артиллериею (которая тогда находилась при полках), тогда как прочие полки, в одно время с моим формировавшиеся, представлены были на смотр побатальонно и даже поротно. Распустив полк по квартирам, я поехал в город Вильно отдохнуть и повеселиться, но недолго мог пользоваться сею свободою, скоро по приезде моем туда получено повеление всем войскам готовиться в заграничный поход так, чтоб по получении вторичного повеления могли в 24 часа выступить. Вследствие сего я тотчас отправился к полку в Новогрудок и занялся приготовлением, и недели чрез две выступил с полком к городу Гродно, где перешли чрез реку Нарев за границу в начале осени 1806 года.

Поход 1806 года

Полк мой состоял в бригаде генерал-майора Барклая де Толли[24]. На марше до города Пултуска, где армия остановилась, ничего примечательного не случилось. Генерал от кавалерии граф Беннигсен[25], главнокомандующий армиею, расположил здесь главную свою

квартиру. Так как предмет сих записок состоит в том только, чтоб соединить и изложить на бумаге, сколько памяти моей достанет, все воспоминания моей жизни, я не берусь описывать весь ход сей кампании, а буду только упоминать о главных происшествиях и особенно о том, что относится до меня.

В Пултуске простояли мы довольно долгое время в бездействии, здесь узнали о поражении прусской армии в сражениях при Иене и прочих[26], о быстром движении французов к нам навстречу и о приближении их к Варшаве, которую скоро и заняли. Король прусский[27] приехал в Пултуск для совещания с генералом Беннигсеном о плане кампании. Общее мнение в Петербурге упрекало генерала Беннигсена в нерешимости и медлительности в движениях, и потому назначен был на место его начальником армии престарелый фельдмаршал граф Каменский[28], в котором надеялись найти другого Суворова: до прибытия его в главную квартиру начались уже некоторые движения войск по распоряжению еще графа Беннигсена, но прибывший вскоре в Пултуск граф Каменский, по обыкновению преемников власти и по врожденной его запальчивости и опрометчивости, нашел все распоряжения предместника своего дурными, без внимательного соображения дал новые направления полкам и много наделал путаницы. Между тем Наполеон быстрыми шагами, ободренный чудесными успехами над пруссаками, шел на нас двумя колоннами. Главная, под личным его предводительством, встретилась с нашей армией на полях Пултуских[29], где генерал Беннигсен ожидал уже неприятеля в боевом строю, а вторая, направленная также на Пултуск, шла чрез местечко Голомино[30], где нечаянно встретилась с двумя отрядами наших войск, которые, вследствие распоряжений графа Каменского, после неудачных сшибок с неприятельскими передовыми отрядами, бродили наудачу и также нечаянно соединились у Голомина. Сии два отряда, один под командою генерал-лейтенанта Дохтурова[31], а другой – генерал-лейтенанта князя Д.В. Голицына[32], в коем состоял мой полк, замедлили движение неприятельской колонны и тем воспрепятствовали ей участвовать

в Пултусском сражении, отчего произошло спасение нашей армии от совершенного разбития. Здесь место сказать, что граф Каменский отправился сам к авангарду, состоящему под командою генерал-майора Барклая де Толли и, не доехав до него, встретил расстроенные уже части передовых войск наших от сильного натиска неприятеля, так потерял голову, что, тотчас воротившись в Пултуск, разъяренный и почти помешанный, объявил графу Беннигсену, что не может поправить испорченного предместником его дела и потому, поручая ему действовать по обстоятельствам, сам отправляется ту же ночь в Гродно для приготовления и принятия новых военных мер. Граф Беннигсен, вступив опять в главное начальство, занялся немедленно распоряжениями к сражению, надлежащему произойти наутро. Сие первое генеральное сражение, описанное военными писателями, в коем мы до ночи удержали место, доказало по крайней мере свету, что русские могли устоять против французов, предводительствуемых до сих пор непобедимым Наполеоном, но как ночью армия наша ретировалась с места сражения, то по справедливости нельзя полагать оное нами выигранным, хотя реляции наши провозгласили его таковым, ибо выигранное сражение доказывается успешными последствиями, – обыкновенно наступательными движениями, а не отступлением.

Голоминское сражение генваря 1807-го

Теперь обращаюсь к Голоминскому сражению, происходившему в один день с Пултуским, и в котором я был действующим лицом. За два дни перед сим сражением следовал я с полком по предписанию фельдмаршала на подкрепление авангарда и должен был по пути присоединить к себе две артиллерийские батарейные роты, которые назначены были туда же идти под моим прикрытием. Соединение их со мною совершенно затруднило следование полка, которое в продолжении целой ночи употребил я с изнурением сил людей для вытаскивания орудий и фур, утопающих на каждом шагу в грязи; после чрезвычайных усилий дошел я до местечка <…>[33],

куда прибыл также дивизионный мой начальник князь Голицын, и только что сбирался отдыхать после трудного перехода, как узнал о приезде фельдмаршала графа Каменского с его штабом, возвращавшегося от разбитого авангарда, как выше сего сказано. После отъезда графа Каменского князь Голицын простоял целый день на месте, присоединив к себе несколько полков других дивизий, которые с разных передовых пунктов ретировались от неприятеля; сей случайно составленный отряд отступил ночью к местечку Голомину, преследуемый уже передовой неприятельскою конницею, оставя в грязи две или три пушки, которые никакими усилиями вытащить было невозможно. На рассвете отряд сей прибыл к местечку Голомину, и вслед за ним показался неприятель. В то же время проходил чрез сие местечко генерал-лейтенант Дохтуров со своею дивизиею, быв также тесним французами, соединился с отрядом нашим для отражения неприятеля. Я получил приказание занять лес на левом фланге нашей позиции, к моему полку присоединен был Днепровский пехотный полк и один батальон Таврического гренадерского, а потом два эскадрона Псковского драгунского полка, таким образом отряд сделался довольно значителен, что было и необходимо для укрепления нашего левого фланга.

Это было первое для меня сражение и, не имея еще никакой военной опытности, я поставлен был начальником на пункт, на который неприятель направил главное свое движение, чтоб, обойдя нашу линию, отрезать нам дорогу для соединения с армиею нашею; распоряжения мои в сем случае были несколько согласны с моей неопытностию – лес занял я как ученик, но, увидя, что неприятель предупредил меня своими стрелками и угрожал в оном опасностию, я, к счастию, решился выйти из леса и занять позицию на поле; надобно заметить, что полк мой состоял весь из молодых солдат, не бывавших еще в делах, так же ни один штаб- и обер-офицер, подобно мне, войны еще не видал. Выходя из леса левым флангом, один из батальонов прикомандированных ко мне полков, шедший в голове колонны, будучи встречен выстрелами неприятельских стрелков, пробравшихся чрез лес, приведен был в замешательство и начал

в беспорядке поспешно принимать в сторону; беспорядок сей скоро сообщился всему моему отряду, страх, подобно электризму, мгновенно перешел от головы до конца колонны, полк мой послед предыдущим так же, как и они, смешался. Видя постыдное отступление сей расстроенной толпы, я подскакал к бегущим передовым знаменам моего полка, соскочил с лошади, взял одно знамя, побежал с ним вперед до того места, где надлежало выстроить отряд, все прочие знамена моего полка немедленно последовали за мною, а за ними и расстроенные мои батальоны, дойдя с ними до линии построения, я приказал адъютантам расставить знамена на батальонные дистанции, а людям примыкать к оным по принадлежности, что и было немедленно исполнено, прочие полки тотчас последовали за моим, и чрез то мгновение беспорядок был исправлен; сим было доказано, что не трусость, но неопытность людей была причиною минутного замешательства, я почел себя счастливым, что в первом для меня деле мне удалось предохранить себя и войско, мне вверенное, от стыда. Сим моим движением неприятель был остановлен до ночи; он не осмелился сделать решительного наступления, и мы оставались в оборонительном положении; наконец французы начали движение с намерением обойти наш левый фланг, тогда и все наше войско начало отступать чрез местечко Голомин к местечку Макову, куда пришли мы к рассвету и нашли там корпус генерал-майора Буксгевдена[34], за несколько дней прибывший из России в подкрепление действующей армии; тут мы узнали о Пултуском сражении: генерал Буксгевден, слыша сильную канонаду оного, не почел нужным или возможным, не знаю, по каким обстоятельствам, двинуться со своим корпусом для подкрепления графа Беннигсена, что бы могло дать другой оборот сражению; может быть, и должно полагать, что причиною сего была непозволительная щекотливость старшинства, ибо генерал Буксгевден был в чине старее графа Беннигсена, и потому не хотел ему подчиниться, а принять начальство над армией не имел права. Вскоре после сего он был отозван от армии, а генерал Беннигсен утвержден главнокомандующим. На другой день полк мой соединился у города Остроленки с армиею, прибывшей туда после

Пултусского сражения, и поступил в авангард, состоящий под командою генерал-майора Барклая де Толли (где он и оставался до конца войны). За Голоминское дело я награжден орденом Святого Георгия 4 класса.

Сражение при Янкове[35]

Армия, взяв другое направление, вступила в Пруссию; авангард наш встретился с неприятелем под местечком Янковым, где было небольшое сражение, после которого авангард, теснимый неприятелем, начал отступать к армии.

Сражение при Гофе[36]

Дойдя до селения Гоф близ города Лансберга, полки наши только что начали было располагаться на бивуаках после тяжелого ночного перехода, как были атакованы превосходными силами, состоящими из многочисленной кавалерии. Поражение авангарда было самое быстрое и решительное, и потеря наша весьма значительна; в сем несчастном деле все полки потеряли большую часть своих людей и знамен, в том числе и мой Костромской полк, коего два батальона сильно пострадали от кавалерии, потерял три знамени. Прибывшие из города Лансберга два полка, присланные главнокомандующим для подкрепления авангарда, имели ту же участь; ночь прекратила бой, ночью армия отступила от Лансберга до города Прейсиш-Эйлау.

Сражение при Прейсиш-Эйлау[37]

На другой день вся французская армия, предводительствуемая самим Наполеоном, явилась пред нами; я не стану здесь описывать сие столь знаменитое сражение, это дело военной истории – и оно слишком известно, скажу только, что русские после кровопролитнейшего боя удержали место сражения, но ночью отступили к городу

Кенигсбергу и одержанную победу сделали пред светом сомнительною, ибо французы, будучи в полном отступлении, узнав на другой день, что и мы оставили место сражения, остановились и пошли за нами, почему и присвоили себе вид победителей. После дела Гофского полк мой, будучи, как сказано, совершенно разбит, поступил в резерв, но в Эйлавском сражении, со всем резервом будучи выдвинут в первую линию на место пострадавшего нашего левого фланга, потерял еще довольно людей от сильного неприятельского огня.

Простояв несколько дней под Кенигсбергом, где армия снабдилась запасами, она опять двинулась вперед. Я получил начальство над одним из четырех отрядов авангарда, состоящих под главною командою генерал-лейтенанта князя Багратиона[38]. Отряд мой состоял из двух пехотных, одного егерского и одного гусарского полка с принадлежащею артиллериею, но полки сии, особенно пехотные, после понесенных ими потерь были весьма слабы. Направление моего отряда было чрез город Прейсиш-Эйлау, где я не мог обозреть без ужаса место сражения, покрытое трупами наших воинов, и по которому бродили еще раненые лошади. В самом городе нашел я тяжело раненных наших, оставленных французами при отступлении их. Продолжая движение вперед, дошел я до города Гутштадта.

Сражение при Гутштадте

Французы, намереваясь остановиться за рекою <…>[39], сделали наступательное движение на все наши авангарды, и я тут был атакован, отразив по возможности их превосходные силы; я по общей диспозиции отступил в порядке до местечка Лаунау, где соединились все отряды авангарда князя Багратиона и остались тут в наблюдательном положении до самой весны, что и составило род перемирия. После нескольких дней пребывания моего в Лаунау получил я приказание явиться в главную квартиру в город Бартенштейн с тем, что там получу новое назначение; сдав командование полка старшему по мне, я немедленно отправился в главную квартиру.

Отправление мое в Данциг

Граф Беннигсен объявил мне, что крепости Данциг[40] угрожает осада, король прусский просил императора Александра отправить туда некоторое число русского войска не столько для подкрепления гарнизона, сколько для восстановления духа пруссаков, которые видели почти все свои крепости падшими перед французами без надлежащей защиты, главнокомандующий назначил для сего предмета три батальона гарнизонные, шедшие из России на подкрепление армии и находящиеся уже близ Кенигсберга, потому ли, что они ближе прочих войск находились от Данцига, или для того, чтоб не ослабить более армии после понесенных ею потерь, отделив от нее несколько батальонов. Граф Беннигсен сказал мне с лестными для меня выражениями, что он уже донес Государю, что избрал меня начальником сего отряда, к которому должны были присоединиться три казачьи Донские полка, находящиеся уже на Нерунге; получив все нужные наставления, я немедленно поехал в Кенигсберг, где должен был получить от тамошнего генерал-губернатора, прусского генерала Рейхеля, подробнейшие сведения о положении Данцига и согласоваться с ним в распоряжениях, потребных для моего туда следования. При первом свидании он известил меня, что французы заняли Нерунг, почему находящиеся там наши три казачьи полка принуждены были войти в Данциг, следовательно, предназначенное мое следование чрез Нерунг сделалось невозможным, почему генерал Рейхель предложил мне отправиться в Данциг морем, для чего он уже и приготовлял суда. Так как сии новые обстоятельства не были еще известны нашему главнокомандующему при моем отправлении из главной квартиры, то я и почел нужным послать немедленно курьера для извещения его об оных и для получения новых приказаний. Посланный мой привез мне согласие генерала Беннигсена на отправление отряда моего морем, и как батальоны прибыли уже к Кенигсбергу, то я им тотчас велел следовать к городу Пилау, где они должны были сесть на суда, и немедленно сам за ними туда отправился; найдя все готовым к отплытию, я на другой же день по прибытии в Пилау сел на суда.

Отправление в Данциг

Переезд сей обыкновенно делается с благоприятным ветром в восемь часов, но вдруг сделалось совершенное безветрие и мы целую ночь простояли на одном месте и уже на другой день, 17 марта, прибыли в Данциг. Накануне французы открыли траншеи, следственно, с самого прибытия моего началась формальная осада крепости. Перед отправлением моим из Кенигсберга донес я главнокомандующему, что, осмотря батальоны, нашел я нижних чинов совершенно способных к полевой службе, но, зная, что гарнизонные батальоны наполнились по большей части офицерами, выписанными из армейских полков по разным неспособностям, а часто и за дурное поведение, то я не мог полагать большую надежду на таковой корпус офицеров и что я при первой моей с ними встрече заметил уже некоторых не соответствующими своему званию, и потому просил прислать мне некоторых штаб- и обер-офицеров моего полка, но сие не было исполнено, и последствие, по несчастию, оправдало мое мнение, о чем будет сказано в своем месте. В Данциге военным губернатором был старый генерал от кавалерии граф Калькрейт (произведенный в фельдмаршалы после сдачи крепости)[41], известный уже в Семилетней войне, человек блистательнейшего ума, с большими дарованиями, но уже несколько слабый по преклонным летам.

Назначение вторым военным губернатором

Я назван был королем прусским вторым военным губернатором с повелением графу Калькрейту не заключать никаких условий на капитуляцию без моего согласия, хотя сие могло быть ему и неприятным, но он ни в каком случае мне того не показывал, а напротив, доказывал мне всегда уважение и доверенность. Гарнизон состоял почти весь из запасных батальонов и эскадронов действующей армии тех полков, которые принадлежали прусской Польше, следственно, составлены были из поляков, верность сего войска поколебалась отторжением сей части Польши от Пруссии, а дабы еще

больше действовать на умы, Наполеон сформировал Польский легион из всех пленных поляков прусской и русской армий и употребил его при осаде Данцига; вскоре побеги пруссаков сделались чрезмерны, часовые перескакивали чрез палисады и уходили к неприятелю, почему беспрестанно должно было переменять пароли и лозунги, и неприятель знал все, что происходило в крепости. Служба гарнизона, особенно русских, сделалась очень трудною, тем более по приближении траншей, ибо ненадежных солдат уже невозможно было употреблять на передовые пункты.

Бомбардирование Данцига

Наконец 17 апреля началось бомбардирование, тогда еще умножились наши труды и деятельность, русские переходили с места на место по мере опасности. Казаки, бесполезные на конях внутри крепости, употреблялись наравне с пехотными на валах; прибыв к армии и узнав положение наше, император Александр удостоил меня нижеследующим рескриптом:

Рескрипт императора Александра I

«Господин генерал-майор князь Щербатов.

Похвальное поведение Ваше в течение сей кампании и особенно твердость и деятельность, оказываемые Вами во время нахождения Вашего с частию войск наших в Данциге, подают мне случай отдать всю справедливость отличному усердию Вашему. Изъявляя Вам за сие особенное мое благоволение, я уверен, что Вы, по важности настоящих обстоятельств, усугубите старание Ваше на общую пользу и приобретете тем более права на признательность мою.

Пребываю Вам благосклонный
Александр.

В Бартенштейне
21 апреля 1807»

Но все усилия наши не могли удерживать обыкновенного хода осады, одна только внешняя помощь могла освободить Данциг от участи всякой крепости, предоставленной собственной защите. Уже начали истощаться как военные, так и мясные запасы; предвидя угрожающую нам опасность, я послал адъютанта своего (Лопухина) в главную квартиру с подробным донесением о бедственном нашем положении, вследствие чего, после долгого и напрасного промедления, главнокомандующий решился наконец (но уже поздно) послать морем отряд войск под начальством генерал-майора графа Каменского (Николая Михайловича[42]), для освобождения или подкрепления крепости. Наполеон, узнав о сем, тотчас присоединил к осадному войску отборный десятитысячный гренадерский корпус генерала Удинó[43], бывший тогда под начальством маршала Ланна[44], что и составило против нас армию числом около 50 тысяч, тогда как весь гарнизон, состоящий с начала обложения Данцига из 17 тысяч, после потерь в сражениях, от болезней и, особливо, как уже сказано, побегами, не имел уже более 8 тысяч под ружьем для защиты всего обширного пространства крепости.

Занятие французами острова Гольма

Чтоб отнять у графа Каменского способ соединения с нами, французы воспользовались одною темною и бурною ночью для завладения островом Гольмом, отделяющим крепость от моря, там находились только несколько рот русских под командою батальонного командира майора Уткина. Как будто предчувствуя опасность, я в то же утро объехал весь остров, дал нужные приказания для соблюдения неусыпной осторожности на важнейших пунктах, но майор Уткин мало озаботился исполнением своей обязанности, пренебрег предписанные ему меры предосторожности и тем способствовал французам без большого затруднения переправиться чрез Вислу и занять остров, чрез что мы совершенно потеряли сообщение с морем, единственную связь с армиею нашей. На другой день после

сего несчастного случая мы уже испытали последствие его, увидя английский фрегат, идущий к нам с порохом, остановленный на Висле (наведенным чрез нее французами мостом на острове Гольм), и взятый в плен; потерею пороха лишились мы последнего средства к продолжению защиты (на корабле сем был и адъютант мой Лопухин, возвращающийся ко мне). Вскоре после сего прибыл и граф Каменский на судах в Вейкиль-мюнд (малая крепость на берегу моря при устье Вислы). Тут потерял он два дни в напрасном ожидании одного корабля с войском, отделившегося от него ветрами; между тем французы приняли все меры к сильному отражению его, и когда он предпринял наступательное движение для сближения с нами, нашел против себя превосходнейшие силы. Сражение произошло довольно жаркое, после которого граф Каменский возвратился в Вейкиль-мюнд и обратно отправился на судах к армии. Мы потеряли последнюю надежду на спасение крепости, между тем осада ее шла быстрыми шагами, французы уже короновали гласис[45] Гагельберга (передового укрепления) и готовились к приступу.

Сдача крепости

В сем отчаянном для нас положении они предложили нам сдаться на капитуляцию, – участь неизбежная всякой крепости, предоставленной собственным средствам, но не менее тягостная и несносная после всевозможных усилий; в таком случае остается одно только утешение, – совесть, когда исполнено все, что честь требует от настоящего воина <…>[46] Лишенные всех внешних пособий, – запасы пороха не более как на несколько дней, – мы должны были покориться судьбе: начались переговоры; маршал Лефевр[47], главнокомандующий осадою, прислал начальника штаба своего, дивизионного генерала Друэ (бывшего почтмейстера в Варенне, который остановил в бегстве несчастного Лудовика XVI)[48]. Я решился было с русскими пробиться чрез Нерунг к Пилау, некоторые прусские офицеры предложили мне следовать со мною; но, узнав о непреоборимых препятствиях, которые соделывали предприятие сие невозможным,

я принужден был оставить оное. Лефевр предлагал, чтоб гарнизон сдался военнопленными, мы решительно отвергли сие постыдное предложение, сказав, что будем защищаться до последнего человека. Сей ответ наш маршал сообщил Наполеону, которого главная квартира была тогда в городе Остероде (не в дальнем расстоянии от Данцига). Скоро возвратился Друэ в крепость с объявлением, что Наполеон согласился на наши условия: сдать крепость, а гарнизону выйти из оной с оружием, с частию полевой артиллерии и со всеми военными почестями, прибавя к тому, чтоб войскам сим не действовать против французов в продолжении года и одного дня, притом Наполеон требовал, чтоб непременно капитуляция была подписана мною, а не одним прусским начальством.

Мой отказ

Капитуляция сия была самая почетная и каковой не получила доселе ни одна прусская крепость, она могла почесться наградою за блистательную защиту Данцига, но не менее от того страдало мое честолюбие; видеть имя мое в капитуляции казалось мне несносно; слово сие было что-то новое для русских, которые брали крепости, но никогда еще в новейшие времена не были в осадах. Я решился, чего бы то ни стоило, избавить по крайней мере себя одного от исполнения условий; покуда переписывали акты, я удалился на городской вал в размышлениях и с неосновательной надеждою, что, может быть, и без моей подписи дело совершится, но скоро прибежал за мною посланный, который везде меня искал, прося меня скорее возвратиться в собрание, потому что бумаги готовы, что граф Калькрейт подписал, но когда дошло подписывать коменданту, старому прусскому генералу (которого позабыл имя), то он сказал, что ни за что не подпишет, пока я не подпишу, и так я принужден был возвратиться. Граф Калькрейт встретил меня с некоторым негодованием, сказав, что давно меня ждут. – Я подписал, но тотчас потом, взяв генерала Друэ в сторону, объявил ему, что я подписал капитуляцию, будучи принужден покориться силе обстоятельств и, не имея ни

возможности, ни права исключить из нее малочисленный русский отряд. но что касается до меня лично, то прежде, нежели решиться на условия не служить год против французов, я желал знать на то волю моего Государя, и потому прошу пашпорта для моего адъютанта, которого я намерен послать к нему для испрошения его повеления, а до тех пор решаюсь остаться в виде пленного. Поступок сей очень удивил генерала Друэ, он всячески старался доказать мне, что честь моя нимало не страждет от столь блистательной капитуляции, что всякий военный человек без стыда может подвергнуться подобной участи и пр., и пр.; но, видя мою непреклонность, обещал донесть о том маршалу Лефевру, который на другой день прислал мне требуемый мною паспорт и я немедленно отправил адъютанта моего (Врангеля) с письмом к Государю, в котором я изъяснил мои действия и намерения и испрашивал его повеления.

Выступление гарнизона

И так гарнизон или, лучше сказать, остатки его в числе 7 или 8 тысяч выступил из крепости в боевом порядке, французы на гласисе отдали ему честь, но я не хотел быть свидетелем сего, – я остался дома с тягостным чувством. На другой день прибыл в крепость великий герцог Бергский (Мюрат), впоследствии король Неаполитанский[49], я был у него и принят был с большой вежливостию и уважением; назначенный военным губернатором Данцига, дивизионный генерал Рапп[50], адъютант Наполеона, таким же образом обошелся со мною и пригласил меня обедать.

Приезд Наполеона

На третий день после сдачи явился в крепость и сам Наполеон. Я любопытствовал его видеть, что и удалось мне исполнить только вскользь, когда он проскакал по улице, осматривая все части крепости и города, тот же день возвратился он в главную свою квартиру.

Отправление мое в Дрезден

По отъезде его генерал Рапп пригласил меня к себе для некоторых сообщений: по приходе моем объявил он мне, что Наполеон с негодованием на маршала Лефевра узнал, что он мне позволил остаться в крепости по выходе наших войск, и потому поручил ему, военному губернатору, объявить мне, что я немедленно должен выехать, предоставляя на мою волю – отправиться во Францию, где должен был оставаться весь годовой срок по капитуляции пленным, или в Дрезден для ожидания там ответа императора Александра на мое письмо. Мне не трудно было решиться; я избрал Дрезден, но притом изъявил мое удивление, что адъютант мой так долго не возвращается из нашей главной квартиры, которого по моему расчету я всечасно ожидал, и потому просил остаться в Данциге до его возвращения, генерал Рапп позволил мне остаться только до утра другого дня, говоря, что это берет на свою ответственность. Этот день и ночь прошли, адъютант мой не приехал, и я должен был отправиться в путь в сопровождении одного французского офицера. При отъезде просил я генерала Раппа доставить мне в Дрезден бумаги и письма, которые адъютант мне привезет, что было мне от него обещано, но не исполнено; ибо все оные остались в руках французов. Позднее узнал я, что решено было не допустить до меня возвращающегося адъютанта моего, ибо он приехал на передовой французский пост в ночи, накануне моего выезда, был там задержан под разными пустыми предлогами и впущен в крепость уже после моего выезда из оной. Генерал Рапп, отобравши у него все бумаги и крест Святого Владимира 3 степени, присланный мне за Прейсиш-Эйлаусское сражение, уверил его, что по обещанию перешлет их мне, отпустил его назад; неисполнение обещания сего было для меня тем более неприятно, что адъютант мой между прочих бумаг вез мне рескрипт Государя в ответ на мое письмо, который меня тогда же успокоил бы насчет его мнения, и пребывание мое в Дрездене сделалось бы чрез то сноснее. Я получил копию с него по возвращении моем в Петербург, вот содержание его:

«Господин генерал-майор князь Щербатов.

Усмотрев из донесений генерала графа Калькрейта, сколь храбро и неутомимо Вы с вверенными Вам войсками содействовали к защищению Гданска, я особливым себе поставляю удовольствием изъявить Вам при сем случае совершенное мое благоволение. Узнав при том, что по заключению ныне капитуляции о сдаче Гданска, Вы затрудняетесь воспользоваться оною и решились остаться там до получения от меня разрешения, я поспешаю доставить Вам оное в таковом смысле: что, истощив все зависящие от Вас средства к спасению означенной крепости, увеличив, поколику обстоятельства того позволили, славу нашего оружия, и, наконец, сдавшись тогда только, когда никакого уже не оставалось способа к защите, Вы соблюли все то, что от российского воина требовать можно было; почему и предписываю Вам обратить и на себя постановления вышепомянутой капитуляции и отправиться сюда немедленно с полным уверением, что мне весьма приятно будет увидеть Вас при себе.

Пребываю Вам благосклонный
Александр.

Тильзит
20 **мая** 1807**».**

В Петербурге узнал я также, что некоторые из почтенных товарищей моих, в знак одобрения поступка моего при сдаче Данцига, собирались было написать мне общее письмо, но как таковые общественные намерения исполняются только при первом порыве, то и сие лестное для меня предположение не приведено было в исполнение, о чем я весьма сожалею, ибо оно служило бы мне лучшею наградою; я всегда дорого ценил и ценю общее мнение. И так, прибыв в Дрезден, я тщетно ожидал там ответа государева, что наконец меня весьма беспокоило, не менее мучила меня мысль, что родные мои могли быть в большом беспокойствии на мой счет, не получая моих писем, ибо из Дрездена я не мог иметь с ними верного сообщения посредством почты, и для того я воспользовался некоторым случаем известить их о себе чрез Карлсбад и Вену, но, кажется, и сии

известия не дошли до них. Оставаясь таким образом без всякого сообщения с Россиею около двух месяцев, положение мое было весьма неприятно. Я рассеивал скуку прогулками по прелестным окрестностям дрезденским.

Тильзитский мир. Приезд Наполеона в Дрезден

Наконец дошло известие о несчастном Фридландском сражении[51] и о Тильзитском мире[52]. Скоро за оным явился в Дрезден и сам Наполеон, во всем блеске победы, славы и счастия: Дрезден наполнился королями и многочисленною толпою владетельных немецких особ. Трактиры недостаточны были для помещения всех курфюрстов, герцогов и принцев, съехавших для испрошения милостей или покровительства от нового повелителя мира, ибо в Тильзите вступил он на высшую степень владычества. В каком уничижении и ничтожестве видел я их пред ним! Вообще и в обыкновенные времена русскому надо ехать за границу, чтоб вернее судить о маловесности сих высочеств, которые приезжают важничать к нам. Наполеон назначил пробыть в Дрездене только два дни, я хотел перед выездом его получить разрешение отправиться в Петербург, зная, что после мог бы встретить в том большое затруднение от робости саксонского военного начальства и что отъезд мой замедлился бы перепискаами, для того пошел я к генералу Коленкуру[53] и объяснил ему мое положение, он обещал немедленно довесть оное до сведения Наполеона; я только что успел дойти от него домой, как получил приглашение явиться к императору, и я поспешил отправиться во дворец.

Призыв к Наполеону

Но между тем прибыла туда депутация польская для получения конституции нового Варшавского герцогства из рук основателя его[54]. Я должен был дожидаться, пока продолжалась ее аудиенция; одна дверь отделяла меня от кабинета Наполеона, я слышал вскрики его

голоса; я не сожалел о том, что принужден был ждать, ибо имел чрез то случай видеть некоторые подробности двора наполеонова или, лучше сказать, его главной квартиры – все, что касается до сего великого человека, было и будет всегда любопытным. Наконец двери кабинета растворились, польские депутаты вышли бледны и с длинными лицами. Я позван был в кабинет. Наполеон принял меня с веселым и ласковым лицом, спросил, по какой причине я не захотел оставить Данциг с войсками и воспользоваться капитуляциею столь почетною? (выхваляя при том нашу защиту крепости). Я отвечал, что не мог решиться в мои лета оставаться в бездействии целый год, но, отдавшись в плен, я имел надежду быть в продолжении войны выменену и тем возвращенным к чести и слове служить Отечеству. Наполеон приятным выражением лица одобрил мой ответ и сказал, что он говорил обо мне с нашим Государем, который мною доволен, и оправдал меня пред ним в пустых слухах на мой счет, потом, поговоря еще немного насчет нашей армии и Данцига, отпустил. Я спросил позволения отправиться в Петербург, на что он отвечал, что я совершенно свободен и что он меня никогда не почитал пленным. Выйдя из его кабинета и увидя генерала Коленкура, я просил его объяснить мне слова Наполеона, что **он оправдал меня перед императором Александром в пустых на мой счет слухах**.[55] На что генерал Коленкур сказал мне, что в Тильзите некто из приближенных императора Александра спросил у него, правда ли, что я, будучи призыван в Данциге Наполеоном, отказался прийти, сказав: «**Je ne suis pas fait pour aller chez cet homme**»[56], на что он отвечал, что удивляется, кто мог такую бессмысленность выдумать, и в то же время известил о том Наполеона, который приказал ему объявить кому следует, что ничего похожего сим слухам быть не могло и потому даже, что он меня не призывал. Вероятно, что и сам Наполеон при свидании с императором Александром что-нибудь о сем сказал: и так загадка объяснилась.

Возвратясь домой, я поспешил послать к саксонскому коменданту объявить ему о полученном мною позволении к выезду и про-

сить пашпорта, но, к удивлению моему, получил в ответ, что он мне не может позволить оставить Дрезден, не получа на то повеления князя Невшательского (Бертье)[57], от которого он имел предписания, до меня касающиеся, при отправлении моем из Данцига; зная, что Бертье находился еще при армии, и боясь неопределительной медленности по перепискам, я тотчас пошел во дворец; при входе в приемный зал встретил я обер-гофмаршала генерала Дюрока[58], с которым я также был знаком, как и с Коленкуром, ибо они оба были временными посланниками в Петербурге. Я ему объяснил мое положение и тут имел случай видеть, как французы обходились с союзниками своими; Дюрок позвал королевского адъютанта, полковника, находящегося при Наполеоне, и грозно приказал ему идти сказать коменданту с неприятными выражениями, чтоб требуемый мною пашпорт тотчас был мне доставлен, – чрез несколько минут бедный старый комендант сам прибежал с пашпортом и вручил его мне.

Выезд из Дрездена

На другой день Наполеон выехал из Дрездена, и я также отправился в Петербург. В городе Мемеле нашел я короля прусского со всем семейством, основавшего тут свое пребывание после занятия Берлина французами, – поутру явился я к нему и был принят с отличием.

Получение ордена Красного Орла

Как только я вернулся в трактир, немедленно прибыл ко мне адъютант с пожалованным мне орденом Красного Орла; после обеда приглашен я был на полдник в ближайшую рощу, где провел вечер со всем королевским семейством в приятной простоте и непринужденности.

Возвращение в Петербург

Наконец приехал я в Петербург. Император изъявил мне особенное благоволение и одобрение за осаду Данцига; адъютанты мои награждены были по моей записке орденами Святого Владимира 4 степени с бантом. Три гарнизонные батальона, бывшие со мною, составили новый линейный полк (Белостокский пехотный) по имени провинции, доставшейся нам по Тильзитскому трактату. Но я лично никакой награды не получил, я мало тем заботился, будучи уверен, что при общих наградах за последние дела кампании (которые еще не вышли) и я помещен буду. Но ожидание мое впоследствии не исполнилось, потому что, находясь отдельно от армии, я не был включен в последние реляции. Петербургская публика также изъяснила мне в разных случаях одобрение и доброе мнение свое на счет действий моих в Данциге и даже долго отличала меня прозванием *Данцигский*[59]. Пробыв короткое время в Петербурге, я спешил отправиться в Москву для свидания с родными моими; пред отъездом из Петербурга я выпросил для меньшого брата моего производство в камер-юнкеры, желая привезть ему сей неожиданный подарок. Не буду описывать радости родителей моих и всего семейства, которое долго находилось в беспокойствии, не получая от меня писем во все время пребывания моего в Данциге; к счастию еще, что родным и приятелям удалось скрыть от них ложное известие обо мне, помещенное даже в иностранных газетах, будто бы в Данциге оторваны были у меня обе ноги. – Проведя несколько счастливых дней в семейной жизни, я отправился в город Гродно, где находилась бригада моя по возвращении из-за границы, откуда с моим Костромским полком пошел я на квартиры в местечко Яново, близ города Пинска – тут провел я самое скушнейшее время в жизни моей в продолжении около года, с осени 1807 до зимы 1808-го, в деревне (ибо Яново ничто другое, как дурная деревня в скверном местоположении, окруженная болотами), без всякого общества, имея при себе только полковой штаб, что составляло неблистательную компанию; положение

несносное и более еще чувствительное после военной жизни, столь разнообразной и живой.

В конце 1808 года, получив отпуск, поехал я в Петербург, который нашел в большем блеске по случаю приезда короля и королевы прусской[60]; проведя несколько времени в забавах, я отправился в Москву, чтоб прожить последнее время отпуска моего с родными, но пред отъездом из Петербурга я с твердостию объяснился с военным министром графом Аракчеевым[61] насчет забытия меня при последних наградах за кампанию, сказав ему, что, сравнивая свои заслуги с теми, которые получили награды знаками отличия, я полагаю себя обиженным и потому решительно оставлю службу по возвращении моем к полку. – Но по приезде моем в Москву стечение разных обстоятельств, которые объясняются ниже, не позволило мне исполнить сего намерения. В это время совершился важный переворот в моей жизни, провидение подвергло меня жесточайшему испытанию: оно поставило меня кратковременно на высшую степень земного блаженства; счастие блеснуло пред мною как будто для того, чтобы чувствительнее поразить и ввергнуть на долгое время в пучину сердечной скорби и отчаяния.

Женитьба

На первых днях моего приезда в Москву я увидел ту, которая так сильно встревожила жизнь мою[62], и с первой минуты неизъяснимое чувство овладело мною, я еще не был влюблен, но уже все мои мысли наполнились ею, видеть ее ежедневно сделалось первою для меня потребностию, она была не красавица, но все в ней было приятно и даже очаровательно; ум имела превосходный, украшенный отличными познаниями и талантами; мы были с ней родные в дальней степени, семейства наши были всегда в связи, и так, мне легко было, так сказать, поселиться в ее доме и проводить с нею все вечера; она, после смерти отца и матери, жила вместе с Карамзиными; всякий вечер сбиралось к ним отличнейшее общество людей умных и приятных. Таковому обществу, в котором взросла, обязана,

может быть, была она тому развитию ума и любезности, которые столь отличали ее от прочих молодых девиц; и так, в короткое время я страстно пленился ею. – 25 марта я сделался счастливейшим человеком, получив ее согласие на соединение нашей судьбы. Описывая жизнь мою, я быстро пробегу время тяжких воспоминаний, чтоб не растрогать глубокую рану сердца моего (сохранение горестной памяти в душе моей не может оскорбить ту, которая в последствии времени иссушила слезы мои[63], оживила и усеяла новым счастием продолжение жизни моей – ее благородная душа знает, что смерть не должна совершенно истребить все чувства любви и благодарности к тем, с коими некогда соединяла нас любовь и кем мы были счастливы). Получив краткое продолжение отпуска моего для женитьбы, я должен был поспешить окончанием оной; 14 апреля совершился наш брак и чрез две недели выехали из Москвы, мы отправились в то место, где несколько месяцев пред сим преследовала меня несносная скука и которое теперь представлялось воображению моему раем; дорога с милою и обожаемою женою представила мне новое и неизвестное мне до сего времени счастье.

Война с Австриею

В пути узнал я, что полк мой выступил из Янова к Брест-Литовску, где собиралась вся 18-я дивизия по случаю назначения ее в состав армии, долженствующей действовать против Австрии соединенно с французами[64] – вот уже первая помеха мирному наслаждению при самом вступлении в супружескую жизнь, но мы сохранили надежду, что не скоро принуждены будем к разлуке; в непродолжительном времени перешли мы границу, весело и счастливо продолжали путь в Галиции; в лучшее время года, после легких переходов с войском находить на квартирах милую жену и сладостно, после усталости, проводить время с нею было для меня столь ново и очаровательно, что я не верил своему счастию. Таким образом дошли мы до города Люблина, куда прибыл главнокомандующий

князь Сергей Федорович Голицын[65], он объявил жестокий нам приговор, что строго Государем запрещено женам следовать далее за мужьями при войске. Эта первая разлука нас поразила; в это время я занемог легкою лихорадкою, она была принята мною с радостию, потому что позволила мне еще несколько дней провесть с женою в Люблине после выступления войск далее, но скоро выздоровя, принуждены мы были расстаться. Она поехала в Брест-Литовск, близ коего поселилась в загородном доме, а я отправился вслед за войском, настиг главную квартиру в городе Ржешове и оттуда поспешил к авангарду, коего я назначен был начальником; с ним беспрепятственно дошел я до города Бохнии, а главная квартира остановилась в городе Тарнове.

Война сия с древними нашими союзниками, австрийцами, была совершенно противна общему мнению и духу народному, каждый знал, что она была следствием принужденного союза с Франциею при Тильзитском мире, она оскорбляла народную гордость, и потому наш вспомогательный корпус почитал естественными врагами союзников, особенно поляков, которые должны были действовать совокупно с нами, а душевно расположен был к неприятелю, то же самое чувство и австрийское войско питало в душе своей к нам; расположение сие столь явно обнаруживалось, что Наполеон жаловался на то нашему Государю; австрийцы решительно не хотели сражаться с нами; при появлении нашем они всегда уступали нам место и даже предуведомляли нас о своем отступлении. Таким образом война сия для нашего корпуса продолжалась миролюбиво и без выстрела.

Перемирие. Жизнь в Бохнии

Между тем французы, как известно, после славного Ваграмского сражения[66] вступили победителями в Вену, и тотчас последовало перемирие, предшествовавшее миру. Жены наши возвратились к нам после трехнедельной разлуки. Мое восхищение легко можно вообразить. Бохния сделалась моим раем, исчезли все беспокойствия, я мог безмятежно наслаждаться счастием и предаваться надежде на

прочность его; беременность милой жены моей придавала мне новое чувство благополучия. Так провел я в восторге остаток лета; время счастия моего мог бы я считать днями! – Наступило время возвращения войск наших в свои границы. Это было все еще наслаждение, мы совершали путь вместе. Наконец достигли до назначенных квартир моему полку близ границы, в Волынской губернии, в местечке Вишневец.

Поход против турок

Чрез несколько дней получил я неожиданное повеление следовать за полком к армии, действующей против турок[67]. Известие сие было для нас как громовой удар; исчезли мечты наши о спокойной жизни, настала новая разлука, ибо жена моя по причине беременности не могла следовать за мною, это обстоятельство удваивало нашу печаль и беспокойствие.

Отъезд в Москву

Я немедленно поскакал в главную квартиру для испрошения позволения проводить жену в Москву, получил для того отпуск и с горестным расположением духа, но при том с утешением провесть еще несколько дней вместе, отправились в путь. – Мы приехали благополучно за два дни до Рождества, – жена моя была здорова, но печальна: я должен был скоро от нее уехать – она занялась приготовлениями к моему отъезду, – мы еще смотрели в будущность, делали планы жизни, – но судьба располагала иначе. Накануне нового года (1810-го) она занемогла зубной болью; казалось, безделица – как вдруг открылась жестокая нервная горячка, – все употребленные средства были тщетны.

Смерть жены

3 генваря ее уже не было, – никакие слова не могут выразить моего отчаяния – удивляюсь только о том, что я не лишился тогда ума. Все для меня кончалось.

Смерть отца

Отец мой 74-х летний, до сего времени здоровый, любивший меня нежно, так был поражен моим несчастием, что тот же день слег в постелю, – чрез две недели и его не стало.

Смерть матери

Нежная и чадолюбивая мать моя, несколько лет уже слабого здоровья, не могла перенесть этих жестоких для сердца ее ударов – болезнь ее усилилась, и чрез два месяца с половиною (3 апреля) и она переселилась в вечность. И так в продолжение ровно трех месяцев я лишился всех тех, которых тогда более всех любил в свете – лишился и того неизвестного еще существа, которое могло бы воспоминать мне потерянного ангела и служить некоторым утешением. Редко люди бывают так несчастливы, как я был в то время – и я остался жив! И в полном уме! Пока еще жива была мать моя, ухаживать за нею в болезни ее было для меня некоторою отрадою и занятием, сродным с душевным моим расположением; – после нее дом опустел, одиночество мое сделалось нестерпимо; любимые мои прогулки были по кладбищам. Брат и сестра жили в Москве – но все было уже не то. Между тем начались военные действия за Дунаем, война загорелась сильно, я решился ехать к армии не для того, чтоб искать славы, но надеялся найти конец моим мучениям.

Шумла

Я прибыл под крепость Шумлу[68]. За несколько дней пред приездом моим было сильное сражение, говорили, что можно было с некоторым еще усилием завладеть крепостию, но главнокомандующий граф Каменский[69] не воспользовался удобным случаем, пропустив оный; было уже поздно; осажденным дано было время укрепиться и получить разные вспомогательные средства; наконец графу Каменскому пришла несчастная мысль загладить неудачу или ошибку свою быстрым завладением крепости Рущука[70], против которой велась уже форменная осада корпусом под командою генерал-лейтенанта Засса[71]. На третий день после прибытия моего под Шумлу он оставил у сей крепости наблюдательный корпус под командою брата своего, генерала от инфантерии графа Сергея Михайловича[72], а сам с главными силами, в числе коих находился и мой полк, побежал форсированным маршем к Рущуку.

Штурм Рущука

По прибытии туда прекратились осадные работы, и на другой день назначен штурм крепости перед рассветом; армия разделена была на три главные колонны с подразделениями; левая колонна, в которой находился я, состояла из четырех полков. Генерал-майору Бахметеву[73] с двумя полками назначено было составить голову оной, а мне с Костромским и Вятским следовать за ним; я уговорил генерал-майора Бахметева уступить мне свое место впереди. Не слава, не желание отличиться побуждало меня к сему, но я надеялся найти скорее конец несносной для меня жизни, и казалось, что судьба хотела исполнить мое желание: при самом начале приступа только что хотел я спуститься в ров крепости, был ранен пулею в грудь у левого плеча, которую вырезали в спине. Генерал-майор Бахметев, узнавши о том, тотчас заступил мое место и тем доказал, что единственно из приязни уступил мне оное; и он скоро на том получил тяжелую

рану, ту же участь понесли почти все начальники нашей колонны, одним словом, штурм сей не удался; все колонны были отбиты с большою потерею, одной нашей левой колонны охотникам, в числе около 200 человек, удалось войти на вал и спуститься в город, где были частию побиты, а некоторые взяты в плен. Вообще потеря наша простиралась до 8 тысяч человек, нескольких генералов и большого числа офицеров. К числу причин неудачи можно приписать и то, что лестницы были слишком коротки. Сия ужасная и бесполезная потеря людей тем более чувствительна, что не было основательных причин прекратить начатую формальную осаду, переменить верное на неверное, предоставив случайной удаче и грубой силе то, что можно было приобресть искусством с некоторым терпением. По важности сего предприятия следовало главнокомандующему созвать военный совет, и, вероятно, нашлись бы твердые и опытные начальники, которые отсоветовали бы ему ставить на карту участь 8 тысяч людей и успех целой кампании, но самолюбие и непозволительная самонадеянность графа Каменского не позволяла ему принимать ничьих советов, он ослеплен был быстрым и более счастливым, нежели на отличных достоинствах основанном, возвышением на степень главнокомандующего. После сей неудачи не оставалось ему ничего другого, как содержать крепость в тесной блокаде. На другой день сего несчастного дела я отправился в Бухарест для лечения раны; при переправе чрез Дунай представилось мне печальнейшее зрелище: река покрыта была трупами несчастных жертв безрассудного предприятия, турки нашли удобнее предать такое множество воде, нежели земле. Рана моя вопреки моему желанию оказалась неопасною и в продолжение шести недель закрылась; я поспешил испросить позволения главнокомандующего прибыть к осадному корпусу к Рущуку, ибо слабые остатки полка моего, при коих осталось только четыре офицера с раненым полковым командиром, отправлены были для поправления в город Силистрию, куда я заехал, следуя к Рущуку, чтоб осмотреть разбитый мой полк. Но каково было мое удивление и печаль, когда я приказал ему собраться, увидев на дворе моей квартиры около сотни солдат с бледными лицами, это было все, что

осталось от Костромского полка, прочие пришедшие от Рущука в Силистрию погибли и тут от лихорадки и гнилой горячки, свирепствующей обыкновенно в этой стране, или страдали ею в лазаретах. Я поспешил ехать в Рущук, чтоб представить главнокомандующему о положении сего полка и испросить позволения отправить его назад в здоровый край, чтобы сохранить малые его остатки, что и было исполнено. На дороге к Рущуку открылась моя рана, ибо я слишком рано по закрытии ее отправился из Бухареста, что произвело мне большое страдание, и так я принужден был еще несколько дней лечиться в лагере под Рущуком. Поспешность моя прибыть к осадному корпусу была напрасна; ибо, подъезжая к крепости, на самом мосту Дуная встретил я адъютанта, ехавшего в Петербург с донесением о сдаче ее на капитуляцию, и так исчезла надежда моя успеть еще участвовать при взятии Рущука. Сдача сия была следствием разбития турецкого корпуса, шедшего к ней на помощь, в сражении под Батиным[74]. Это еще более служило доказательством, что не было крайней надобности в пагубном штурме. Чрез несколько дней назначена была экспедиция для завладения одним местом, занятым турками; я по просьбе моей должен был участвовать в оной и надеялся иметь наконец случай действовать в поле, но и тут ожидание мое не сбылось. На другом марше отряд наш встретил несколько турецких чиновников, ехавших для переговоров о перемирии в главную квартиру, почему и мы воротились туда же. И так, видно, судьбе не угодно было позволить мне сильно участвовать в сей войне.

Начальство над 18-й дивизиею

Скоро после сего умер от болезни в Бухаресте начальник 18-й дивизии князь Долгорукий[75], я по старшинству заступил его место 17 сентября 1810 года, а в ноябре получил повеление со всею дивизиею идти на зимовые квартиры к городу Хотину. В сей крепости расположилась дивизионная квартира, и тут провел я в скуке и почти в уединении всю зиму с 1810 на 1811 год, а весною, 1 марта,

дивизия перешла в Подольскую губернию, а я – в город Каменец-Подольский, где нашел более удовольствий в обществе людей приятных. В это время умер главнокомандующий граф Каменский; пустые слухи приписывают смерть его разным неосновательным причинам, но вероятно, что неудачи в гордых его замыслах, как-то: штурм рущукский и пр., потрясли дух и слабое его телосложение и ускорили смерть. На место его назначен старый, но хитрый генерал Михаил Ларионович Голенищев-Кутузов, прославивший свое имя в войне 1812 года; скоро по прибытии его к армии начались новые действия; сильная турецкая армия подошла к Рущуку, произошло жаркое сражение, турки были разбиты[76]. Но вследствие оного главнокомандующий почел нужным оставить Рущук и перевесть все войско на левый берег Дуная, расположив свою главную квартиру в крепости Журже, против самого Рущука. Узнав о сих происшествиях, я решился написать письмо генералу Кутузову, прося его о позволении приехать к действующим войскам для участвования в начатой кампании (дивизия моя состояла в составе Молдавской армии, но считалась резервом).

Посланный от меня адъютант мой с письмом привез мне следующий лестный для меня ответ:

«Милостивый государь мой,
князь Алексей Григорьевич.

Иметь близ себя такого офицера, какого нахожу в Вашем сиятельстве, для меня столь лестно, что я, несмотря на все затруднения, как-то: должность Ваша дивизионного начальника и прочее, соглашаюсь на желание Ваше и прилагаю следующую для сего бумагу, пребывая с совершенным почтением

Вашего сиятельства
всепокорный слуга
Михайло Голенищев-Кутузов

Крепость Журжа
июля 9 дня 1811 года».

По получении сего я немедленно отправился в армию, торопился сколько мог, боясь опоздать к какому-нибудь делу. Но, приехав в главную квартиру, нашел тишину и бездействие; турки не делали никакого покушения на левый берег Дуная; с нашей стороны оставляли их в покое в Рущуке, надеясь и ожидая каждый день (не знаю почему) их отступления, и так, приехав напрасно, провел я в праздности недели две или три.

Разрыв с Францией

Между тем дела наши с Францией клонились к разрыву и принимались приготовительные меры к новой войне, почему дивизия моя долженствовала поступить в состав Второй армии; генерал Кутузов, получив повеление об отчислении ее из Молдавской, предписал мне возвратиться к моему месту, и я отправился обратно в Каменец-Подольский. Видно, судьбою решено было не быть мне в турецкой войне действующим лицом, ибо не успел я оставить пределы Молдавии, как турки неожиданно вышли из Рущука и заняли остров на Дунае, чтоб отрезать нам сообщение по сей реке, что подало повод к блистательным действиям и успехам для нас.

Получив повеление занять квартиры в кругу расположения вновь составляемой Второй армии под начальством князя Багратиона[77], я перенес дивизионную квартиру в местечко Тульчин[78]. Здесь увидел я остатки прежней великолепной жизни польских вельмож. Графиня Потоцкая (бывшая Витт)[79], известная бывшею своею красотою, но уже увядшею, царствовала в прелестном тульчинском дворце, окруженная прекрасным семейством и многолюдным обществом окружного дворянства, составляющего как будто двор ее; она приняла меня отлично ласково и поместила на первый случай в собственном доме, пока не изготовился назначенный ею особенный для моего жительства; время проводил я тут весьма приятно, но, к сожалению моему, это не долго продолжалось, графиня Потоцкая, имея намерение переселиться в Петербург, в скором времени выехала из Тульчина, пригласив меня в проезд свой чрез город Умань показать

мне находящийся близ сего города очаровательный сад, известный под именем Софиевки[80], принадлежащий ей; сия поездка была для меня приятнейшею прогулкою; возвратясь оттуда в Тульчин, представился он мне уже совсем в другом виде, блеск и роскошь исчезли, осталась почти пустыня, в которой провел я всю зиму, занимаясь только службою и военными приготовлениями.

Поход 1812 года

24 февраля 1812 года получил я повеление выступить в поход чрез 24 часа к городу Дубно, куда вся 18-я дивизия и собралась 16 марта и оттуда чрез несколько дней перешла в местечко Киселан близ города Луцка, где была главная квартира князя Багратиона, главнокомандующего Второю Западною армиею. Мая 27-го армия сия пошла соединиться с Первою армиею, а моя 18-я дивизия перешла из оной в Третью Западную армию, вновь составленную под начальством генерала от кавалерии Тормасова[81], которого главная квартира была в городе Дубно. Июня 7-го получил я отдельный отряд[82], составленный из полков: 28-го Егерского, Владимирского и Днепровского пехотных, артиллерии, одной легкой и одной конной роты Татарского уланского и одного казачьего полка, с коими должен я был действовать к городу Брест-Литовск, занятому неприятелем; совокупно с отрядом генерал-майора графа Ламберта[83], который шел по левому берегу Буга, и предписано мне было действовать с большою осторожностию[84].

Взятие города Брест-Литовска

9 июня весь отряд мой соединился при местечке Ратно и 11-го числа пошел далее; 12-го, прибыв в местечко Рудня, узнал я, что австрийцы, занимавшие город Брест-Литовск, оный оставили, а на место их прибыла туда саксонская конница в весьма малом числе, почему я решился, не дожидаясь содействия графа Ламберта

и чтоб не дать времени неприятелю усилиться, немедленно атаковать город сей, почему, оставя всю мою пехоту на походе за полмарша, сам с кавалерийскою бригадою полковника Кнорринга[85] и двумя орудиями конной артиллерии поспешил к Бресту. Не доходя верст семь, мой патруль встретил таковой же неприятельский и после малой перестрелки взятый один пленный подтвердил, что в городе находится только два эскадрона саксонской кавалерии, почему, ускорив марш, кавалерия моя в три часа утра, на самом рассвете ворвалась в город, сбив передовые пикеты; в бою сем довольно было побито, в плен взят ротмистр, начальник сего отряда, и сорок улан, остальные спаслись бегством – тем начались военные действия незабвенной компании 1812 года.

Взятие Кобрина

В тот же день прибыл в Брест-Литовск и отряд генерал-майора графа Ламберта, который, вместе с моим, 14-го выступил к городу Кобрину, где находилась бригада саксонская под командою генерала Клингеля[86]. 15 июля подошла к сему городу вся наша армия, с коею отряды наши соединились. Саксонцы защищались упорно, но должны были уступить превосходному числу; дело продолжалось от шести часов утра до двух пополудни, что не побито, то все взято было в плен.

После сего дела, коего успех не мог быть сомнителен, ибо целая армия действовала против одной бригады, главнокомандующий потерял двенадцать дней, остановясь близ Кобрина для изготовления провианта, и тем дал время французскому генералу Ренье[87], командовавшему саксонским корпусом, поспешно отступить и соединиться с австрийцами, находящимися под начальством князя Шварценберга[88]. Генерал Ренье накануне нашего прибытия под Кобрин, в неизвестности о движении нашей армии, оставя бригаду в Кобрине, сам пошел вслед за австрийцами для действия совокупно с большою французскою армиею, но, узнав об истреблении оставленного им войска в Кобрине, послал известить о том и остановить

князя Шварценберга, а сам, боясь равной участи с генералом Клингелем, побежал без оглядки для соединения с австрийцами, в чем он не мог бы никак успеть, если бы генерал Тормасов после взятия Кобрина поспешно пошел за ним.

Сражение при Городечне[89]

Наконец 27 июля наша армия двинулась вперед и 30-го дошла до селения Городечно. Тут нашли мы уже превосходного нам неприятеля; князь Шварценберг, возвратясь обратно и соединясь с генералом Ренье, противопоставил нам 45-тысячную армию, отделяемую от нас болотистым ручьем. Мы заняли позицию перед селением Городечно, а левый наш фланг под командою графа Каменского[90], где находилась моя 18-я дивизия, построился перед селением Поддубье. На конечности нашего левого крыла был лес; граф Ламберт, командовавший авангардом, с которым он накануне прибытия армии под Городечну имел дело с неприятелем, оный не занял, полагая его непроходимым, ибо он ошибочно показан был таковым на карте, но, напротив того, проходила чрез него дорога.

Главнокомандующий сделал нужные распоряжения для атаки неприятеля на следующее утро, но, напротив того, мы в тот же день, то есть несколько часов после прибытия нашего к Городечне, были предупреждены им: генерал Ренье воспользовался нашею ошибкою, будучи маскирован незанятым нами лесом, мог скрыть от нас все приготовительные свои движения, ввел в лес войско и многочисленную артиллерию, которая внезапно с головами колонн выдвинулась из оного против нашего левого фланга, прикрытым слабым отрядом нашим; я был немедленно отправлен на сей пункт с подкреплением, а граф Каменский с главною частию своего корпуса остался на занимаемой им позиции против селения Поддубье, где неприятель находился в малых силах для того только, чтоб развлечь наше внимание; между тем, ежечасно усиливался против меня, выступил из леса, устроил сильные батареи и начал ужаснейшую пальбу; видя угрожающую мне опасность, я требовал усиления моего отряда, почему

почти все войско от графа Каменского перешло ко мне, сам же он на сей пункт не прибыл; и так, будучи подкреплен значительным войском и артиллериею, я мог, хотя с трудом, отражать все покушения неприятеля, гораздо превосходного, ибо на сей пункт обратил он все свои усилия; я почел нужным отступить несколько до отряда, оставленного против селения Поддубье, для связи с оным; движение сие оправдано было совершенным успехом, ибо под вечер послан был полк австрийских гренадер чрез болото, чтоб отрезать меня от селения Поддубье, но я, увидя сие, отправил к нему навстречу Владимирский пехотный полк, который прогнал неприятеля, положив несколько на месте. Таким образом мне удалось удержать место сражения против сильнейшего противника; главнокомандующий не мог обратить все наши силы на сей пункт, чтоб не ослабить другие, против которых неприятель также действовал. Сражение началось с 8 часов утра и продолжалось до 10-го часа вечера, потеря моя была довольно значительна от пушечного огня. Проведя ночь на поле сражения, армия наша на другой день начала отступательное движение к городу Луцку, куда прибыла 17 августа и расположилась на бивуаках за рекою Стырь. Неприятельский корпус под командою князя Шварценберга, слабо нас преследующий, занял позиции по другому берегу сей реки в отдаленном от нас расстоянии.

Получение ордена Святого Георгия 3 класса

С донесением о сем деле главнокомандующий послал к Государю адъютанта моего Лопухина в знак удовольствия своего за действие мое в сем сражении, который, по просьбе моей, произведен был в чин, а я награжден орденом Святого Георгия 3 класса. Еще раз скажу, что я не намерен писать полного военного журнала, а излагаю на бумагу то только, что касается до меня лично и что придет мне на память, потому не будет у меня подробного описания всех военных операций. В позиции за рекою Стырь вся наша 3-я Западная армия осталась с 19 августа по 11 сентября в совершенном бездействии, кроме небольшого авангардного дела. Между тем, главная

наша армия отступала от реки Неман до Москвы, а Дунайская под начальством адмирала Чичагова[91] после мира с турками шла на соединение с нашею. 6 сентября обе сии армии были уже в связи. 12 сентября мы начали движение наступательное переправою чрез Стырь.

Занятие Москвы

В самый этот день получили мы печальное известие о занятии Москвы французами[92], мы поражены им были как громовым ударом, нельзя себе вообразить уныние и даже удивление, которое оно произвело во всем нашем войске; казалось, что древняя наша столица обесчещена и осквернена. Покорение ее мнилось невозможным событием. Злоба против врага и желание мести усилилось в каждом воине.

Соединение армий

17 сентября 3-я Западная и Дунайская армии соединились совершенно на одном бивуаке у местечка Любомль и продолжали путь вместе, а 21-го числа адмирал Чичагов вступил в общее начальство над обеими частями, а генерал Тормасов отправился к главной армии, где принял начальство над 2-й Западной после убитого князя Багратиона[93].

Армия наша шла к Бресту-Литовску, чтоб вытеснить оттуда неприятеля, который, не дождавшись нас, сам его оставил[94], тут, сделав несколько напрасных движений вперед и обратных, наконец 16 октября приняла решительное направление к городу Борисову, оставя значительную часть под начальством генерал-лейтенанта Сакена[95] для прикрытия нашего тыла. 10 ноября подошли мы к сему городу[96], накануне граф Ламберт с авангардом разбил корпус польский под командою генерала Домбровского[97], упорно защищающий мостовое укрепление, построенное русскими в прошедшем году,

и занял оный. Мы вступили в город, где расположилась главная квартира, а армия осталась на бивуаках за рекою Березиною[98].

Занятие города Борисова

На другой день авангард наш под командою генерал-майора графа Палена 2-го, который заступил место раненого графа Ламберта, выступил вперед, но чрез несколько часов встретил корпус маршала Виктора[99], шедшего в голове отступающей французской армии от Москвы[100], встреча сия была неожиданна; авангард наш не соблюл должного порядка и предосторожности, он был совершенно расстроен и отступил обратно к Борисову в беспорядке, теснимый сильным неприятелем[101]; по получении о сем донесения главнокомандующий наш, призвав меня, объявил, что поручает мне защиту города и удержание неприятеля от занятия оного, что он уже дал повеление генералу, командовавшему в городе (который старше меня был в чине), сдать мне начальство, а между тем приказал некоторым полкам перейти из-за реки в город для подкрепления войск, в нем находящихся. Распоряжение сие показалось мне противно обстоятельствам, ибо город, будучи наполнен всеми тягостями многолюдной главной квартиры и многочисленным обозом жизненных и военных запасов (напрасно туда ввезенных), представлял уже большой беспорядок и затруднение для движения войск, и как всем сим тягостям приказано уже было переходить чрез мост, то сего невозможно было бы исполнить в одно время с переходящим по оному навстречу войском, и потому я предложил главнокомандующему отменить данное им повеление и сверх того позволить мне отправить на ту сторону реки часть войск, находящихся уже в городе, где оставалось еще достаточно для подпоры и усиления отступающего нашего авангарда; сделав согласно с сим распоряжение, я поскакал на угрожаемый пункт и только что занялся размещением войск и артиллерии, как представилась мне из-за леса, находящегося у самого города, расстроенная толпа – смесь пехоты, конницы, артиллерии, бегущая

в беспорядке от неприятеля, поражающего ее по пятам. Границу города составляла маленькая болотистая речка с плотиною, малая часть могла попасть на плотину, для защиты коей устроена была батарея, все бросилось, даже и пушки, вброд – тем показан был путь и неприятелю. Видя невозможность удержать город, я приказал отступить за реку, предвиденное мною затруднение на мосту оправдалось, ибо я нашел его спертым обозами и артиллериею и с невероятным трудом удалось мне переправиться на другую сторону реки, где нашел уже и главнокомандующего. Некоторые части войска, принадлежащие авангарду, не попали на мост и перешли реку вброд в некотором расстоянии от города – таким образом Борисов занят был французами.

Мост мы сожгли, и армия наша осталась пред оным на бивуаках, которых нам не следовало бы так неосторожно оставлять. Мы не имели верных и подробных сведений о бегстве французской армии из Москвы, которая в то время уже подходила к Березине, ибо мы не имели еще сообщения с главною армиею, но ввечеру жид явился к адмиралу Чичагову с запоздалою секретною записочкою от фельдмаршала князя Кутузова, лучше было бы, если б сия записка не дошла до нас; она содержала неосновательное предположение о направлении французской армии на Бобруйск; многие представляли адмиралу невероятность сего движения, но он, согласив полученное в записке известие с донесением патрулей, которые в том же направлении слышали на противном берегу реки рубку леса, из чего заключили, что неприятель делал тем приготовление к постройке моста, вдался в обман французов, которые, дабы отвлечь нас от настоящего пункта переправы, употребили сию военную хитрость, которая им совершенно удалась и способствовала к успеху переправы[102], ибо адмирал, вместо того, чтоб послать только наблюдательный отряд туда, где французы делали обманчивые приготовления, а самому с главными силами остаться в центральной позиции против Борисова, откуда мог бы везде поспеть к отражению перехода реки, сделал совершенно противное, он оставил малый отряд у Борисова, а сам со всеми силами (13 ноября) бросился к мнимо-угрожаемому

месту; сделав переход около 30 верст до селения Шибашкевичи, он в тот же вечер получил донесение от графа Ланжерона[103], начальствующего над оставленным отрядом под Борисовом, что французы начали переправляться выше сего города у деревни Бриль, против коей находился малый наш отряд, который также был стянут к Борисову.

Переправа чрез Березину

Отдохнув немного, мы обратно побежали на прежнюю позицию к борисовскому мосту, изнурив людей двумя сильными и напрасными переходами, между тем Наполеон, воспользовавшись нашею ошибкою, успел переправить остатки своей армии и поспешил к Вильно. 16 ноября с рассветом армия наша двинулась преследовать неприятеля и тот день имела большое дело с арьергардом французским, т. е. со всеми силами, которые в состоянии еще были сражаться для прикрытия бегства расстроенной и изнуренной их толпы.

Сражение при Березине

Сражение происходило целый день в лесу между селениями Бриль и Стаховым, в оном участвовал и я с 18-й дивизией, французы дрались отчаянно, конница их отличалась мужеством и расторопностию, действуя в лесу (весьма редком), нанесла нам большой вред и до ночи остановила наше наступательное движение, командовавший в сем деле наш генерал Сабанеев[104] сделал большую ошибку, рассыпав слишком много людей в стрелки и не оставив довольно твердых масс. В сем деле, находясь близ стрелков и возвращаясь к резервным колоннам, я чуть не попал в руки французам: несколько их улан, проскакав в лесу линию стрелков, видя меня одного с адъютантом, бросились было за мною, но были отбиты подоспевшими ко мне нашими гусарами. На другой день, 17 ноября, мы пошли по пятам за бегущим неприятелем, который не мог уже делать никакой отпоры нашему преследованию, но затруднял оное, истребляя все

мосты и плотины. Кто не был очевидцем сего преследования, тот не может вообразить весь ужас той картины, которая представлялась нам на каждом шагу всего пространства от Березины до Вильно, и ужас сей, превышающий всякое описание, постепенно возрастал, приближаясь к сему городу; вся дорога устлана была замерзлыми трупами людей, во многих местах служившими помостом канав для провоза артиллерии, палыми лошадьми, брошенными пушками, зарядными ящиками, фурами и пр., так что иногда надобно было расчищать путь для прохода нашего войска, а по бокам дороги тянувшиеся толпы полузамерзших французов, почти нагих, и которым со всем желанием и человеколюбием не было возможности подавать помощь. Но при том и наше войско переносило много труда и изнурения от слишком быстрого преследования, ибо вся армия без отдыха следовала за бегством неприятеля, тогда как могла бы она быть более сбережена, предоставив натиск авангарду. Я сам целые переходы шел пешком, потому что не имел времени перековать лошадей на острые шипы, без чего подвергался сломать себе голову по гололедице, по сему можно судить, что терпели прочие и вся кавалерия. Таким образом дошли мы до Вильно. Городские ворота завалены были трупами замерзших и побитых, ибо французы несколько часов защищали город, чтоб дать своим тягостям выбраться из оного, но тщетно, обширный сей город, окруженный со всех сторон нашими, было без труда занять. Улицы и дома достались нам наполненными трупами и больными: если б не свирепствовал ужасный холод, то, конечно бы, произошла зараза. Армия наша (3-я Западная) остановилась в Вильно <на> пять суток, а 3 декабря пошла к границе к реке Неману и после пяти маршей расположилась на кантонир-квартирах[105] для отдохновения. 8 декабря император Александр прибыл из Петербурга в Вильно. 16 декабря мы перешли границу чрез реку Неман, вошли в герцогство Варшавское, а 21-го вступили в старую Пруссию. 26 генваря 1813 года ослабленная отрядами армия адмирала Чичагова (или, лучше сказать, корпус наш) перешел реку Вислу близ крепости Торн и обложил ее с левого берега сей реки.

4 февраля адмирал отозван от армии, а место его заступил генерал Барклай де Толли[106].

Осада Торна[107]

24-го я получил повеление с отрядом войск переправиться на другую сторону Вислы, а за мной перешел и весь корпус для начатия осады крепости. 27-го числа ночью открыли траншею. Я был назначен командовать прикрытием, темнота ночи позволила нам подойти довольно близко, не был замечен осажденными, так что на другой день мы уже могли начать бомбардирование, которое продолжалось до сдачи крепости на капитуляцию 4 апреля, по силе коей гарнизон выступил, сложа оружие и с условием не служить целый год против нас и союзников наших. После краткого отдохновения наша Западная армия, состоящая только из 8 тысяч под ружьем, пошла вперед для соединения с главною армиею и 4 мая прибыла в лагерь под городом Бауценом и расположилась на правом крыле находящейся уже тут большой соединенной армии, т. е. русской и прусской (известно, что пруссаки после изгнания французов из России из принужденных наших врагов сделались усерднейшими союзниками[108]), которая после проигранных сражений под Люценом и Дрезденом[109] отступила за Бауцен, где приготовлялась к новой решительной битве.

Чрез два дни после присоединения нашего поручено было генералу Барклаю де Толли с его войсками, усиленными гренадерским корпусом и частию прусаков, что все вместе составляло около 18 тысяч, отделиться вправо навстречу французских корпусов Лористона и Себастиани[110], шедших в одном марше один от другого для соединения с главною их армиею. Генерал Барклай должен был разбить корпус Лористона прежде соединения его с корп. Себастиани. Мы выступили из лагеря 6 мая в 11 часов вечера и на другой день пополудни дошли до селения Тонсдорф.

Сражение при Кенигсварте[111]

Тут генерал Барклай узнал от нашего авангарда, что неприятель находится близ города Кенигсварта. Осмотрев местоположение, он приказал мне немедленно с 18-й дивизией идти атаковать и разбить неприятеля (это были его слова). Вслед за мною в некотором расстоянии пошла для подкрепления 9-я дивизии. Большой лес, чрез который шла широкая дорога, покрывал все пространство, которое надлежало мне проходить до города Кенигсварта; при выходе из оного, на пушечном расстоянии от опушки, увидел я стоящий небольшой отряд с двумя пушками, я приостановился немного, чтоб приготовиться к атаке; неприятель выстрелил по мне ядром, я немедленно отвечал картечными выстрелами, они привели сей передовой отряд в замешательство, а выступающие из леса колонны обратили его в бегство; две их пушки тотчас были взяты, и полки мои в густых колоннах, стройно и быстро пробегали вслед за ними чрез пространное поле до самого города Кенигсварта, пред коим стояла уже выстроенная неприятельская линия пехоты с намерением остановить нас, но, несмотря на сильный пушечный и ружейный огонь ее, мгновенно была сбита и в беспорядке побежала в город, куда за ними ворвались и мои передовые полки; там неприятель упорно защищался, но штыки мои скоро его вытеснили; резерв, стоящий за городом, также не устоял от них, и все сие разбитое войско нашло только спасение в близ находящемся лесу, оставя все поле в наших руках с 8-ю отбитыми пушками, если б я имел при себе кавалерию, то, конечно, мог бы оных взять и более, так <же> как и пленных, но с одною пехотою я не решался слишком далеко преследовать, чтоб не наткнуться на неприятельскую конницу, которую я мог предполагать за лесом, и так я с пятью только полками моей 18-й дивизии (шестой оставил я в резерве для прикрытия фланга), имея в деле не более 2500 человек, имел счастие совершенно разбить неприятеля, состоящего из 7000 (это я достоверно узнал из захваченных бумаг, представленных мною начальству). В плен взято 2 генерала,

20 штаб- и обер-офицеров и более 1000 нижних чинов, повторяю, что еще более было бы трофеев победы, если б случилась тут наша кавалерия, которая шла слишком далеко от меня. По всему видно, что сей итальянский корпус, шедший на соединение с главною армиею, не ожидал встречи с нами и что быстрота нашего движения не дала ему время совершенно устроиться к бою. Между тем генерал Себастиани поспешил на помощь итальянцам, но встречен был корпусами Гренадерским и Прусским, с которыми вправо от меня произошло сильное сражение до ночи с равными с обеих сторон успехами. О сем деле главнокомандующий донес Государю с места сражения весьма лестными выражениями на мой счет, приписывая мне одному успех оного.

Бауценское сражение 1813 года[112]

8 мая, т. е. на другой день, по повелению Государя мы возвратились в лагерь под Бауцен. На другой день поутру началось знаменитое Бауценское сражение. Генерал Барклай со своими войсками находился на правом крыле, против которого неприятель направил весьма значительные силы; после жаркого сражения мы должны были уступить место, тут я получил сильную контузию пулею в грудь. Сражение продолжалось упорно целый день с переменными успехами, наконец к вечеру армия наша отступила (следовательно, проиграла дело). Отступательное наше движение продолжалось до крепости Швейдниц, куда прибыли мы 19 мая и заняли позицию, чрез два дни начали опять отступать, но 24-го числа объявлено было перемирие до 8/20 июля. Вся армия расположилась на кантонир-квартирах в окрестностях города Рейхенбаха, где была главная квартира генерала Барклая де Толли, назначенного главнокомандующим на место генерала графа Витгенштейна после Бауценского сражения[113]. Государь император занял свою квартиру в Петерсвальде.

Производство в генерал-лейтенанты

Во время отступательного движения на одной дневке, где находилась и квартира Государя, которого я не имел еще случая видеть с начала войны или, лучше сказать, с 1808 года, я пошел представиться ему и был принят с отличною милостию. Он представил меня бывшему с ним прусскому королю с блестящею похвалою за службу в продолжение сей войны и как особенно отличившегося в деле Кенигсвартском. Король приветствовал также мне как старому знакомому, и тут же пожалован я был в генерал-лейтенанты. Скоро за сим назначен я начальником 6-го пехотного корпуса, составленного из 7-й и 18-й дивизий, и занялся устройством оного; в это время главнокомандующий призвал меня в главную квартиру, по приезде моем он объявил мне, что Государю угодно назначить меня начальником главного штаба вновь формируемой армии в Варшаве под названием Польской. Известие сие меня очень удивило и огорчило, потому что назначение сие удаляло меня от войск и вместо военных подвигов налагало на меня мирные обязанности формировать войска (ибо Польская армия еще не существовала). Я просил главнокомандующего об исходатайствовании у Государя позволения оставить меня по-прежнему в его армии, но он мне отвечал, что, предвидя мой ответ, он уже представлялся о том Государю, но тщетно, и потому советовал мне самому объясниться с ним: я тотчас отправился в Петерсвальде; император, приняв меня весьма милостиво, спросил, извещен ли главнокомандующий о новом моем назначении, присовокупив, что оно есть следствие полной его ко мне доверенности, что ему нужно иметь при новой армии начальника штаба, на деятельность и усердие которого он мог бы совершенно надеяться, и потому избрал меня, одним словом, осыпал меня похвалами за всю мою службу; я изъяснил все чувства признательности, преданности и готовность мою исполнять во всем волю его, но просил как милости не отрывать меня от армии, которая на днях должна вновь сражаться, и не лишить меня счастия участвовать в предстоящей

ей славе; Государь уверял меня, что я ничего не потеряю, что Польская армия скоро сформируется и что тогда значительная часть ее под моим начальством призвана будет к подкреплению главной армии; я не переставал просить его оставить меня по-прежнему; он долго колебался, но, наконец, согласился исполнить мою просьбу, сказав (довольно сухо), что я ставлю его в большое затруднение. Я с радостию возвратился к моему корпусу.

Во время перемирия Государь, осматривая армию, изволил видеть и мой корпус, был доволен устройством его, и после смотра принял приготовленный мною завтрак в занимаемом мною древнем замке Рудельсдорфе в сопровождении короля прусского, многих союзных генералов и своего штаба, при сем случае главнокомандующий Барклай де Толли, выхваляя службу и храбрость моего Костромского полка, которого рота находилась на дворе замка для почетного государева караула, выпросил в знак награды возвращения ему потерянных трех знамен в 1807 году в несчастном деле у Лансберга. (Потерянные полками знамена не иначе возвращались, как за отличные подвиги тех полков).

Поступление в Шлезскую армию

По новому распределению армий несколько русских войск поступили в состав прусской Шлезской армии[114] под командою прусского генерала Блюхера[115], в том числе и мой корпус, который вместе с тремя таковыми же состоял под главным начальством графа Ланжерона, а два другие пехотные корпуса находились под командою генерала Сакена, и так Шлезская армия имела в составе своем 12 полков русской пехоты со значительною кавалерию и артиллериею. Австрийцы вступили в союз с Россиею[116], и 29 июля наша главная армия вступила в границы Богемии, где и соединилась с ее армиею[117].

Сражение при Зибен-Эйхене[118]

3 августа начались новые военные действия после продолженного до сего дня перемирия. 7-го встретились мы с неприятелем при селении Зибен-Эйхене, где и произошло первое сражение Шлезской армии с французскою Бобрскою, состоящей под начальством маршала Макдональда[119], после которого французы отступили до реки Бобер, откуда, собравшись в значительном числе, зачали действовать наступательно.

Сражение при Кацбахе

Мы, сражаясь, отступили до Генерсдорфской позиции за рекою Кацбах, известной по сражению в Семилетней войне[120]. Генерал Блюхер, узнавши, что Наполеон с главными силами потянулся к реке Эльбе[121], оставя против нас одного маршала Макдональда с 80 тысячами, намеревался его атаковать 14-го числа, но был предупрежден; в тот день поутру неприятель перешел реку Кацбах и повел на нас атаку[122]; жаркое сражение продолжалось целый день под непрестанно-проливным дождем, который много препятствовал ружейному огню. Наша кавалерия, обойдя неприятельский левый фланг, принудила его отступить в замешательстве; чрезмерная прибыль воды в реке от проливного дождя много затруднила переправу чрез нее. В сем деле пехота моя мало участвовала, только под вечер приказано мне было прогнать неприятеля, действовавшего против нашего левого фланга, что и было исполнено; на другой день до рассвета мы начали преследование, обыкновенно мелкая река Кацбах так сделалась глубока, что люди раздевались для перехода вброд, неся сумы, ружья и ранцы на головах, быстрота воды не позволяла проходить и проезжать верхом иначе как густою массою, без того сносила людей и лошадей.

Я с моим корпусом шел в недальном расстоянии от нашего авангарда для подкрепления его. 17-го числа, подходя к городу

Левенбергу, лежащему на противном берегу реки Бобер, командующий нашим авангардом генерал-майор Рудзевич[123] известил меня, что он близ сего города занял дорогу, по которой отряд неприятельский шел для соединения с отступающею своею армиею, и ожидал моего содействия для нападения на оный, это была целая дивизия генерала Пюто[124], отряженная нам в тыл при начале Кацбахского сражения, с тем чтоб отрезать нам отступление, но, узнав об отражении своей армии, она поспешно шла соединиться с нею за рекою Бобер, но нашла все мосты на сей реке сорванными, и видя путь свой перерезанный нашим авангардом, искала способов устроить переправу у самого города Левенберга, но по получении извещения генерала Рудзевича, я тотчас своротил с дороги и пошел прямо в тыл сей дивизии; я нашел несколько ее батальонов с артиллериею, расположенные для прикрытия переправы, осмотрев местоположение, прикрытое леском, я скрытно мог выдвинуть несколько легких орудий и открыл из оных огонь, который немедленно привел неприятельские две колонны в смятение. Они начали отступать, но, отряженные мною при самом начале действия вправо и влево чрез кустарники, два егерские полка их обошли и взяли большую часть в плен со знаменами и пушками после упорного сражения; с прочими полками я продолжал гнать неприятеля до самой реки, по первому моему выстрелу генерал Рудзевич со своей стороны атаковал часть, находящуюся против него, которую также разбил; таким образом вся сия дивизия со знаменами и пушками, кроме утопших в реке, искав в ней спасения, взята была нами и с самим генералом Пюто. Трофеями сей победы были пленный генерал, 100 штаб- и оберофицеров, 3.000 нижних чинов, 4 «орла»[125] (из коих два найдены были в реке) и 16 пушек.

Получение ордена Святого Александра Невского

С донесением о сем сражении послан был к Государю мой адъютант, который и получил за то награду, а я – орден Святого Александра Невского. После сего сражения мы продолжали следовать за отступающею Бобрскою армиею к Бауцену, но Наполеон лично со значительными силами прибыл к ней с намерением нас оттолкнуть назад, генерал Блюхер, желая избегать сражения с превосходным неприятелем, начал отступать, мы перешли реку Нейсе, а Наполеон, оставя перед нами по-прежнему Бобрскую армию, сам воротился к Дрездену. Мы также двинулись вперед, а французы начали опять отступать, но никаких важных действий не происходило до 15 сентября, в этот день Шлезская армия начала решительное движение для соединения с главною Богемскою союзною армиею, отделив от себя мой 6-й корпус с присоединением к нему значительной кавалерии, что и составило мне около 20 тысяч.

Поручение прикрывать Шлезию

С сим корпусом оставлен я был в Бауцене для прикрытия Лаузица и Шлезии, с секретною инструкциею, по которой я должен был отступать на известные позиции в случае, если б неприятель, в превосходных силах занимающий Дрезден, меня атаковал; влево от меня для прикрытия Богемии оставлен также был австрийский корпус под начальством генерала графа Бубна[126], с которым я должен был находиться в связи, между тем все союзные армии следовали под Лейпциг[127]. Мне очень неприятно было оставаться некоторым образом в оборонительном положении, тогда как армия наша шла к решительной битве; я объяснил это фельдмаршалу Блюхеру, но он отвечал мне, что поручение, данное мне, есть весьма важное и что вверяет мне сей пост по особенной ко мне доверенности – скромность препятствует мне более о сем распространяться. 16-го граф Бубна

уведомил меня, что он занял местечко Столпен, почему и я подвинулся вперед для ближайшего соединения с ним и остановился у последней почты от Дрездена.

Дело при Дрездене

19-го французы, вероятно, желая вернее узнать о числе войск, находящихся против Дрездена, прислали ко мне парламентера под предлогом пересылки денег и писем пленным их офицерам, хотя и приказано от меня было не допускать до меня таковых, а останавливать на передовых постах, но командующий моим авангардом по ошибке сего не исполнил, но сие могло послужить к пользе, ибо я, сказав посланному, что, составляя только авангард корпуса графа Ланжерона, доставлю ему присланные бумаги, и подвел его, будто без намерения, к окну моей квартиры, из которого видна была большая линия огней моего вагенбурга[128], расположенного в некотором расстоянии на высотах, что и мог сей офицер принять за войско графа Ланжерона; может быть, после сего французы и не отважились сделать из Дрездена покушения; на другой день они выходили только фуражировать с довольным прикрытием, но были прогнаны с потерею нескольких пленных. Чрез три дни потом неприятель вышел из Дрездена в числе семи батальонов в намерении сделать сильную рекогносцировку, атаковал мои передовые посты, но был отбит авангардом, который я еще подкрепил одним егерским полком; сражение сие продолжалось до вечера, и австрийцы были в то же время атакованы. Дни чрез два после сего получил я известие, что против меня неприятельские посты весьма уменьшились, выходцы из Дрездена объявили, что Наполеон с гвардиею оставил сей город, в котором войска осталось очень мало; по всем сим известиям я решился согласно с генералом графом Бубна сильно рекогносцировать неприятеля и, если удастся, овладеть Нейштадтом (предместием Дрездена). 26-го я повел атаку, но, в противность полученных известий о слабости неприятеля, я нашел сильное сопротивление и устроенные по дороге ретраншаменты[129], упорно защищаемые: я полагал

иметь дело с 11-м корпусом, составленным по большей части из германских войск, но, напротив того, увидел пред собою французов и узнал от пленных, что накануне 11-й корпус был сменен 14-м маршала Сен-Сира[130], превосходным в числе. Неприятель после довольно жаркого сражения, продолжавшегося до вечера, в коем было нами много побито и захвачено в плен, отступил в Нейштадт и был преследуем до самых палисад, окружающих город. Австрийцы, долженствующие мне содействовать с левого фланга, ограничились присылкою двух или трех рот стрелков, которые в сем деле и не участвовали. В сей самый день граф Беннигсен с Польскою армиею имел также дело на левом берегу Эльбы и приблизился к Дрездену, неприятель мог почесть сии два дела соглашенными, хотя они были предприняты с обеих сторон без всякого сообщения.

Движение для перехода Эльбы

Ночью после сего дела получил я повеление от генерала Блюхера перейти Эльбу между Мейсеном и Торгау для соединения с ним, а против Нейштадта оставить наблюдательный отряд из 2.000 человек, но чрез два дни после сего, следуя уже по предписанию, получил я другое, по которому должен я был не делать переправы близ Мейсена, а идти форсированным маршем в Эльстер (далее по берегу Эльбы) и ожидать там дальнейшего повеления, присоединя к себе всю оставленную при Дрездене пехоту, оставя там только для наблюдения 400 кавалеристов.

Исполняя сие предписание, узнал я, что сильный неприятельский корпус, перешедший Эльбу в городе Виттенберге, принудил осаждавшего сию крепость прусского генерала графа Тауэнцина[131] снять осаду и поспешно отступить к Берлину, что мост у города Эльстера и другие по Эльбе сняты, чрез что уничтожалось сообщение с левым берегом сей реки. По сим обстоятельствам, войдя в сношение с графом Тауэнцином, я решился отойти от Эльстера и занять позицию при Ютербоге, дабы в случае наступления неприятеля к Берлину

присоединиться к генералу Тауэнцину для совокупного с ним действия и для удобнейшего прикрытия с сего пункта прусского отряда, блокирующего крепость Торгау. Посланный от меня курьер к генералу Блюхеру с донесением о моих движениях нашел неистребленный мост в городе Ахене, он тут только мог переправиться.

Донесение мое вручил он генералу Блюхеру на поле сражения под Лейпцигом[132], который не мог дать письменного мне повеления, а сказал ему, что отправлены были ко мне три курьера о скорейшем следовании к армии; но я ни одного не получал, вероятно, что по прервании коммуникации они попали в руки неприятеля. Посему решился я поспешно идти к Эльбе и на другой день переправился у Ахена. На мосту встретил я множество пленных, взятых в Лейпцигском сражении, в том числе несколько генералов; поутру перед самым выездом моим из Ахена получил я повеление от императора следовать к Дрездену для совокупного действия с корпусом графа Толстого[133] против маршала Сен-Сира, ежели не имею противного повеления от фельдмаршала Блюхера; не желая возвратиться назад, не предвидя там важных действий, я донес Государю, что имею повеление от фельдмаршала следовать как можно скорее к его армии и, зная при том о малочисленности дрезденского гарнизона, против которого корпуса графа Толстого слишком достаточно, я продолжал мой путь до города Галле, где должен найти дальнейшее наставление от главнокомандующего Шлезской армии.

Следование к Рейну

Но на другой день по приходе моем в сей город прибыл туда генерал граф Беннигсен и объявил мне, что корпус мой назначен императором действовать совокупно с его армиею[134] против маршала Сен-Сира, вышедшего из Дрездена и шедшего к Магдебургу, и дал мне согласно с сим предписание для перемены моего следования; мне очень хотелось отделаться от графа Беннигсена так же, как я отделался от графа Толстого, ибо в этом новом назначении

я предвидел только долговременную и скучную блокаду крепости Магдебурга, куда маршал Сен-Сир прежде мог успеть дойти, нежели мы его встретить. Я представил графу Беннигсену все, что мог, для убеждения его отпустить меня соединиться с Шлезскою армиею, куда меня фельдмаршал вновь чрез курьера непременно требовал и где мой корпус, конечно, более может быть нужен для предстоящих действий, нежели при его армии, которая, соединясь с графом Толстым, слишком достаточна будет для блокады крепости; и как он был ко мне очень хорошо расположен с давнего времени, то я просил его неотступно не удерживать меня напрасно и позволить следовать по прежнему назначению; наконец удалось мне уговорить его, и на другой же день, чтоб не дать ему время раздумать, я пустился далее по вновь полученному предписанию от фельдмаршала Блюхера. Между тем главная наша союзная армия после поражения французов под Лейпцигом быстро шла к Рейну, куда также следовала и Шлезская, с которою я соединился уже у сей реки. Императорская квартира была во Франкфурте (на Майне). Я поехал туда явиться к Государю и видел собрание всех союзных владетелей германских, бывших пред сим принужденными нашими врагами. Я получил повеление идти в местечко Гохгейм и сменить находящийся там отряд от корпуса генерала Сакена, содержавший в блокаде Кассель, предместье крепости Майнц на правой стороне Рейна, где я и оставался с 19 ноября по 11 декабря. Во все сие время с обеих сторон было спокойно. Опасаясь остаться опять назади от войск, назначенных для перехода Рейна, я писал главнокомандующему генералу Барклаю де Толли, прося его перевести мой 6-й пехотный корпус в главный корпус генерала Сакена, что и было исполнено, и я из Гохгейма перешел в город Оффенбах, где простоял с 11 до 17 декабря. Корпус расположился на квартирах в окрестности, а я провел весьма приятно это время в семействе принцессы Изенбург, которой принадлежал этот город.

А.Г. Щербатов

Переход чрез Рейн[135]

19-го я прибыл с корпусом в город Мангейм, и в ту же ночь началась переправа чрез Рейн: войска мои сели на лодки в самом устье реки Неккар. На противном берегу Рейна построен был большой редут с 5-ю осадными орудиями и двумя мортирами, окруженный палисадами с глубоким рвом и засеками; как скоро егерская моя бригада 7-й дивизии (отправленная впереди прочих), вышла на берег, она, построясь в колонну, быстро пошла на укрепление и, невзирая на упорное сопротивление, овладела им, защищающие были поколоты, полковник и до 100 человек взяты в плен, мы потеряли убитыми и ранеными до 150 человек. Между тем остальное войско продолжало переправляться, и рассветающий день представил великолепнейшую картину величественного Рейна, покрытого судами, нагруженными войском; в самый сей момент король прусский, проезжая недалеко от Мангейма и желая быть свидетелем переправы нашей чрез Рейн, прибыл к берегу, принят был с оглушающим *ура* от всех войск, собранных у переправы, которому отвечали таковым же со всех лодок и с другого берега реки. Он захотел переехать с нами на французскую землю, сел на лодку с генералом Сакеном, мною и другими генералами, и мы при громе военной музыки, барабанов и восклицаний, раздававшихся с плывущих судов, пристали на противный берег. Король осмотрел редут и тут же наградил многих офицеров прусскими орденами и потом переехал обратно чрез Рейн. По окончании переправы весь корпус генерала Сакена немедленно двинулся вперед, и чрез несколько дней вся Шлезская армия соединилась. Неприятель уступал нам места без боя до города Туль, где по выгодному местоположению, казалось, намеревался нас приостановить, однако же был вытеснен и город нами занят.

Отдельное движение во Франции

10 генваря 1814 года был я отделен от корпуса генерала Сакена с 6-м моим корпусом, к которому присоединилась бригада гусар, три полка казаков и прусский кавалерийский отряд; мне назначено было идти вправо от главного корпуса чрез города Линьи, Бар-ле-Дюк, Сен-Дизье и соединиться потом с генералом Сакеном при реке Об (Aube). Авангард мой встретил неприятеля в Сент-Обен (St. Aubin) и принудил его отступить.

Взятие города Линьи[136]

Узнавши, что французы находятся в городе Линьи, я сделал нужные распоряжения к наступлению, пошел сам при авангарде; приближаясь к городу, увидел перед оным часть неприятельского войска, а остальные сильные отряды, расположенные в окрестностях, поспешно сбирались к городу; бегом, дабы не дать им времени соединиться, я приказал тотчас атаковать отряд, расположенный впереди города, артиллерия моя расстроила его, а пехота ударила в штыки и вместе с бегущим неприятелем ворвалась в город, сбила с площади городской устроенную на ней колонну пехоты и совершенно очистила город от неприятеля, который позади оного соединился с остальными частьми корпуса маршала Виктора. Потеря моя была не весьма значительна, всего убитыми и ранеными до 200 человек, неприятельская была гораздо более, в плен взято до 150 человек. Здесь нашел я пленных гишпанцев с генералом их Сото-Майор, которых я освободил.

Взятие города Сен-Дизье[137]

На другой день маршал Виктор отступил от Линьи к городу Сен-Дизье. Я послал авангард под начальством генерал-лейтенанта Ланского[138] вслед за ним до некоторого расстояния, а сам остался с корпусом в Линьи в ожидании известия о маршале Нее[139],

находящегося с 8.000 Молодой гвардии в городе Бар-ле-Дюке вправо от Линьи, но узнав к вечеру, что он оставил сей город, и будучи безопасен с правого фланга, я на другой день пошел к городу Сен-Дизье. Неприятель потеснил было мои передовые посты, но потом отступил к городу, оставя перед оным одни пикеты, город был атакован, французы в числе около 3 тысяч с орудиями после довольно упорной защиты принуждены были его оставить; они преследуемы были около трех верст до леса, где остановились; между тем наступила ночь. Из сих движений неприятельских видно, что они не имели намерения вступать тут в решительный бой, но шли соединиться с главными своими силами, что вскоре и объяснилось. На другой день, то есть 14-го, вследствие данной мне диспозиции от фельдмаршала Блюхера, я, оставя авангард в Сен-Дизье, который должен был наблюдать за неприятелем, сам с корпусом пошел влево для соединения с генералом Сакеном и 15-го прибыл в местечко Пужи за рекою Об. Главная квартира фельдмаршала находилась в Бриенн-ле-Шато, а Сакена – в Лемоне.

Сражение при Бриенн-ле-Шато[140]

17-го Наполеон со всеми своими силами двинулся нам навстречу, авангард главной нашей армии под командою генерал-лейтенанта графа Палена[141] был сильно атакован; в то же самое время и генерал-лейтенант Ланской, оставленный мною в городе Сен-Дизье, принужден был поспешно ретироваться к Бриенн-ле-Шато, будучи тесним превосходным неприятелем, который преследовал его и графа Палена до самого сего города, но был остановлен фельдмаршалом Блюхером, при коем находились войска генерала Сакена и две пехотные дивизии генерал-лейтенанта Олсуфьева[142], принадлежащие корпусу графа Ланжерона. Сим внезапным нападением я был совершенно отрезан, находясь еще в местечке Пужи, но получил повеление поспешно перейти Об и следовать к Бриенн-ле-Шато; мост чрез сию реку приготовлен уже был к сожжению, все войска

уже перешли, ожидали только моего перехода, чтоб зажечь его. Между тем происходило жаркое сражение, французы зажгли Бриенн-ле-Шато, и я должен был проходить чрез улицу, занятую уже пожаром. Неприятель занял город и овладел замком, пробравшись сзади чрез сад; фельдмаршал Блюхер, занимавший оный со своею главною квартирою, едва успел сам спастись, несколько его чиновников были захвачены, что должно приписать неосторожности, ибо упущено было занять дорогу, ведущую вокруг селения к саду. Замок (Château de Brienne) знаменит тем, что в нем существовала до революции военная школа, в которой воспитывался Наполеон[143]. По соединении моем с генералом Сакеном на поле сражения полки мои скоро приняли участие в оном; к вечеру мы очистили город от неприятеля, кроме замка, в котором он держался как в цитадели, после многих неуспешных к нему приступов фельдмаршал поручил мне овладеть им; я повел Владимирский пехотный полк, последний, оставшийся у меня в резерве, но французы, оборонявшиеся из-за стен, смертоносным огнем уничтожили все усилия храброго сего полка, который потерял много людей бесполезно – я приказал ему отступить и донес фельдмаршалу, что напрасно было бы жертвовать людьми для овладения местом, которое и без того будет оставлено неприятелем, ибо главные силы его уже отступали от города; к тому же наступала ночь; предположение мое сбылось – на рассвете не было уже французов ни в замке, ни перед городом. 18-го, на другой день после сего сражения, мы пошли по дороге к Бар-сюр-Об для сближения с главною соединенною армиею и расположились лагерем между Тран и Экланс. Главная квартира императора была уже в Бар-сюр-Об.

Бриеннское сражение[144]

20-го произошло решительное Бриеннское сражение против самого Наполеона. Накануне начальники разных частей осмотрели позицию, а в самый день на рассвете войска заняли определенные им места, фельдмаршал Блюхер, приехав на сборное место, дал

частным генералам диспозицию сражения; только что войска начали трогаться для исполнения, явился император Александр со всем своим главным штабом и с главными начальниками союзных войск. Все колонны двинулись вперед. Неприятель расположен был параллельно против нас на небольшом возвышении, правый фланг его занимал деревню Ла-Ротьер, многочисленная артиллерия прикрывала весь его фронт. Мне с 6-м корпусом назначено было атаковать центр, графу Ливену с двумя же дивизиями – деревню Ла-Ротьер, на правом нашем фланге в некотором расстоянии находился корпус виттенбергских войск[145]. Генерал-лейтенант Олсуфьев с двумя дивизиями шел в резерве. Топкие поля от времени года затрудняли движение артиллерии, и потому часть орудий оставлена была на позиции, а лошади их припряжены были к остальным, с которыми начальник артиллерии генерал-майор Никитин[146] быстро двинулся на неприятельские батареи, поражая их беспрерывным огнем. Вслед за ним вся пехота наша, подкрепленная конницею, скорыми шагами пошла в атаку; перед самым началом дела я созвал всю линию стрелков моих, чтоб не замедлить движения напрасною перестрелкою. Колонна моя, приблизясь к неприятелю, пошла на штыки, невзирая на осыпающие ее картечи, которые ранили мою лошадь в голову, а как заводной вблизи не случилось, я сел на гусарскую из-под ординарца. Французы не устояли, центр их был сбит и преследуем штыками 6-го корпуса, и взято им с боя более 30 орудий; между тем неприятель упорно держался в деревне Ла-Ротьер. Я отделил часть 18-й дивизии туда на подкрепление графа Ливена, и наконец, при наступлении уже ночи, деревня была очищена. И так французы под личным предводительством Наполеона были совершенно разбиты. Взято до 80 пушек и более 5 тысяч пленных. Конница наша и артиллерия много содействовала к победе.

Приветствие императора Александра и пожалование ордена Святого Георгия 2 степени

Император на другой день рано поутру, осматривая поле сражения, встретясь со мною, отделился от многочисленной своей свиты, в коей находился главнокомандующий всеми союзными армиями князь Шварценберг и много иностранных генералов, обнял меня и пред всеми благодарил с самыми лестными выражениями, приписывая моему корпусу успех сражения. Чрез несколько дней прислан мне был орден Святого Георгия 2 класса.

Дело при Лаферте[147]

После Бриеннского сражения Шлезская армия опять отделилась от главной, которая пошла к Труа, а мы чрез St. Ouen[148] к La-Ferté-sous-Jouarre[149]. Пред сим городом мы встретили неприятеля в довольно значительных силах, корпус мой атаковал его, прогнал за город, который и занял; неприятель при отступлении подорвал каменный мост по дороге к городу Мо, который мы к вечеру исправили, но между тем должны были по полученному ночью повелению от фельдмаршала Блюхера поспешно идти обратно к городу Монмиралю, который в тылу нашем был занят французами.

Сражение при Монмирале

Сам Наполеон находился тут; воспользовавшись разделением нашей армии от главной и неумеренным протяжением Шлезской (ибо в то время, как корпус Сакена поспешно шел к Парижу и дошел уже до Мо, прочие корпуса находились еще далеко сзади), он, искусно ворвавшись в промежутки разбросанных корпусов, напал на них поодиночке с превосходными силами[150] и, разбив один после другого корпуса Олсуфьева, Капцевича[151] и графа Палена, пошел вслед за Сакеном, которому по сей причине приказано было воротиться

к Монмиралю, где должен был он соединиться с прусским корпусом генерала Йорка[152], но сей последний, находившийся за Марною, по причине весьма дурной дороги не мог поспеть; Сакен был сильно атакован и едва мог удержаться до вечера[153], но принужден был уступить место сражения и, отступая, ночью соединился с Йорком, с котором вместе на другой день перешел реку Марну в городе Шато-Тьерри. В сем сражении корпус наш довольно потерпел – я сам в нем не участвовал, сделавшись болен за несколько дней пред тем. Хотя болезнь моя была не слишком важная, но мне невозможно было ехать верхом и нужен был совершенно покой, почему я находился в затруднительном положении: остаться на месте без войска в неприятельской земле было невозможно, и так я принужден был находиться в коляске позади войска во время сражения, а из Шато-Тьерри отправился в город Реймс, где, отдохнув, совершенно выздоровел.

Сражение при Мери[154]

Армия наша (Шлезская) продолжала свое движение чрез Реймс, Шалон и, перешед реку Об, опять соединилась с главною у города Мери; тут я получил приказание перейти реку Сену и сменить войска графа Витгенштейна, занимавшие высоты перед городом, что я и исполнил в 10 часов утра; мне приказано было только задерживать наступающего неприятеля, но не удерживать упорно позицию перед городом, а, перепустя войска чрез мост, истребить оный и защищать переправу. В полдень французы атаковали меня со значительными силами, и в самое то время в городе вспыхнул сильный пожар, почему я немедленно приказал войскам отступить за реку; вскоре весь город от сильного ветра объят был пламенем, войска принуждены были его очистить, я оставил только у подожженного моста стрелков, но несколько французских стрелков успели перейти по обгорелым перекладинам и, расположась за стенами, препятствовали совершенному истреблению моста; при сем случае лишился я отлично-храброго адъютанта моего подполковника Лопухина,

сделавшегося жертвою примерной отважности, самоотвержения и твердости характера. Я поручил ему начальство над Псковским пехотным полком, с которым он защищал переправу чрез реку Сену. При наступлении ночи дивизионный его командир приказал ему послать офицера с командою, чтоб непременно отогнать французских стрелков от моста и докончить истребление оного; Лопухин отвечал, что это значит послать офицера и людей на неизбежную смерть, ибо французы под закрытием обгорелых стен ни одного человека не допустят к мосту, и что жертвы сии будут напрасны, потому что и без того место сие будет ими оставлено ночью, ибо главные силы уже отступили, а тут остался только слабый арьергард – но генерал <…>[155], не уважив благоразумное рассуждение подчиненного, отвечал, что его долг есть безоговорочно исполнить приказание, ему данное, тогда Лопухин, выходя, сказал, что он не пошлет офицера на верную смерть, но чтоб доказать, что он ее не боится, сам пойдет с отрядом, и, по несчастию, предсказание его сбылось, только что приблизился он к мосту, был смертельно ранен; я его в моей коляске отправил в ближайший город, где он чрез два дни умер. Потеря сия была для меня очень чувствительна, он около десяти лет находился беспрестанно при мне, и армия потеряла отлично-храброго офицера, который со временем мог бы оказать много услуг. От города Мери Шлезская армия опять пошла к городу Мо, но по полученным известиям о прибытии туда Наполеона с большими силами, она взяла направление на город Суассон. Тут присоединился к ней русский корпус генерала Винценгероде[156] и вместе пошли к городу Краону, где произошло жаркое сражение[157], в котором участвовали только войска генерала Винценгероде и прусский корпус генерала Йорка, а наш корпус оставался в резерве, кроме одной бригады егерской моего корпуса и артиллерии. После сего сражения мы отступили к городу Лаону, а оттуда, следуя за движением французской армии, пошли к городу Суассону.

Дело при селении Круп[158]

Не доходя до оного, часть моего корпуса, встретя неприятеля на высотах у селения Круп, вошла в бой и прогнала с высот в селение; ночь прекратила сражение. В сих окрестностях маневрировали мы несколько дней, наблюдая за неприятелем, а 13 марта перешли реку Марну близ города Шалона, и Шлезская армия опять вошла в соединение с главною. В этот день произошло решительное сражение при Фер-Шампенуазе, где три французские корпуса, долженствующие прикрывать Париж, были совершенно разбиты[159]; в этом сражении от Шлезской армии участвовала только кавалерия. Наполеон, между тем, надеясь отвлечь нас от Парижа, пошел со всею армиею нам в тыл к Витри и Сен-Дизье. Для наблюдения за ним отправлен был только генерал Винценгероде с 8.000 конницы, все же соединенные армии по повелению императора Александра пошли поспешно к Парижу[160]. Шлезская армия, шедшая впереди, пришла 16 марта в селение Трипор, где, наведя понтонные мосты на Марне, переправилась по оным и тот же день, пройдя город Мо, дошла до Шато-Френ (Frehnes[161], поместье знаменитого президента d'Aguesseau[162]). Я занял квартиру в этом древнем замке вместе с генералом Сакеном; находясь впереди всех армий на пути к Парижу и в таком близком от него расстоянии, мы надеялись, что нам предстояла слава коль не первыми, то по крайней мере вместе с прочими войти в столицу Франции, это послужило бы наградою за неутомимые труды наши после Бриеннского сражения, ибо Шлезская армия, находясь всегда впереди, около двух месяцев была в беспрерывных движениях и сражениях, но к большому нашему огорчению 17-го числа корпус Сакена получил приказание пропустить все прочие войска и потом возвратиться в город Мо для обеспечения тыла армии совокупно с баварскими войсками под командою фельдмаршала Вреде[163], и так, мы, скрепя сердце, выстроились вдоль шоссе, где император Александр 18 марта, проезжая мимо, осмотрел наш корпус, после чего мы возвратились в город Мо, а главная

армия с прочими корпусами Шлезской продолжала путь к Парижу, пред которым произошло жаркое сражение, вследствие чего город сдался на капитуляцию в 4 часа пополудни[164].

Вступление в Париж

Ночью того же числа генерал Сакен получил приказание прибыть немедленно в главную квартиру Государя, он назначен был военным губернатором Парижа. Командование корпусом поручил он старшему по себе генералу Васильчикову[165] – я, желая находиться при вступлении в Париж, поехал вместе с ним, и на рассвете прибыли мы в главную квартиру Государя в селении <…>[166]. Дом, занимаемый императором, не мог вместить всех собравшихся для торжественного въезда, множество генералов и разных военных чиновников толпились на дворе; с любопытством увидели депутацию города Парижа, с нею был генерал Коленкур (duc de Vicence[167]), бывший посол в Петербурге. Этот гордый представитель счастливого Наполеона с потупленным взором прошел поспешно между раздавшейся толпы людей, ему знакомых. Наконец император Александр сел на лошадь, сопровождаемый многочисленною свитою русских и союзных генералов, в недальнем расстоянии на пути присоединился к нему король прусский, и оба Государя въехали в Париж. Улицы наполнены были народом, который заглушал все своими радостными восклицаниями. Вслед за Государем шла вся гвардия русская и прусская и прочие войска, бывшие в сражении под Парижем; мы вошли в ворота (St.Martin)[168] и, пройдя все бульвары, Государи остановились в Champs-Elysées[169], где пропустили церемониальным маршем все войско; шествие сие было самое великолепное и торжественное, оно продолжалось до вечера, даже деревья в аллее были унизаны любопытным народом. После прохода войск Государь поехал на свою квартиру, а я с десятью или двенадцатью генералами отправился обедать в Palais Royal[170] к знаменитому ресторатору Véry[171].

В первый раз в жизни находился я в Париже, можно себе вообразить или, лучше сказать, трудно представить восторг мой и товарищей моих, как будто волшебно перенесенных из долговременной бивуачной жизни в эту многолюдную, пышную и очаровательную столицу просвещенного мира; слава и победа придавали блеск всем предметам в глазах наших. Несколько часов провели мы за приятельским столом роскошно и шумно, забыты были прошедшие труды, рассчитывали мы ожидающие нас веселья и наслаждения. Ночью я возвратился в Мо, а 21 марта корпус Сакена пришел к Парижу, расположился в предместии Лавилет и на другой день занял все заставы и наружные караулы. Мне отведена была прелестная квартира (Hôtel Marbeuf rue Faubourg St-Honoré[172]) от города, была устроена со всею парижскою роскошью, вся приличная сему дому услуга со столом и пр., завтраки и обеды мои с корпусным моим штабом в числе около двадцати человек были настоящие пиры, но увы! Это великолепие недолго продолжалось, чрез пять дней город избавлен был по силе капитуляции от всех издержек касательно содержания войск, от чего бедные полки, стоявшие на бивуаках пред городом, предметом стольких трудов и усилий, в виду величайшего изобилия терпели большую нужду, ибо жители продавали им самые нужнейшие жизненные потребности за неумеренную цену.

Дни кратковременного моего пребывания в Париже неприметно пролетели в удовольствиях и любопытном обозрении примечательнейших предметов; однажды во время осмотра моего Инвалидного дома[173] прибыл туда император Александр; начальник сего заведения маршал Sérurier[174] принял его на дворе, тут, встретясь со мною, Государь представил меня маршалу с сим лестным для меня выражением: «**Je vous présente le prince Scherbatoff, général de division, celui qui a emporté les portes de la Rotiere**[175]», потом, проходя мимо ворот внутри замка, на которых надпись «**Porte d'Austerlitz**»[176], император сказал мне по-русски: «**Без этого и мы не были бы теперь здесь**».

Начальство над 3-м корпусом

1 апреля принял я начальство над 3-м отдельным корпусом как старший под генералом Сакеном, который остался генерал-губернатором в Париже, а генералу Васильчикову поручено было формирование нового гвардейского конно-егерского полка, и тот же день выступил с корпусом из Парижа в город Ретель (département des Ardennes[177]), где и расположился 7 апреля на кантонир-квартирах. Я забыл упомянуть, что был свидетелем торжественного въезда в Париж графа д'Артуа[178], брата Лудвига XVIII[179], его наместника, а несколько дней после входа нашего в Париж великолепного молебствия на площади Лудвига XV[180], где было собрано все русское войско вокруг возвышенного пространного амвона, на котором происходило священнослужение и находился Государь, окруженный своею свитою, генералами и французскими маршалами. В Ретеле пробыл я более двух недель; после парижской жизни казалось мне несносно уединение и тишина этого маленького городка, и я с радостию получил наконец приказание выступить в поход в Россию.

Возвращение в Россию

27 апреля 3-й корпус двинулся с кантонир-квартир, проходя чрез Люксембург, я осмотрел подробно эту любопытную и важную крепость[181]; в Майнце перешли мы чрез Рейн. В Дармштадте пробыл я два дни, был отлично принят великим герцогом, обедал у него и был в опере, которую он велел играть особенно для меня в необыкновенный день. Отсюда ездил я осмотреть любопытные и величественные развалины Гейдельбергского замка на реке Неккар[182]. Продолжая путь чрез Саксонию, заехал я в город Веймар, чтоб представиться нашей великой княгине Марии Павловне[183]; принят был ею с отличием и даже радушно, пробыл целый день в ее обществе. Возвратясь к корпусу в город Мейсен, перешли мы там чрез реку Эльбу до города Варшавы, куда пришли мы 17 июля; ничего

примечательного в пути не было. Сюда прибыл из Парижа генерал Сакен и вступил в начальство над 3-м корпусом, который начал разделяться по новому расписанию армий.

В командование мое поступил корпус, составленный из 18-й и 22-й пехотных и 4-й драгунской дивизий, которые продолжили путь на назначенные им квартиры в окрестностях Днестра и в Подольской губернии. Я остался на несколько дней в Варшаве, где провел время очень весело. 2 августа вступил я в наши границы в город Брест-Литовск – здесь войска почувствовали разницу в продовольствии между заграничным и внутренним! 11 сентября прибыл я в корпусную мою квартиру в город Могилев на Днестре. Не могу умолчать, как отвратителен мне показался этот грязный жидовский город после всех опрятных и миловидных немецких городков, чрез которые мы проходили, и потому я не замедлил проситься в отпуск в Петербург. Получив позволение, я тотчас туда отправился.

После шестилетнего отсутствия я вполне насладился петербургскою жизнию, город наполнился военными, общества были блистательны, я надеялся провесть довольно долгое время в кругу родных и приятелей, но неожиданное событие все переменило; получено известие о возвращении Наполеона с острова Эльбы во Францию и о бегстве Лудвига XVIII из Парижа[184]. Император Александр, находясь в то время в Вене на конгрессе, дал оттуда повеление войскам вернуться во Францию[185].

Кампания 1815 года

Я должен был тотчас возвратиться к моей дивизии, она тогда расположена была около Каменец-Подольского; начальником корпуса, которым я командовал, временно назначен был старший меня генерал. Вторая армия, в коей мы состояли[186], не была назначена идти во Францию, почему я перед выездом из Петербурга написал письмо фельдмаршалу князю Барклаю де Толли, изъявляя желание участвовать в предстоящей войне, просил его убедительно о переводе

меня в действующую его армию, если не с дивизиею моею, то хотя одного, предлагая принять командование какое случится, хотя менее настоящего. Письмо мое весьма долгое время оставалось без ответа, наконец получил я повеление со всею 18-й дивизиею немедленно выступить и форсированным маршем следовать во Францию. Я восхищен был от радости, но желание мое не вполне исполнилось. На пути, в городе Бресте-Литовске, получил я из Варшавы повеление остановиться вследствие переменившимся обстоятельствам после поражения Наполеона в Ватерловском сражении[187].

Пребывание в Варшаве. Разговор с великим князем Константином Павловичем

Оставя дивизию в окрестностях Бреста, я поехал в Варшаву узнать о подробностях сего важного переворота и повеселиться. Я пробыл там несколько дней. Великий князь Константин Павлович, главнокомандующий Польской армиею[188], обошелся со мною необыкновенно ласково и в одном случае оказал мне доверенность: я всякой почти день обедал у него; однажды за столом он рассказывал о шалости, сделанной польскими солдатами, которая несколько раз была запрещена приказами, и сказал, что для прекращения подобных случаев он приказал на другой день наказать их по-русски шпицрутенами[189]; присутствующие за столом приближенные его одобряли, говоря, что это послужит полезным примером; я молчал. Великий князь, заметя из взглядов моих, что я противного мнения, после обеда отвел меня в сторону и спросил, что я думаю об этом, я отвечал, что мнение мое не может ни к чему послужить, потому что дело уже им решено, а может только быть ему неприятным; он требовал, чтоб я объяснился. Тогда я сказал, что, подвергаясь навлечь на себя его гнев, я скажу ему, что он в сем случае поступил противно справедливости и своих прав, что по конституции царства Польского нижние чины не могут быть подвергнуты телесному наказанию[190], что он, наказывая шпицрутенами, преступает власть,

возложенную на него императором, и что чем более он уверен в неответственности (как брат государев), тем менее должен он подавать таковой пример властям, что если виновные заслуживают строжайшего наказания, он вправе по суду их расстрелять, тогда действия его будут законны. Одним словом, на горячие его возражения я отвечал твердо, повторяя часто, что, будучи им самим вынужден объявить мое мнение, я не умею льстить и говорить против совести. Наконец он сказал, что благодарит меня за чистосердечие, но, будучи противного мнения, исполнит то, что уже решил. Тем кончился этот разговор.

На другой день рано поутру приехал ко мне один генерал польской гвардии благодарить меня, что по моему совету великий князь отменил назначенное им наказание; я удивился, как мог распространиться разговор мой с великим князем, бывший с глазу на глаз. Это меня обрадовало, и я тотчас поехал на кавалерийское ученье, куда был накануне приглашен великим князем; ученье уже началось, но как скоро он меня увидел подъезжающего ко фронту, тотчас остановил оный, прискакал ко мне навстречу, отъехал со мною в сторону и, обняв меня с лошади, благодарил за вчерашний добрый совет, которому он последовал, сказав, что он всегда любит правду и просил и впредь так же с ним поступать. – Черта эта меня тронула, и я не хотел о ней умолчать в моих воспоминаниях, она доказывает, что правда могла всегда быть до него доступна, но заглушена была лестию, и что льстецам должно приписать многие случившиеся впоследствии беды. Возвратясь в Брест, я повел обратно дивизию в Каменец-Подольский, пробыл там до зимы, и в начале 1816 года поехал в отпуск в Петербург. Командовав корпусом во время войны, я не хотел уже оставаться дивизионным начальником и, желая отдохнуть и исцелиться от рюматизма, следствия бивуаков, я просился в бессрочный отпуск за границу, к водам; Государь, видя меня в прочем совершенно здоровым, догадывался, что другая причина заставляла меня временно удаляться от службы, отделывался шутками, не давая никакого решения.

Назначение начальником 6-го корпуса

Наконец, воспользовавшись первою корпусною ваканциею, назначил меня начальником 6-го пехотного корпуса, хотя я был в числе не самых старших генерал-лейтенантов. Это приятное назначение заставило меня отложить намерение пользоваться заграничными водами, но испросил у Государя позволение из Харькова, где была моя корпусная квартира, съездить на короткое время к кавказским водам. Весною отправился я чрез Москву в Харьков и, вступив в командование корпуса, скоро потом поехал на Кавказ. Горячие ванны были мне очень полезны, и хотя, спеша возвратиться в Харьков, я не мог воспользоваться полным курсом, но, несмотря на то, совершенно вылечился от рюматизма. В свободное время от занятий по службе провел я время в Харькове довольно весело, найдя там общество приятное, но это продолжалось недолго.

Назначение генерал-адъютантом

В конце лета корпус мой по новому образованию армии был расформирован и номер его уничтожен, а я назначен генерал-адъютантом. По получении о том известия я еще несколько недель остался в Харькове для устройства всех дел по корпусу и потом осенью отправился в Петербург.

Женитьба

Настал 1817 год и с ним возобновилось мое существование, после семилетнего вдовства и горестного чувства о незабвенной потере провидение сжалилось надо мною и послало мне утешителя; 29 апреля я женился на Апраксиной[191], и вновь открылось для меня новое счастие, новая жизнь. Я провел все лето в удовольствиях и наслаждениях, давно мне чуждых; осенью двор переехал в Москву и мы также; древняя столица угощала двор великолепными праздниками; весь этот блеск в первых месяцах нашей женитьбы мог бы придать

нам много приятностей, но я осужден был к новым тягостным испытаниям, жена моя, будучи беременна, сделалась очень больна и долго не могла выезжать, наконец 9 февраля 1818 года родила дочь (Катеньку)[192]. Я надеялся, что после сего здоровье ее поправится, но вместо того оно более и более расстраивалось, она страдала спазмами в груди, которые увеличивались и ее ослабевали.

Весною приехал в Москву король прусский, что подало повод новым празднествам и увеселениям. В начале лета двор возвратился в Петербург, мы за ним последовали и поселились на даче графини Строгановой; болезнь жены моей, которая несколько было уменьшилась, вдруг жестоко усилилась и подвергла ее большой опасности, доктора решили, чтоб зиму провесть ей в самом теплом климате.

Отъезд за границу

Употребя самое короткое время на необходимые приготовления, мы отправились в путь в последних числах августа; болезненное состояние жены моей усиливалось еще новою беременностию, так что я с ужасом взирал на предстоящую дальнюю дорогу, тем более, что она не могла почти переносить езду по мостовой; страх мой увеличился при самом начальном опыте, ибо, выехав поутру из Петербурга, мы по причине усталости ее, должны были остановиться ночевать в Стрельне, в 19 верстах; в карете устроена была постель и со всем тем, проезжая чрез города по мостовым, ей всегда делались обмороки; разумеется, что мы ехали весьма медленно, в Риге и Кеннигсберге принуждены были отдыхать по два или по три дни, наконец доехали таким образом до Дрездена, где пробыли более двух недель, потому что душевная тревога сильно подействовала надо мною и я сам занемог; это принужденное отдохновение было полезно жене моей, остальной путь чрез Тироль до Флоренции совершила она гораздо легче и могла в карете сидеть, а не лежать.

В начале ноября приехали мы во Флоренцию; видя в первый раз Италию, я изумился прелестию ее благословенного климата, после двухмесячного осеннего путешествия, как скоро спустились мы

с Апеннинских гор в долину близ Флоренции, мы снова очутились как бы посреди лета: везде цветы, зеленые деревья и все ощущения прекрасного летнего утра. Чрез два дни после нашего приезда жена моя заплатила как будто последнюю дань нашему северному климату, она имела сильнейший припадок спазмов, но вскоре поправилась и потом начала чувствовать влияние благотворного южного солнца, которое почти без лекарств постепенно укрепляло ее силы, восстановляло здоровье и позволило пользоваться всеми приятностями жизни. Избавившись <от> тяжкого беспокойствия насчет здоровья жены моей, я мог предаваться удовлетворению любопытства, обозрением всех достопамятных предметов древности и изящных искусств, которые так щедро рассыпаны по всей Италии. Это было для меня новое наслаждение, доселе мне неизвестное.

18 генваря 1819-го жена моя благополучно родила дочь Наталию[193], здоровье ее ежедневно укреплялось – спазмы исчезли и в конце марта мы могли предпринять путешествие в южную часть Италии, начав с Рима, где пробыли более месяца, слишком малое время, чтоб осмотреть подробно все, что вмещает в себе эта столица древности, но зато мы не теряли ни часу, с утра до вечера мы ездили, ходили, смотрели на все примечательное, а вечера проводили в блестящих собраниях и праздниках, даваемых по случаю пребывания в Риме императора австрийского Франца I[194], который в одно время с нами объезжал Италию, потому и мы могли видеть ее во всем блеске; некоторые празднества, которые бывают обыкновенно в разные времена года, для присутствия императора были соединены, как то: знаменитые иллюминации церкви Святого Петра и Павла и Château St. Ange[195], известной под названием La girandole, были даны в один вечер, кто не видал этих двух иллюминаций, тот не может иметь об них никакого понятия; я не стану их описывать, потому что это находится во всех описаниях Италии. На Страстной и Святой неделе видели мы все церковные церемонии и обряды, на которых присутствовал папа[196]. Ему был я представлен нашим посланником. Наконец отправились мы в Неаполь, также в одно время

с императором; хотя Италия казалась уже мне прелестною, но восхищение мое возросло до высшей степени, увидя очаровательное местоположение Неаполя, природа одарила его всеми красотами и прелестнейшим климатом, хотя тут любитель художеств менее найдет удовлетворения любопытству, нежели в Риме, но зато местности более занимательны как положением, так и историческими воспоминаниями. В Риме главные любопытные предметы состоят в городе, а в Неаполе – в окрестностях, более всего поразило мое воображение и удивление Помпея и Эркуланум[197].

Во время нашего пребывания в Неаполе было сильное извержение Везувия, мы с многочисленной компаниею отправились на его вершину, у подошвы горы приготовлены были ослы, на которых мы доехали до половины горы, где находился трактир (L'Hérmitage[198]), бывшее жилище пустынника. Тут мы хорошо поужинали привезенными нами запасами и пили вино (lacryma Christy[199]), виноград, из которого оно делается, растет на Везувии, тем оно только и славится, отсюда должны уже были идти до вершины горы пешком, при каждом из нас был проводник (lazzarone[200]), а жену несли таковые же десять человек на носилках, на которых устроены были кресла, многие дамы таким образом взносятся на Везувий, но для жены моей сие средство было необходимо по причине ее здоровья, только что укрепившегося, и по началу новой беременности. Всход сей очень затруднителен: от скал, произведенных застылою лавою, во многих местах надобно было лезть как на стену, часто ноги оступались и мы падали, по сей причине было так много людей при носилках, чтоб в случае падения одного другой мог поддержать. Наконец достигли мы до кратера, давно уже слышен был гром извержений, подобный самым сильным пушечным выстрелам, но вблизи взрывы сии нас оглушали, падение извергаемых каменьев производило страшный шум, в глазах наших текла огненная река лавы, и надобно было отстраниться от ветра, чтоб не задохнуться от серного дыма; я, заткнувши нос, пробежал быстро чрез этот смрад до самого края кратера, чтоб взглянуть на внутренность его, долго оставаться тут было невозможно, но я увидал настоящее изображение ада.

Мы остановились короткое время на вершине Везувия, прельщаясь величественною картиною извержения его и представляющегося вдали под ногами нашими огромного и великолепного Неаполя с заливом, усеянным островами; картина незабвенная для того, кто ее видел.

Наконец мы спустились с горы по противной стороне той, по которой взошли, спуск был совершен гораздо скорее всхода, мы, так сказать, скользили по пеплу и почти неожиданно очутились у подошвы горы, где ожидали нас экипажи для возвращения в Неаполь. Проведя тут еще несколько дней в удовольствиях и наслаждениях любопытства, мы возвратились в Рим, а оттуда, чтоб не возвращаться во Флоренцию по известному уже нам пути, мы направились к Адриатическому морю и, заехав в Лорету, продолжали чрез Анкону, Равенну и пр. до Фузино, где, сев на лодку, прибыли в Венецию. В любопытном этом городе пробыли мы только три или четыре дни, этого было достаточно, чтоб осмотреть все примечательное, видеть развалины древнего ее величия и пожалеть о настоящем упадочном состоянии, но мысль, что с этим упадком прекратилось тиранское ее правление, служила утешением.

Из Венеции чрез Болонию возвратились мы во Флоренцию, где на время двухмесячного нашего путешествия по Италии оставляли мы новорожденную дочь под надежным присмотром одноземной приятельницы, и чрез несколько дней переехали в Ливорно, наняв поблизости его загородный дом г-на Калемая, у подошвы Monténéro[201], тут прожили мы около двух месяцев. Целью этого пребывания были морские ванны, которые жена моя употребляла все это время. Проведя таким образом лето довольно приятно, хотя уединенно, пользуясь только обществом доброго семейства Мальцевых[202], которые также для морских ванн жили в соседстве, мы наконец поехали в Геную; намерение наше было сделать переезд этот водою из Леричи (Porte de Lerici[203]) сколько для удовольствия, столько же и для сокращения дороги, но вышло совсем противное, и вместо того, чтоб выиграть время, мы его потеряли; приехав в Леричи вечером, мы принуждены были остаться там целый другой день по причине сильной непогоды, на другое утро, хотя дул еще сильный ветер, но,

по совету моряков, мы отправились в море. Пока мы находились еще в гавани, то плавание наше было довольно спокойно, но как скоро вышли в море, то сильный ветер, похожий на бурю, так сильно начал колебать небольшое наше судно, что мы нашлись в самом неприятном положении и, может быть, в опасности; мы хотели тотчас пристать к берегу, но он был крутой со скалами – лодка наша могла бы об них разбиться, и сверх того сильные волны отталкивали нас, мы принуждены были со страхом продолжать плавание до первой деревушки, находящейся на самом берегу залива, куда и могли пристать; можно себе вообразить, с каким удовольствием мы вышли на землю; отыскав какую-то харчевню, мы расположились в ней ночевать, но с некоторым беспокойствием насчет безопасности в этой отдаленной от сообщения деревушке; на другое утро погода совершенно утихла, и мы безопасно могли продолжать наше морское путешествие, но вчерашняя беда заменилась новым препятствием, вместо бури настало такое безветрие, что паруса сделались бесполезными и не иначе можно было подвигаться, как на веслах, гребцы наши выбивались из сил, люди наши им помогали, таким образом с большими усилиями мы, проведя более половины дня в море, отъехав малое расстояние, доплыли до одного местечка, где, наняв карету, поехали сухим путем и чрез несколько часов прибыли в Геную.

Хотя мы видели уже самые главные и примечательнейшие места Италии, но с не меньшим удовольствием увидели Геную, знаменитую местоположением и великолепными зданиями, особенно отличающимися правильностию архитектуры; мы пробыли тут четыре дни, одно из утров употребил я для осмотра обширных укреплений, получив на то позволение коменданта, который дал для сопровождения меня своего адъютанта. Из Генуи поехали мы в Милан, проезжая чрез город Нови, я осмотрел достопамятное для русских место сражения, выигранного Суворовым над французами в 1799 году[204]. В Милане нашел я знакомого моего, австрийского генерала Бубна, с которым мы совокупно действовали против Дрездена в 1813 году. Он был военным губернатором и начальником всех войск в Ломбардии и приветствовал меня как старого приятеля и сослуживца,

способствуя к осмотру всего любопытного в городе и окрестностях, предложил нам свою ложу в известном театре La Scala[205], где мы почти каждый вечер видели прекрасные оперы, и назначил для меня смотр всему войску, находящемуся в городе.

Эрц-герцог Реньер, брат императора, вице-король Ломбардии[206], пригласил меня к обеду, это был день публичной аудиенции, я застал во дворце конец ее и с большим удовольствием и благоговением был свидетелем этого отеческого и человеколюбивого учреждения австрийского правительства, которое свято и ненарушимо исполняется императором и всеми членами его дома, начальствующими в разных провинциях; раз (или два раза) в неделю каждый, какого бы состояния не был, даже нищий, имеет свободный доступ во дворце до императора, который принимает и выслушивает просьбу его в присутствии одного только секретаря в своем кабинете… Какое обуздание вельможам и министрам!

Между прочими достопримечательностями видели мы подробно самую большую церковь после Святого Петра и Павла римского, миланский собор, весь сооруженный из белого каррарского мрамора[207]. Эта древность средних веков оставалась несколько столетий недоконченною, Наполеон довершил начатое, обложив мрамором переднюю фасаду. Все в этой церкви великолепно, а особенно заслуживает внимания вершина ее, на ней находятся три тысячи мраморных статуй; прохаживаясь по плоской ее кровле, на которой возвышаются купола многочисленных алтарей, внизу находящихся, воображению представляется обширная городская площадь с церквами и монументами. В окрестностях достойно примечания местечко Монца – летнее пребывание эрц-герцога; дворец великолепный, сады обширные, богатые экзотическими растениями, и местоположение приятное. По приказанию эрц-герцога приготовлены были для нас во дворце комнаты и завтрак, которым угощал нас один из его придворных, он все нам показывал и в приготовленном придворном экипаже возил нас по всем любопытным местам сего прекрасного городка; в соборной церкви видели мы знаменитую железную корону, которою короновались бывшие ломбардские

герцоги, ею также короновался и Наполеон, когда он назвался королем Италианским[208]; она сохраняется в церкви над престолом как святыня, ибо железный обруч, находящийся в среди ее, сделан (по преданию) из гвоздя, которым был распят Спаситель.

С любопытством видел я в Милане цирк, построенный Наполеоном из мрамора, наподобие древних, и триумфальные ворота, служащие въездом на Симплонскую дорогу[209], ведущую от Милана чрез Альпийские горы до Женевы; эта удивительная дорога по местам, прежде почти непроходимым, начата и кончена была в короткое время Наполеоном, но ворота он не успел совершенно докончить. Они все из каррарского мрамора со статуями и барельефами, представляющими его победы в Италии, украшения сии, уже доконченные, не были еще поставлены на ворота и хранились особо; после падения Наполеона австрийское правительство предлагало императору Францу не доканчивать сей памятник торжества Франции над ним[210], но император совет сей не принял, и ворота впоследствии времени были кончены. Проведя около двух недель в Милане, мы поехали на озеро Комо[211], ночевали на берегу его; на другой день на лодке осматривали прелестные виды и селения, разбросанные по обоим берегам, между коими находятся великолепные сельские дома, после нескольких часов приятного плавания вышли мы на берег у летнего дома (villa) маркиза Сомарива[212]. Богатый хозяин его умел устроить жизнь свою самым приятнейшим образом, разделив ее между Парижем и этим прелестным жилищем, которое он роскошно украсил лучшими произведениями современных художников во всех родах; небольшой сад расположением на самом берегу озера соответствует красоте дома. Поблизости дома нашли мы хорошо устроенный трактир, в котором переночевав, на другой день отправились обратно на лодке в Комо вдоль другого берега озера и потом продолжали сухим путем путешествие наше до озера Майорского (Lago Maggiore)[213].

Комское озеро прельстило нас своими украшенными берегами, а это представило красоты другого рода, оно гораздо более и открытее, три острова, на нем находящиеся (Isola Madre, Isola Bella, Isola Pescatori)[214], составляют восхитительнейшую картину. С берега

отправили мы экипажи наши на перевозном судне на противный берег, а сами, сев на лодку, поехали осматривать эти прекрасные острова, день был прекрасный (осенний-итальянский), озеро тихо и как зеркало, мы пристали к острову Мадре, внутренность его не имеет ничего примечательного: старинный дом с принадлежностями, сад также в старинном вкусе. Эти три острова принадлежат издревле фамилии Бороме; предок нынешнего хозяина (St. Charles Boromée)[215] считается святым, на берегу озера сооружена колоссальная его статуя[216].

Остров Белла любопытнее первого, издали представляет он приятнейшую картину, подобную театральной декорации; на берегу, где устроена прекрасная пристань, возвышаются несколько широких террас, расположенных одна над другою в виде огромного четвероугольника, на вершине которого построен дом в итальянском вкусе, где и живет хозяин, террасы составляют сад, усаженный померанцевыми и другими деревьями южного климата. С высоты террас вся окружность озера представляется в прелестнейшем виде. На третий остров (Pescatori) мы не поехали, на нем нет ничего замечательного, там находится деревушка рыбаков, и потому носит он это имя. Наконец вышли мы на берег озера, у Бавено, на самом Симплонском шоссе, где и ночевали; на другой день поутру рано, прежде чем отправиться в дальнейший путь, поскакал я один в легонькой почтовой колясочке назад по дороге до местечка Арона, любопытствуя видеть колоссальную статую St.Charles Boromée. Она поставлена на пригорке и видна из дальнего расстояния, в нее можно входить, и несколько человек помещается во внутренности ее головы, но я этого не испытывал. Возвратясь в Бавено, мы продолжили путь наш чрез Альпийские горы по чудесной Симплонской дороге до города Женевы. В северной Италии на каждом шагу встречаются следы творческого духа Наполеона, везде оставил он незабвенные памятники своего царствования, но, по мнению моему, Симплонская дорога служит главнейшим ему монументом.

Намерение наше было провесть часть осени в Швейцарии и потом ехать в Париж, но здоровье жены моей в том воспрепятствовало;

оттого ли, что оно, не будучи еще совершенно укреплено, почувствовало влияние горного климата, или причиною тому была беременность, но от того или другого признаки прежней ее болезни опять появились, она снова стала страдать грудью; сопутствующий нам из России доктор Доберт, с согласия призванного на совещание знаменитого женевского врача, решил, что непременно нужно провесть еще зиму в теплом климате. Мы не захотели опять переезжать за Альпийские горы, чтоб возвратиться в Италию, и потому решились ехать в Монпелье, где климат и искусные доктора представляли те же способы к поправлению здоровья. И так в половине ноября 1819 года приехали мы в Монпелье; спокойная жизнь, хороший климат более, чем маловажное лечение, поправили здоровье жены моей, мы нашли довольно приятное общество людей умных и занимательных, изрядный театр, следственно, провели время не скучно. 20 декабря, в самый Новый год по новому штилю, жена благополучно родила первого сына, Григория[217]; по неимению греческой церкви мы крестили его по реформатскому обряду, известный наполеоновский инженерный генерал Campredon[218],удаленный от службы и живший в Монпелье, был свидетелем, то есть заменял крестного отца.

После совершенного оправления от родов жены моей мы налегке поехали осмотреть южную часть Франции: Марсель, Тулон, до Иерских островов (Isles d'Hieres). Возвращаясь чрез Авиньон, видели Воклюзский источник, прославленный Петрарком[219]. Приехав обратно в Монпелье, мы отправились в Париж, детей отправили с доктором Добертом прямой дорогой чрез Лион, а сами поехали вдоль Лангедокского канала до Бордо, осмотрели подробно этот замечательный город и чрез Орлеан приехали в Париж в начале марта; мы остановились в трактире на лучшей улице (Rue de la Paix[220]) и на другой уже день начали веселую парижскую жизнь, проведя вечер в театре (Porte St. Martin[221]), где играл известный забавный Potier[222]. В Париже нашли мы сестру мою, графиню Шувалову[223], там поселившуюся, и несколько знакомых русских семейств, что было очень приятно, особливо для первоначального пребывания, но вскоре мы

сделали все нужные знакомства, на третий день приехали дети наши. Они отправлены были из Монпелье на наемных лошадях, а не по почте, и мы переехали в нанятый нами дом Chaussée d'Antin, rue Taibout[224].

Жена была совершенно здорова, мы могли наслаждаться всеми приятностями, которые ежедневно и, можно сказать, в каждом часу дня представляет блестящий Париж. Хотя я уже был в нем в 1814 году, но слишком короткое время, и тогда он еще не опомнился от занятия нами, но теперь все было в обыкновенном мирном положении; заметны были некоторые волнения в народных партиях, но они в Париже никогда не препятствуют веселию и удовольствиям. Я был свидетелем одного возмущения черни по случаю новоизданного закона об избраниях (loi des Élections)[225]. Мы тот день обедали у графа Строганова[226]. Они жили в доме графа Лобау на берегу Сены рядом с дворцом, занимаемым Камерою депутатов[227], из окон видели мы многотысячные толпы мятежного народа, собравшиеся на площади Лудвига XV (Place de la Concorde[228]). Несколько часов они волновались с шумом, но наконец были рассеяны прибывшею конницею и многие переранены; вечером чрез ту же площадь мы спокойно возвратились домой. Но первым занятием нашим по приезде в Париж было крещение сына Григория по греческому обряду, что немедленно и исполнили, восприемниками были граф Сергей Григорьевич Строганов и сестра моя Шувалова. В начале июня видел я суд в Камере пэров над Лувелем, убийцею герцога Беррийского[229]; хотя я имел билет для входа в заседание, но такая была теснота, что не мог бы я ничего видеть, ни слышать, если б, по особенной учтивости распорядителя (le grand référendaire[230]), не получил заказное место за лавкою подсудимого, где я мог со вниманием слышать все прения сего достопамятного суда.

На другой день мы отправились в Англию, оставя детей в Париже у Строгановых; ночевали в Кале, поутру на английском пакетботе[231] переехали в Дувр, после около семи часов плавания, а на вечер прибыли в Лондон. Посредством посла нашего князя Ливена[232], моего

старого приятеля и сослуживца, мы тотчас по приезде нашем познакомились со всем лучшим англицким обществом и представились ко двору; в это время в Лондоне было большое и необыкновенное стечение народа по причине парламентских заседаний, которые всегда бывают летом, и по случаю приготовлений для коронования Георга IV[233], но к сему прибавился новый предмет любопытства для народа, королева Каролина, известная распутною жизнию и находившаяся уже несколько лет в чужих краях, неожиданно приехала в Лондон с намерением восстановить все свои права супруги королевской, против чего король упорствовал, требуя развода[234]. Это подало повод продолжительному и постыдному процессу, который был причиною отсрочки коронования до окончания оного.

Пробыв в Лондоне не с большим две недели, которые мы употребили на осмотр всего любопытного, особенно по части промышленности и торговли, также и ближайших окрестностей, мы отправились в Брейтон, где по совету медиков жене моей для усовершенствования здоровья нужно было пользоваться морскими ваннами, почему и прожили мы там целый месяц довольно уединенно, найдя небольшое общество, ибо по моде, которая в Англии над всем владычествует самовластно, ко всем водам модное общество съезжается в самом конце лета. В Брейтоне любопытнее всего китайский дворец королевский, все строения и убранства устроены в китайском вкусе и с большим великолепием. Это летнее пребывание короля.

По окончании курса морских ванн мы возвратились в Лондон и чрез несколько дней поехали осмотреть северную часть Англии и Шотландии, чрез Йорк до города Дункельда, находящегося уже в горах Шотландии. В Эдинбурге пробыли мы три дни и восхищены были его местоположением. На возвратном пути поехали чрез Кумберленд, Ливерпуль, Дерби-Шейр, Глочестер, Батт и пр. до Портсмута, имея письменное позволение из Лондона для обозрения сего порта и арсенала, я по приезде туда послал его к начальствующему адмиралу, он тотчас дал нужные приказания, и один из офицеров его

штаба провожал нас по всем заведениям. Здесь случилось с нами довольно смешное происшествие: во все время, что мы ходили по порту, продолжался звон во все городские колокола, мы полагали, что это было для какого-либо торжества, но по возвращении нашем в трактир во время обеда подали мне запечатанную бумагу, это было поздравительное письмо от городских звонарей, которые колокольным звоном поздравляли нас с прибытием в их город. Это значило, что надобно было дать им гинею. Мы очень смеялись этому способу добывать деньги. Из Портсмута ездили мы на остров Уайт (Wight) и пробыли там два дни, мы любовались прелестными его приморскими видами, сельскими домиками и опрятностию. Нигде нельзя видеть такое множество цветов, украшающих каждую хижину. По возвращении в Лондон мы немедленно отправились в Париж после двухмесячной прогулки по Англии. Как показался нам малолюден и неопрятен Париж после Лондона! Особенно удивляло нас в Англии, не говоря о важнейших предметах любопытства, многочисленное движение по большим дорогам в роскошных и красивых почтовых каретах (diligences)[235], приятное устройство трактиров, где все придумано для спокойствия приезжающих; правда, что в Англии все дорого – но зато все отлично хорошо.

Возвратясь в Париж в половине августа, мы снова начали наслаждаться всеми утонченными приятностями жизни, которые, так сказать, сосредоточены в этой столице для каждого состояния, каждого возраста и вкуса. И так неприметно протекло там время пребывания нашего до весны 1821 года. Настала пора возвращения в Россию; главная цель путешествия нашего благополучно достигнута, здоровье жены моей поправилось и утвердилось, при том не потеряно было время и для удовлетворения любопытства, мы много объездили и много видели. Возвратный путь предприняли мы чрез Базель, Мюнхен и Вену, здесь пробыли две недели, чтоб дать некоторое отдохновение сыну Грише, который дорогою занемог, и для осмотра приятных окрестностей Вены, замечательнее всех из них la vallée de Ste. Hélène[236], куда мы ездили два раза.

Возвращение в Россию

Наконец после трехлетнего отсутствия возвратились мы чрез Киев в Москву и с радостию обняли дочь Катеньку, оставшуюся у матери жены моей, она была уже по четвертому году. Чрез несколько дней почел я нужным явиться к Государю и для того налегке поехал один в Петербург; пробыв там около десяти дней, возвратился в Москву и уже в начале осени со всем моим семейством переехал в Петербург на службу, то есть чтоб по званию генерал-адъютанта находиться при Государе. С этого времени в продолжении трех лет вел я жизнь самую праздную и единообразную: зимою в Петербурге, а летом в Царском Селе, где мы занимали комнаты в принадлежностях дворца. Эти три года ознаменовались для меня только рождением двух детей: дочери Ольги в апреле 1822-го и сына Бориса весною 1824-го[237].

Но такая недеятельная служба казалась мне неприличною и несогласною с предшествующею; я думал, что гожусь на что-нибудь другое, как на то только, чтоб каждый день выезжать верхом за Государем к разводу и составлять военный двор его. Видя себя в этом долговременном забвении, я наконец решился оставить службу и в конце ноября написал письмо Государю, в котором изъяснил, что, полагая себя бесполезным для военной и гражданской службы, я считаю обязанностию просить его об увольнении меня. Неожиданная эта просьба очень удивила Государя, он на другой же день приказал начальнику своего штаба генералу Дибичу[238] сказать мне, что позовет меня и лично со мною объяснится, а между тем поручил ему узнать от меня, какие причины побудили меня оставлять службу. Я ему откровенно объяснил мои негодования, но после того, видя Государя каждый день, не получал никакого ответа; наконец, спустя более двух недель, в день рождения императора, 12 декабря 1823-го, произведен был в генералы от инфантерии, что меня очень удивило, ибо я никак того не мог ожидать, состоя по списку довольно далеко. Пришедши в тот же день благодарить Государя, он мне

сказал: «**Ты хотел меня оставить, а я хотел тебя удержать**». И так я остался по прежнему, но с большею уверенностию на благосклонное расположение ко мне Государя. Лето провел я также в Царском Селе, но не так приятно, как предшествующие года, потому что у дочери моей Натальи открылась жестокая золотушная болезнь, что нас очень тревожило.

7 ноября случилось в Петербурге ужасное наводнение[239].

Назначение начальником 4-го корпуса

25 декабря назначен я был начальником 4-го пехотного корпуса, расположенного около Киева, куда я и отправился в генваре 1825-го чрез Москву. Жена моя по причине усилившейся болезни дочери принуждена была остаться на некоторое время в Москве, а я, пробыв там несколько дней, поехал один в Киев, где провел время довольно скучно и в большом беспокойствии насчет здоровья дочери моей до июня, то есть до приезда жены со всем семейством; я ездил к ней навстречу до Орла, но радость свидания отравлена была мучительным состоянием несчастной дочери.

Скоро по том приехала в Киев со всем своим семейством сестра моя Скарятина, потому что два сына ее вступили в службу, – я их определил в один из драгунских полков моего корпуса[240], и так мы в кругу родственном проводили время довольно приятно, пользуясь при том обществом киевских жителей и частых проезжающих; по воскресеньям у нас бывали балы. Но счастливая эта жизнь недолго продолжалась. Конец года ознаменовался несчастиями: общим для России и частным для нас – скажу о них в свое время. В конце лета корпус мой собрался на шесть недель в лагерь у города Глухова, где и я пробыл все это время; главнокомандующий фельдмаршал граф Сакен приехал для смотра и окончательных маневров. В то же время император, ехавший из Петербурга в Таганрог, куда императрица переехала на зиму для поправления расстроенного ее здоровья, приказал фельдмаршалу и мне явиться во время проезда его чрез город Новгород-Северский; Государь принял меня благосклонно и ласково –

мог ли я тогда предчувствовать, видя его в блестящем здоровье, что это свидание мое с ним было последнее!.. По возвращении моем в августе в Киев я продолжал жизнь покойную, которая могла быть и очень приятна, если б не была отравлена беспрестанным беспокойствием от усилившейся болезни бедной дочери моей. И так, между страхом и надеждою, протекло время до конца ноября.

Тут настало время несчастий и тревог.

Смерть императора Александра I

В конце ноября получили мы поразившее нас известие о неожиданной кончине императора после кратковременной болезни, о которой мы узнали вместе с его смертию[241]. Вслед за сим последовало повеление о присяге преемнику его Константину Павловичу, но всем известно было, что существовал подписанный им акт отречения его от престола, почему прошло несколько времени в переписках между Петербургом и Варшавой, где он находился, и от того некоторое смятение в умах[242].

Мятеж

В последних годах царствования императора Александра составилось несколько тайных обществ с целию ниспровергнуть образ государственного правления[243], к ним принадлежали по большей части одни молодые люди; они сочли настоящий случай удобным для произведения в действие своих пагубных намерений и, когда чрез несколько дней недоразумение о наследстве престола объяснилось новым торжественным отречением в. кн. Константина Павловича и совершалась присяга вступившему на престол императору Николаю Павловичу, то один из главных заговорщиков, Черниговского пехотного полка подполковник Муравьев[244], взбунтовал этот полк, собранный в городе Василькове в 30 верстах от Киева для присяги, и повел его на соединение с другими полками 3-го корпуса, которому и он принадлежал и где между офицерами находились также

заговорщики[245]. Узнавши об этом важном происшествии, я принял все нужные меры безопасности для Киева; начальник 3-го корпуса генерал-лейтенант Рот[246], уведомляя меня о постепенных действиях Муравьева с бунтующею его шайкою, состоящею из около 900 человек, приглашал меня для содействия ему в покорении ее, идти за нею вслед, но я на то не согласился, уверен будучи, что у него слишком достаточно сил для уничтожения этой малочисленной толпы, и зная при том, сколько присутствие мое нужно в самом Киеве[247], где весь гарнизон состоял только из двух батальонов моего корпуса и одного батальона третьего, на который я совершенно полагаться не мог; полки же мои расположены были в дальнем расстоянии, в Черниговской губернии, и самый ближний был в шестидесяти верстах, следственно, если б я при самом начале мятежа оставил город со слабою защитою, то вероятно, что злоумышленники, находящиеся в городе между военными, которые впоследствии сделались известными, воспользовались бы этим случаем, чтоб распространить бунт в Киеве. Я не ошибся в моем расчете, на третий день Муравьев принужден был положить оружие против посланной для покорения его гусарской бригады 3-го корпуса[248]; все последствия бунта тем были прекращены, и Киев остался спокоен.

Смерть дочери

Среди сих тревог постигла нас сердечная скорбь, хотя ожиданная, но не менее тяжкая, бедная наша Наташа скончалась после долгих мучительных страданий. Я похоронил ее в Михайловском монастыре.

***

В то же время получил я известие из Петербурга чрез курьера о бунте 14 декабря. В армии и в польских наших провинциях находилось несколько из участвующих в пагубных замыслах главных мятежников, потому правительство обратило особенное внимание на Киев, но в городе ничего важного не открылось[249]. В это время

произошла неприятная переписка между мною и главнокомандующим генералом графом Сакеном по случаю учрежденного им тайно от меня надзора в кругу расположения моего корпуса посредством присланного из его главной квартиры военного чиновника, чем я оскорбился и написал ему довольно колкое письмо[250]. Все эти смутные обстоятельства и печаль совершенно расстроили спокойное наше пребывание в Киеве. Чрез несколько дней, в генваре 1826 года, жена моя, будучи беременна, отправилась в Москву с меньшим сыном Борисом, прочие же дети поехали в тот же день с сестрою моею Скарятиной в Орловскую ее деревню, а я остался в Киеве, и в конце марта, получив отпуск[251], также поехал в Москву к родинам жены, но по приезде туда нашел ее уже благополучно родившую 19 марта, за несколько дней до приезда моего, сына Владимира[252].

Чрез несколько дней поехал я в Петербург явиться новому Государю; при первом представлении я объяснил ему мои действия в Киеве, ибо упорность моя оставаться с моим корпусом неподвижно представлена, кажется, была в виде неисполнения обязанности; Государь совершенно меня одобрил, также нашел справедливыми изъясненные мною неудовольствия мои на главнокомандующего, о которых выше сего сказано. Пробыв в Петербурге несколько дней, я возвратился в Москву, надеясь остаться там до коронования Государя, назначенного быть в непродолжительном времени, но торжество сие было отложено потом до осени по случаю кончины императрицы Елизаветы Алексеевны в городе Белеве на возвратном ее пути из Таганрога[253]. И так по истечении срока моего отпуска я должен был возвратиться в Киев.

Смерть сына

За несколько дней пред отъездом из Москвы мы лишились сына Бориса после продолжительной болезни. Жена поехала со мною до деревни сестры моей Скарятиной близ Орла, где и оставалась с детьми до возвращения моего из Киева для коронации, заехав за нею, мы опять вместе поехали в Москву.

Коронование императора Николая I

Древняя опустелая столица оживилась присутствием двора и явилась в принадлежащем ей блеске. Великолепные праздники, балы, обеды следовали один за другим у русских вельмож и у иностранных посланников, наконец, народное угощение, данное Государем на Девичьем поле, где устроены были столы и разные забавы, представило восхитительное зрелище.

Намерение оставить службу

При восшествии на престол и в день коронования многие, составляющие двор государев, особенно военные, осыпаны были наградами, чинами и орденами, и те из товарищей моих, которые в последнюю войну находились только при главной квартире и даже вовсе не были в армии, получили те самые отличия (кроме ордена Святого Георгия), которые я покупал кровью, служившие же наравне со мною – высшие награды, почти я один остался, как был!.. Таковое ко мне невнимание заставило меня думать, что настала для меня пора оставить службу, и я немедленно чрез письмо просил Государя об увольнении моем под предлогом, что желаю заняться воспитанием детей и устройством своих домашних дел. В тот же самый день был я призван Государем; он меня настоятельно и милостиво уговаривал не оставлять службу, предлагая мне все возможные средства заниматься собственными делами вместе с службою, отпускал в неопределенный отпуск: на что я отвечал, что не могу согласиться считаться только в службе, не исполняя всех обязанностей ее; для устройства хозяйственных дел моих предлагал нужные мне пособия, на что я отвечал решительно, что мне не деньги нужны, хотя состояние мое небольшое, но свободное время. Государь, улыбнувшись, сказал, что я спесив (он не привык был к подобным отказам…), но прибавил, что он надеется, что в случаях какой-либо надобности я с уверенностию прибегну к нему (чем, однако, я никогда не воспользовался). Я не знаю, не понял ли Государь из некоторых моих слов или не хотел понять настоящей причины

удаления моего, но ясно объяснить ее я не почел приличным. Наконец, изъявляя с лестными выражениями желание сохранить меня в службе, предложил мне вместо 4-го корпуса принять начальство над 2-м, которого корпусная квартира была в Смоленске, с тем, что я сам могу основать мое пребывание, где пожелаю: в Петербурге или в Москве, дабы чрез то не отдалять меня ни от моих дел, ни от средств воспитания детей. Таковое милостивое расположение Государя, противное принятому порядку службы, чему не было примеров ни прежде, ни после, поколебало мое намерение, и я почел это лучшею наградою, нежели пустые разноцветные украшения. Однако я не дал решительного согласия, а просил несколько дней для размышления. Но на другой день я пришел к Государю и сказал, что, будучи тронут милостивым ко мне расположением, я не хотел замедлить изъявить чувствительнейшую мою благодарность и готовность исполнить волю его.

Назначение начальником 2-го корпуса

И так я остался в службе, вступил в начальство над 2-м корпусом и основался жить в Москве. Осенью двор возвратился в Петербург. В конце года я объехал корпус в квартирном его расположении в губерниях Смоленской, Черниговской и Орловской, а потом всю зиму провел в Москве, наслаждаясь приятностями общественной жизни большого города и в кругу моих родных. Весною 1827 года весь корпус мой собрался у города Вязьмы для смотра государева и больших маневров, куда и я переехал недель на шесть[254]. Маневры происходили на самом поле сражения нашей армии с французами в 1812 году, после отступления их из Москвы[255]. Государь остался чрезвычайно довольным корпусом, все подчиненные мои по представлениям моим были награждены, и я получил бриллиантовые знаки ордена Святого Александра.

По распущении войск я поехал в Литвиново, куда семейство мое уже переехало прежде из Москвы, и остался там постоянно до осени; это было первое лето после более двадцати лет, которое я провел в том месте, где все напоминало мне мое ребячество и первую молодость. Я вполне наслаждался этою приятною и беззаботною деревенскою жизнию, для меня почти новою; и хотя иногда рождались горестные воспоминания о тех милых моему сердцу, с которыми я прежде живал тут и которых уже не было на свете, но за всем тем я совершенно был счастлив настоящим моим положением. В сентябре поехал я с женою в саратовское ее имение и чрез месяц возвратились в Москву, а в генваре 1828-го поехали на короткое время в Петербург, где узнал я о разрыве с Турциею и что корпусу моему назначено следовать к действующей армии летом, для составления резерва[256]. Возвратясь в Москву, я провел там всю зиму, а весною переехал в Литвиново в ожидании повеления о походе, которое получил в июле; мне назначено было идти в Киев и там ожидать дальнейшего повеления, но вслед за сим получил я приказание безостановочно следовать до крепости Силистрии и сменить блокирующий ее 3-й корпус.

Турецкий поход

Из Литвинова я отправился в Киев, пробыл там, пока проходили один за другим пехотные полки всего корпуса (гусарская дивизия шла другим направлением), потом поехал в Могилев (на Днестре), где также пропустил весь корпус, и, наконец, прибыл в город Яссы; тут получил я своеручное письмо от Государя с некоторыми распоряжениями, из которого я увидел, что обстоятельства требовали скорейшего моего прибытия к армии; я переменил предписанный мне из главной квартиры порядок следования войск и маршрут, чрез что сократил мой поход двумя неделями, донеся о сем Государю, я получил за то одобрение в лестнейших выражениях.

Осада Силистрии

Корпус переправился чрез Дунай у местечка Калароша против самой Силистрии; генерал Рот с 3-м корпусом не имел повеления по приходе моем оставить место; я, соединив мои войска с его, вступил по старшинству в главное начальство и тотчас принял меры для теснейшего обложения крепости и начатия осады, хотя не было всех нужных для того средств, ибо осадная артиллерия и ее снаряды еще не прибыли; орудия пришли чрез несколько дней, но без полного числа снарядов. Инженерные работы и устройство новых батарей для бомбардирования производились деятельно, но чрез десять дней после моего прибытия к Силистрии я жестоко заболел горячкою.

Жестокая болезнь

В тот самый день генерал Рот получил приказание отделиться от меня и идти к Шумле; продовольствие войск так дурно было устроено, что я принужден был уделить из моих запасных сухарей для пищи 3-го корпуса во время пути. Болезнь моя усилилась до крайней степени, я лежал в сырой землянке в лагере, откуда чрез несколько дней перевезли меня в Каларош. Переезд этот в моем положении был очень затруднителен; в обыкновенное время силы мои не позволили бы мне встать с постели, а тут должен я был сделать трудный переезд в карете по горам до берега Дуная, а потом пешком, поддерживаемый людьми, спуститься с крутого берега до лодки и объехать на ней остров, лежащий перед Каларошем; проезжая мимо крепости, по нас стреляли из оной, но без вреда. Я во все время был почти без памяти, но в этом состоянии должен был при выходе из лодки сесть на маленькие дрожки, чтоб доехать до приготовленной мне квартиры, другого экипажа тут не было. Болезнь моя усилилась, и я около месяца находился между жизнию и смертию. Между тем, осада продолжалась, но с большими недостатками в средствах, наконец, после покорения крепости Варны, в конце осени прибыли к Силистрии главнокомандующий армиею фельдмаршал граф Витгенштейн и с ним начальник главного штаба государева

граф Дибич; они оба тотчас пришли ко мне; опасность болезни моей уже миновалась, но все еще лежал в постели; они сказали мне, что приехали для того, чтоб ускорить действие осады и непременно взять крепость[257]; я объяснил им известные мне к тому препятствия, происходящие от разных недостатков материальных средств; однако я их не убедил, и они на другой день до света отправились перед крепость, начали ужасное бомбардирование, которое не произвело никакого успеха, и, расстреляв последние снаряды, возвратились в Каларош. Граф Витгенштейн вечером пришел опять ко мне и откровенно сознался, что я был во всем прав. Граф Дибич не пришел, вероятно, стыдясь своей вчерашней неосновательной уверительности и, может быть, душевно обвиняя самого себя в недоставлении своевременно нужных средств для покорения Силистрии, ибо все распоряжения этой войны проистекали от него[258].

Граф Витгенштейн объявил мне за тайну, что он намерен велеть войскам отступить от крепости по причине приближающейся зимы, которая неожиданно и преждевременно наступила дни чрез два, так что главнокомандующий принужден был приказать поспешно снять осаду и переправляться чрез Дунай. Войска, особенно прибывшие из-под Шумлы за несколько дней для подкрепления осаждающего корпуса, которые не имели зимней одежды, чрезмерно потерпели от жестокой стужи, и переправа чрез Дунай исполнилась с большими затруднениями. Наконец, по милости Божией, я избавился от болезни, но находился еще в большой слабости, испросив у главнокомандующего позволения отъехать от армии в Москву для восстановления здоровья, требующего после таковой болезни долговременного спокойствия, я спешил воспользоваться им, но не прежде, как чрез неделю силы мои позволили с трудом пуститься в такой дальний путь; нетерпение успокоить семейство мое и вырваться из Калароша возрастало с каждым часом; трудно себе представить положение, сопряженное со всеми лишениями, в котором я находился в этом пустом краю: дом или хижина моя, лучшая во всем местечке, состояла из двух комнат: та, в которой я лежал, не имела более пяти квадратных аршин пространства, две стены все в окошках, а другая

с дверьми в сени, так что с трудом можно было поместить кровать, защитясь от ветра коврами; с большим трудом можно было достать посредственного белого хлеба; за нужными лекарствами, которых не было в полковых аптеках, посылали за двести верст в Бухарест, ко всему этому в местечке, которого хижины, оставленные жителями, завалены были военными больными, появилась чума! Можно теперь вообразить, в каком положении находились бедные нижние чины и даже офицеры по недостатку военных гошпиталей для помещения ежедневно возрастающего числа больных, и потому смертность была чрезмерна. Эта несчастная война, особливо первая кампания (1828 года) стоила России целой армии, ибо потеря превышала 200 тысяч человек, погибших более от болезней и чумы, нежели от неприятеля.

Возвращение в Москву

Наконец, возблагодарив Бога за неожиданное исцеление, я отправился в дорогу в сопровождении одного полкового лекаря до Ясс и моего адъютанта Панина[259] до Москвы. Жена моя очень беспокоилась, не получая так долго моих писем, но настоящей причины моего молчания не знала, от нее умели скрыть истину, за несколько дней только до моего приезда узнала она чрез письмо мое, отправленное с адъютантом, о моей болезни и возвращении в Москву; нельзя описать все то, что я почувствовал при первых объятиях ее и детей моих, я будто бы воскрес! Забыл все мои минувшие страдания, они заменились негою и всеми успокоениями. Силы мои постепенно возрастали, и чрез несколько времени я совершенно оправился.

Между тем в армии произошла перемена, вместо графа Витгенштейна главное начальство над нею получил граф Дибич, а как я был старее его в чине, то не мог оставаться под его начальством, и корпус мой отдан был графу Палену[260], а я спокойно остался в Москве к полному моему удовольствию, и так провел всю зиму.

Клевета

Весною дошли до меня слухи, что в Петербурге обвиняли меня в медлительном действии под Силистрией, что и было будто бы единственною причиною непокорения ее, и от того не получен полный успех в кампании 1828 года. Такая наглая клевета меня встревожила, я решился тотчас ехать в Петербург, чтоб доказать там всю ложь ее. Явясь к Государю, я сказал, что приехал для того, чтоб очистить себя пред ним от несправедливых обвинений и просил позволения тут же прочесть ему приготовленную мною записку, в которой я неоспоримо и ясно доказал, что неудача осады Силистрии произошла не от меня, но от несвоевременных и дурных распоряжений главного военного начальства, я поставил на вид позднее выступление моего корпуса и то, что я с ним пришел гораздо ранее назначенного мне времени, следственно, доказал тем поспешность, а не медленность, и если была потеря времени, то оную должно приписать не мне, а 3-му корпусу, который все лето содержал крепость в блокаде, и что я сам имел повеление только сменить его и продолжить блокаду, об осаде же получил повеление чрез несколько дней по прибытии моем к Силистрии, но что я уже прежде того сам собою начал делать все нужные к тому приготовления, не найдя никаких нужных средств ни в артиллерии, ни в снарядах, из чего ясно доказывалось, что главное начальство не располагало с начала войны осаждать формально эту крепость, ибо не приняло для того никаких мер; что осадная артиллерия пришла очень поздно, а снаряды ее находились еще в Одессе, тогда как главнокомандующий полагал их уже при крепости, и что большая часть их вовсе не дошла. В заключение записки я поместил: что настоящие виновники всех упущений, видя меня умирающего, вероятно, сочли удобным собственные ошибки взвалить на меня; это заключение мое заставило Государя улыбнуться и сказать, что, зная довольно людей, он считает это вероятным. Я заметил, что записка моя произвела у Государя то действие, которое я желал, он внимательно ее выслушал и, кажется, убедился, что во многом был обманут. Он ее взял и потом отдал ее военному

министру для сведения. И так я был совершенно оправдан, а клеветники обнаружены.

Не могу воздержаться, чтоб не поместить здесь мысли мои насчет кампании 1828 года, я не позволяю себе судить, был ли необходим разрыв наш с Турциею? Но знаю, что были в совещаниях о том многие противные мнения, и что граф Дибич был главным в малом числе тех, которые настоятельно требовали войны. По званию начальника штаба государева, управляющего военным департаментом, все распоряжения и приготовления зависели от него, но, не служа никогда в войнах против турок, он не мог знать из собственного опыта все многосложные местные обстоятельства, требующие совершенно особенных соображений; и потому ему надлежало бы воспользоваться опытностию лучших генералов, хорошо знающих тот край и образ предпринимаемой войны, но неограниченное самолюбие и самонадеянность, которые в сем случае и потом в другое время (в польской войне) так дорого стоили России, к тому его не допустили. Добрый, но слабый граф Витгенштейн не имел никакого влияния на все приготовления, ни даже на самые военные действия, начальник его штаба, содействующий графу Дибичу, человек весьма умный, не имел достаточно опытности в делах военных[261]. От того все расчеты вышли ошибочны; слишком легкомысленно судили о неприятеле, думали, что сопротивление будет слабо и что в одно лето можно будет дойти до Константинополя, по сему расчету составили армию в недостаточном числе, потом чрез несколько месяцев потребовали мой корпус, но это было уже поздно. Крепость Шумла остановила на целое лето армию нашу, ослабленную многочисленными отрядами, и пред нею напрасно истощались все военные и съестные запасы, в которых потом войска терпели большую нужду. Одним словом, от худых начал не могло быть полезных последствий, и если б при конце этой кампании не была взята с большими усилиями крепость Варна[262], то должно было бы почесть ее совершенно потерянною.

Исполнив цель поездки моей в Петербург, я чрез несколько дней возвратился в Москву, чтоб покойною жизнию укрепить мое здоровье,

потрясенное жестокою болезнию, от которой вскоре явились последствия сильными спазмами. Лето провел я опять в Литвинове, а по возвращении в Москву в начале зимы поехал с женою на короткое время в Петербург для свидания ее с матерью. Будучи свободен от деятельной службы, я занялся прилежнее хозяйственными делами, и в это время (генварь 1830-го) удалось мне выгодною покупкою приобресть значительное имение в Екатеринославской губернии, куда и поехали мы со всем семейством в июне. Устроив там новое хозяйство и прожив более двух месяцев, возвратились в Литвиново в половине августа с надеждою провесть там по обыкновению остальное время до возвращения в город.

Холера

Но появление в Москве нового для России и Европы бедствия, холеры, заставило нас поспешно удалиться от нее и ехать в Петербург. В городе Вышнем Волочке нашли мы учрежденный уже карантин, в котором принуждены были остаться две недели. Между тем вторая турецкая кампания и с нею война кончилась блистательно для России, ошибки первой кампании послужили уроком, а усиленные способы и новые пожертвования дали средства графу Дибичу к победе и к приобретению славы; он и граф Паскевич, действующий в Анатолии, получили звание фельдмаршалов и титулы, первый – Забалканский, а второй – Эриванский[263]. Мир с Турциею и возвращение гвардии (участвовавшей в сей войне) в Петербург обещали столице блистательную зиму, но неожиданное происшествие, варшавское возмущение, опять поколебало общее спокойствие.

Польское возмущение[264]

По получении о том известия в ноябре тотчас начались приготовления к новой войне и гвардия, только что возвратившаяся из турецкой войны, должна была снова готовиться к походу, то есть две трети от каждого полка.

Поход с гвардиею

На другой день сего известия я позван был к великому князю Михайле Павловичу[265], он имел поручение от Государя спросить меня, согласен ли я буду принять начальство над гвардиею, назначенной в поход; он сказал мне, что сам остается при остальных частях своего корпуса в Петербурге, а, может быть, позднее прибудет к действующим. Я отвечал, что чувствую всю цену доверенности Государя, с благодарностию готов исполнить его волю. На другой день император, призвав меня к себе, изъяснил в самых лестных для меня выражениях все причины, побудившие его избрать меня начальником гвардии, и прибавил, что, вероятно, по многим обстоятельствам великий князь не будет находиться при действующих войсках, разве на короткое время, и потому я буду полный начальник. Скоро началось выступление войск из Петербурга, а я сам выехал в начале генваря 1831 года в Ригу и пробыл там все время прохождения части гвардии чрез этот город, потом переехал в Вильну, где также пропустил полки. Здесь заметно уже было некоторое волнение в умах. Однажды мы были встревожены ложными слухами о возмущении, имеющим быть в ту ночь, но все оставалось в покое.

Великий князь Михайло Павлович прибыл в Ковно. Я поехал туда и пробыл два дни. В это время проходили за границу некоторые полки гвардии, которые мы осмотрели. Потом, вслед за мною, он приехал в Вильну, намерение его было пробыть несколько времени с нами и к Святой неделе возвратиться в Петербург, но непредвидимые обстоятельства это изменили: гвардия долженствовала составлять резерв армии и расположиться на квартирах около города Ломзы, должно было надеяться, что до нее не дойдет дело, но вышло совсем противное: главнокомандующий фельдмаршал граф Дибич, упоенный последними своими успехами, с прежнею легкомысленностию и самонадеянностию отправился к армии, говоря, что боится только того, что поляки разбегутся, не дождясь его, но, напротив того, они твердо встретили его у Грохова близ Варшавы и сразились отчаянно, но после кровопролитной битвы должны были уступить

превосходству сил, особенно многочисленной нашей артиллерии[266]; они отступили к самой Варшаве, тут следовало вслед за ними ворваться в город (мы узнали по взятии Варшавы, что в городе произошел такой страх и смятение, что уже выехала было на мост чрез Вислу депутация с белым знаменем для изъявления покорности). Но тут граф Дибич явил нерешимость, столь пагубную ее последствиями, он остановил назначенную уже к приступу гренадерскую дивизию и отступил от Вислы. – Поляки из страха перешли в восторг.

Пламя мятежа усилилось и распространилось по всей Польше, армия их умножилась повсеместными восстаниями, отряды войск ворвались в наши польские провинции и там произвели возмущение. Одним словом, от недостатка твердости у графа Дибича вспыхнула война ужасная – междоусобная[267]. О Гроховском сражении узнал я еще в Риге, все надеялись, что после того фельдмаршал предпримет какие-либо решительные меры, но он оставался почти в совершенном бездействии, переходя напрасно с одного места на другое, маневрируя безуспешно и везде с потерею. Переехавши с великим князем вслед за войсками из Вильны в Гродно, получили мы известие, что польский отряд генерала Уминского[268] наступает к городу Остроленке, состоящему в двух переходах от Ломзы, пред которым находился небольшой отряд от нашей армии, долженствующий служить авангардом гвардии. Мы поспешили ехать в Ломзу, где назначена была корпусная наша квартира, в проезд чрез Белосток я обедал у великого князя Константина Павловича, основавшего там свое пребывание после Гроховского дела. По приезде в Ломзу получено было донесение, что отряд наш перед Остроленкою был сильно атакован и принужден был отступить за реку Буг, в самый город; тотчас послано было ему подкрепление от гвардии, таким образом, вместо резерва очутились мы перед неприятелем, тогда как еще некоторые полки не дошли до своих мест (им тотчас послано было повеление ускорить марш). Сии обстоятельства не позволили великому князю возвратиться в Петербург.

Гвардейский корпус не имел никакого соединения с армиею, и даже сообщения с нею были затруднительны, потому должен был действовать совершенно отдельно. Вся ответственность лежала на мне, великий князь без совета моего ни на что не решался и несколько раз говорил, что, не имея достаточной военной опытности, он во всем полагается на меня. Мы оставались довольно долго в Ломзе, охраняя тот край и переправы чрез Буг; в мае приказано было гвардейскому корпусу приблизиться к армии. Мы дошли до местечка Нура на реке Буг и начали строить мосты для переправы, но получили от главнокомандующего повеление по поводу движения неприятеля возвратиться к Ломзе; тут появилась в полках холера, и мы потеряли довольно людей. Чрез несколько дней фельдмаршал уведомил, что по дошедшим до него известиям, корпус наш, вероятно, будет атакован и предписал в случае, если неприятель будет в превосходных силах, не принимать боя, а отвлекать его далее потому, что он сам пойдет за неприятелем вслед, чтоб поставить его между двух огней. Мы приняли тотчас нужные меры, сосредоточив весь корпус в местечке Снядова. Вскоре передовые наши отряды у реки Буг уведомили о появлении неприятеля, войска наши устроены были в боевой порядок, авангард уже вступил в дело, но, узнавши достоверно, что перед нами вся польская армия под предводительством главного ее начальника Скрженецкого[269], в числе гораздо превосходном нашего корпуса, мы, согласно с предписанием главнокомандующего, начали отступление; арьергард наш, удерживая стремление неприятеля, несколько раз сражался.

Дело при Жолтках[270]

Мы перешли реку Нарев в местечке Жолтках и Тикочине и остановились за рекою. Поляки покушались перейти чрез Нарев, но были с потерею отбиты. Они простояли весь другой день перед нами, я радовался, что чрез то давали они время графу Дибичу прийти к ним в тыл. – К вечеру заметили мы, что неприятель поспешно начинал

отступать, из чего должно было заключить о приближении нашей армии; мы в ту же ночь пошли за ним по пятам[271].

Сражение при Остроленке[272]

Наконец граф Дибич встретился с поляками у города Остроленка, но не успел отразить их от сего города и от переправы чрез Буг (он потерял целый день от ошибочного направления, взятого им при переходе чрез Буг); без сей ошибки польская армия была бы тут совершенно уничтожена, она понимала свое положение и потому отчаянно дралась в городе Остроленке и на мосту, чтоб дать время своим войскам отступить. Сражение было жаркое и продолжалось целый день; от гвардейского корпуса участвовала в нем только одна легкая кавалерийская дивизия, бывшая в авангарде. На другой день поляки начали поспешное отступление к Варшаве в страхе преследования, оставляя по дороге тягости и даже часть артиллерии, которая по большому расстройству не могла следовать (о чем мы узнали со всеми подробностями после, проходя чрез эти места). Если б граф Дибич умел воспользоваться сим успехом и впечатлением, которое оно произвело над поляками, и пошел бы за ними вслед или хотя бы послал сильный легкий отряд, то, конечно, мало их возвратилось бы в Варшаву и дела приняли бы совсем другой оборот, но он так же, как и после Гроховского сражения, остановился в бездействии, под предлогом, что истощил свои съестные запасы, но гвардия имела их в полном количестве и могла бы отделить тем войскам, которые бы пошли преследовать неприятеля. Между тем поляки, добежав до Варшавы, опомнились от страха, снова ободрились и начали исправлять свои потери.

В Остроленке граф Дибич говорил со мною наедине о разных случаях этой войны, я мог заметить в нем большой упадок духа. Простояв тут дни два, вся армия и гвардия пошли вперед, главная квартира дошла до города Пултуска, а гвардия до местечка Макова, где расположилась лагерем и простояла в нем около шести недель в совершенном бездействии. Гвардейский корпус, соединясь

с армиею, состоял уже под общим распоряжением главнокомандующего во всех подробностях службы, вследствие чего отношения мои с великим князем несколько изменились – необходимая надобность во мне кончилась – и я чувствовал, что сделался при корпусе почти бесполезным.

В это время граф Дибич умер почти скоропостижно от холеры[273]. Начальник главного штаба граф Толь[274] временно заступил его место, но скоро прибыл новый главнокомандующий, счастливый фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский. Чрез несколько дней потом узнали мы о смерти великого князя Константина Павловича, похищенного также холерою в Витебске, куда он переехал из Белостока во время отступления гвардии за Нарев. В Москве получил я орден Святого Владимира 1 степени за последние дела.

С прибытием графа Паскевича армия пробудилась от долговременного сна, все оживились надеждою, что военные действия пойдут успешнее. Еще при графе Дибиче началось прусским правительством приготовление моста чрез Вислу у самой границы прусской; как скоро он был готов, вся армия туда пошла. От проливных дождей поход этот был довольно затруднителен по низким и болотистым местам, но особенно достойно удивления то, что поляки не тревожили нас в этом дальнем переходе, а ограничились только посылкою вслед за нами малого отряда, который нас нимало не беспокоил даже в таких местах, где легко мог бы затруднить наше следование.

Таким образом дошли мы до прусской границы, где устроен был мост, и беспрепятственно начали переправляться[275]. Переход целой армии чрез широкую Вислу представлял великолепнейшую картину, ясный день, блеск оружия, гром музыки и барабанов придавали ей вид торжественный. Перейдя реку, мы пошли прямо к Варшаве, но как на этом дальнем пространстве находятся многие позиции, удобные к защите, то мы полагали, что, конечно, поляки не позволят их пройти без упорного сражения, однако, сверх ожидания, нигде не встретили мы сопротивления, только близ местечка Неборова неприятель занял крепкую позицию, казалось, намеревался принять

сражение, но и тут, простоя несколько дней, в которые и мы ничего не предпринимали, он отступил к Варшаве, где в это время от нашего приближения происходили разные смуты и перемены в правлении гражданском и военном[276]. Генерал Скрженецкий отрешен был от начальства армиею; его упрекали в том, что допустил нас беспрепятственно дойти до Варшавы (обвинение, кажется, справедливое)[277].

Взятие Варшавы

Наконец, по прибытии к армии подкрепления, она 24 августа подошла к Варшаве, 25-го с рассветом начался приступ к окружающим ее укрепленным редутам, которые все были взяты после кровопролитного боя. На другой день рано назначена была атака города, но вечером начались переговоры, и 26-го поутру приехал на передовые посты сам польский главнокомандующий генерал Крюковецкий[278]; после жаркого спора, не согласясь на безусловную покорность, он возвратился в город, и мы начали приготовляться к приступу. Порядок, с которым он исполнился, быстрота движений, особенно артиллерии, и вообще блистательная храбрость войск заслуживают удивления, одним словом, взятие Варшавы может почесться одним из знаменитейших подвигов русских войск[279]. Сражение прекратилось ночью, оно представило картину ужасную и вместе с тем великолепную; пожар предместий освещал и здания города, и окружающую его многочисленную армию.

Поляки наконец сдали город, но войска их выступили в крепость Модлин. 27 августа мы торжественно вступили в Варшаву. Гвардия заняла город, а прочие корпуса расположились в окрестностях. Во время приступа главная часть гвардии находилась в резерве, но на пушечном расстоянии следовала за передовыми войсками, легкая только ее конница была в деле, и два полка много пострадали. И так война кончилась, оставались только непокоренными войска в крепости Модлине, но и те чрез несколько дней выступили из сей крепости к прусской границе, за ними последовала почти вся наша армия и гвардия (напрасно было употреблять тут много войска,

особенно гвардию). Остатки сии польской армии, дошедши до границы, положили оружие и, не хотя сдаться нам, удалились в Пруссию, так же, как и другие их корпуса во время сей кампании спаслись в Австрию по предварительному обезоружению[280].

Мы возвратились в Варшаву, уже не оставалось во всем Польском царстве вооруженного неприятеля. Пребывание мое при гвардейском корпусе сделалось уже бесполезным, а для меня неприятным, почему я настоятельно просил о возвращении моем в Петербург, на что Государь изъявил свое согласие, и я поспешил оставить Варшаву, где время провел я очень скучно. Проезжая чрез город Слоним, встретил я фельдъегеря, отправленного ко мне с рескриптом от Государя, следующего содержания:

Рескрипт императора

«Князь Алексей Григорьевич.

Желая дать Вам новое доказательство отличной моей к Вам признательности за достохвальное служение Ваше в продолжение ныне благополучно оконченной войны против польских мятежников и вообще за долговременную и полезную службу Вашу Престолу и Отечеству, я назначаю Вас приказом, сего числа отданным, шефом Костромского пехотного полка, коим Вы начальствовали уже в сем звании в 1805 году.

В прочем пребываю навсегда Вам благосклонным
Николай.

С.-Петербург
6 октября 1831 года».

За взятие Варшавы я получил уже шпагу, украшенную бриллиантами, с надписью «**За храбрость**». Замечательно то, что я получил известие о новом назначении меня шефом Костромского полка в том самом городе, где за двадцать шесть лет пред тем я начал формирование его. Приехавши в Петербург, я не застал там Государя, он с императрицей находился в Москве; я тотчас написал ему

благодарное письмо за назначение меня шефом полка, на которое со следующею почтою получил в ответ, что Государю приятно будет видеть меня в Москве, если собственные мои обстоятельства тому не препятствуют, вслед чего я с женою поехал в Москву. Император принял меня отлично милостиво в самый вечер моего приезда и подробно расспрашивал о минувшей кампании. Пробыв в Москве около месяца, мы вслед за Государем возвратились в Петербург. Скоро после того я занемог желчною болезнию, от которой страдал почти всю зиму, проведя ее довольно неприятно, и сверх того, видя бесполезность пребывания моего в Петербурге, я решился переехать весною в Москву, что и исполнил.

Болезнь

Болезнь моя усиливалась, и мне советовали ехать к водам, но я хотел еще испытать лечение летом в Литвинове, мы взяли в дом хорошего доктора, но наконец сильнейшие припадки болезни заставили меня решиться ехать в Карлсбад.

Назначение председателем аудиториата

Между тем, скоро по приезде в Литвиново получил я отношение военного министра, в котором по повелению Государя спрашивал меня, согласен ли я буду принять звание председателя во вновь учреждаемом генерал-аудиториате[281]; приглашение сие сделано было с самыми лестными изъявлениями доверенности Государя, и притом позволялось мне не прежде вступить в должность, как по излечении моей болезни, известной Государю. Я отвечал, что всегда готов исполнить его волю, но болезнь моя тому препятствует, что мне необходимо нужно ехать к водам и просил при том позволения отправиться за границу, полагая отсутствие мое не менее полутора года; я думал, что все эти причины заставят избрать другого вместо меня, но чрез несколько дней получил указ о моем назначении и позволение ехать за границу, место мое во время моего отсутствия заступил старший член.

Поездка в Карлсбад

В июле отправились мы в Карлсбад чрез Киев с женою и дочерьми, сыновья остались в Москве; намерение наше было после курса вод провесть зиму в Вене с тем, чтоб на другой год еще взять весенний курс в Карлсбаде, но свирепствовавшая холера в Вене помешала нам это исполнить и, как здоровье мое после одного курса совершенно поправилось, то я решился возвратиться в Петербург. Мы поехали чрез Берлин и Дрезден, прожив в этих городах недели по две, приехали в Петербург в конце октября, и я тотчас вступил в новую мою должность. Таким образом изменился весь мой прежний план, на место свободной жизни в Москве я опять очутился при дворе и на службе.

Обязанности мои были не обременительны, но тягостны по чувствам, я не мог хладнокровно, по четыре и по пяти часов сряду, в каждом заседании заниматься одними только преступлениями и определять наказания не по совести, согласно с обстоятельствами, но по всей строгости и жестокости не очищенных еще наших уголовных законов. Военный уголовный устав, не получивший никаких очищений со времени Петра Первого и, следовательно, сохранивший смертную казнь за малейшие преступления, служит основанием всем приговорам военных судов, которые потом смягчаются, проходя по инстанциям, мнениями военных начальников и окончательно рассматриваются в генерал-аудиториате[282], из сего следует, что нет ничего положительного в мере наказания. Я имел счастие исходатайствовать генерал-аудиториату право: в мнении своем, представляемом на высочайшее утверждение, определять меру легчайшего наказания взамен назначенного законом. А чрез несколько времени по том подал я Государю записку, в которой изложил всю жестокость наказания шпицрутенами в том неумеренном числе, в котором оно производится, и представлял, чтоб ограничено оно было половинным числом; представление мое получило высочайшее утверждение и послужило законом к пользе человечества. Я почел себя весьма счастливым, что успел тем и в других частных случаях

облегчить участь подсудимых, уверение в том заставляло меня терпеливее исполнять неприятную мою должность, которая, кроме того, облегчалась позволением отъезжать летом в Литвиново, чем я каждый год пользовался. Так продолжал я службу мою три года. Давно позволительно мне было думать, что мог быть полезным в делах государственных более важных, видя занимавшихся ими людей, не имеющих на то более меня прав. Наконец потерял я терпение от скопившихся неудовольствий в продолжение уже нескольких лет по несправедливому предпочтению к разным отличиям людей, с которыми я мог считаться в заслугах. 6 декабря, в день именин императора, некоторые новые милости были для самолюбия моего новым оскорблением и, хотя в тот день дочь моя пожалована была во фрейлины, но я не мог почесть сие заменою того, на что я полагал иметь некоторые права.

Оставление службы

На другой день просил я у Государя позволения оставить службу чрез военного министра, я не хотел лично о том просить его, чтоб не поставить себя в затруднительное положение, ибо намерение мое было твердо принято. Последовали объяснения с министром, в которых я объявил все причины, побудившие меня оставить службу (переписка по сему приложена в конце), и 13 декабря 1835 года получил я отставку, прослужив с офицерского чина 43 года, в генеральских – 35 лет, а в чине генерала от инфантерии 12. Был в шести войнах, в 33 сражениях, ранен два раза. По отставке моей образ жизни моей ни в чем не изменился, зиму проводили мы по-прежнему в Петербурге для детей, а лето в Литвинове.

Конец прошедшему, а о будущем знает Бог!

19 марта 1837 года[283].

———————

1837 года 17 декабря в 8 часов вечера случился пожар в Зимнем дворце, никакие усилия не могли спасти его[284], сберегли только

Эрмитаж; пожар продолжался с ужасным свирепством более суток, но успели вынести все драгоценности и некоторую мебель.

1838 года старший сын мой, окончив курс в университете, вышел первым кандидатом и по просьбе моей принят в Собственную канцелярию государеву по законодательному отделению[285] за примерное поведение и особенное прилежание к наукам (так сказано в повелении), что меня очень обрадовало, но чрез несколько месяцев, по влечению к военной службе, перешел в оную и определился в Киевский гусарский полк юнкером.

Вступление вновь в службу

Судьба не хотела оставить меня в том душевном спокойствии, которым я наслаждался в отставке; несколько раз предлагаемо мне было побочно вступить вновь в службу, однажды с тем, чтоб заступить место московского военного генерал-губернатора, отпущенного на дальний срок в отпуск, и потом чтоб поместить меня в Государственный Совет[286], но, будучи доволен моим положением, я отклонял таковые предложения, но странный и непредвидимый случай решил, наконец, переворот в моей жизни.

1839 год

21 апреля 1839 года, в день именин императрицы, во время поздравления во дворце, куда поехала жена моя с дочерью, чтоб при том случае и откланяться, отъезжая, по обыкновению нашему, на лето в Москву, я сам, не ездивши никогда в таковые празднества ко двору, пошел гулять на Неву; проходя мимо дворца во время развода, около которого собралось множество зрителей, и полагая, что Государь еще не прибыл к параду, я остановился говорить с некоторыми из знакомых мне генералов, но Государь уже был тут и, заметя меня, прислал военного губернатора сказать мне, что «**он всегда с большим удовольствием увидит** *такового генерала, каков я*[287]**, у развода, но в мундире, а не во фраке**». Я, досадуя на себя за мою неосторожность,

удалился, прося военного губернатора объяснить оную Государю. Возвратясь домой, я написал письмо графу Бенкендорфу[288] с объяснениями и получил ответ от Государя в тех же выражениях, как чрез военного губернатора. 23-го, то есть чрез два дни, на бале во дворце, Государь, увидя меня, с ласковым видом подозвал к себе; я повторил извинения за неосторожность мою, он смеялся и, наконец, сказал, что он думал, что я пришел к разводу сказать, что опять намерен надеть эполеты, прибавя, что мне не прилично быть без них и как скоро только я вздумаю опять вступить в службу, он с удовольствием увидит мое возвращение; он повторил мне это несколько раз, я только кланялся и ничего тут не отвечал, – но, обдумавши все обстоятельства, на другой день поутру написал следующую записку графу Бенкендорфу:

> «Hier au bal, cher ami, Sa Majesté l'Empereur m'a parlé avec une bonté qui a remuée tous mes sentiments de vrai Russe et de gentilhomme, je suis tout prêt avec ou sans épaulettes a lui sacrifier s'il <1 сл. нрзб.> encore les croire utiles les derniers jours de ma vie. Tout ce qu'il daignera décider, je le regarderai comme venant de mon propre cœur. Vous savez mieux que personne que je dois partir dès demain pour sauver une fortune que vous-même m'avez aidé a tenir en suspens[289]. J'ai déja un pied dans la calèche et j'attends votre réponse avec impatience.
>
> Recevez l'assurance de ma sincère amitié
> ce 24 avril»[290].

Записка сия тотчас была представлена, и Государь в ту же минуту надписал на ней карандашом следующее решение, приказав отослать ко мне вместо ответа: «**Отставной генерал от инфантерии князь Щербатов определяется вновь на службу шефом прежнего своего полка**». Замечательно, что случайно в тот же самый день и сын мой произведен в офицеры по праву кандидата университета. На другой день я представился Государю и был принят с отличною милостию и ласкою, долго говорил он об удовольствии своем видеть меня опять в эполетах и уверял о всегдашнем ко мне благорасположении и что я впредь

останусь им довольным. Я откровенно сказал, что считаю за счастие быть ему угодным, с удовольствием жертвую душевным и телесным спокойствием. – Таким образом, я опять вступил в службу, но так как я пред сим намерен был ехать на лето в Литвиново, то Государь, оставя меня совершенно свободным, изъявил только желание видеть меня на предстоящем празднестве 26 августа на Бородинском поле при открытии там монумента в память сражения в 1812 году. – Я отправился на другой день в Москву.

В июне доставлена мне по приказанию Государя медаль, выбитая по случаю открытия Триумфальных ворот в С.-Петербурге в память войн Турецкой – Персидской и смирения Польши в годах 1828 – 1829 – 1830 и 1831.

Назначение членом Государственного Совета. Открытие монумента у Бородина

1 июля назначен я членом Государственного Совета.

16 августа поехал я из Литвинова в Бородино, куда уже прибыл Государь, тотчас начались смотры войск, собранных в числе более 120 тысяч; стечение военных, как служащих, так и отставных, служивших в 1812 году, было большое, несколько чужестранных принцев и военных умножило это великолепное собрание. 26 августа (день Бородинской битвы) происходила величественная военная и церковная церемония вокруг монумента, воздвигнутого в сем году в память сражения. – Так как мой полк (Костромской егерский) находился тут, то и я проехал перед ним в церемониальном марше. Государь изъявил мне за то свое удовольствие. В следующие дни были маневры, представляющие сражение 1812 года. Одним словом, во всех отношениях блеск и красота зрелища были удивительны, но жаль только, что это сопряжено было с непомерными издержками для казны и обременением всех стран, чрез которые войска стекались. В 1812 году на поле Бородинском пролилась кровь за спасение Отечества, а в 1839 – на том поле рассыпались миллионы для

забавы. По окончании маневров сын мой, бывший тут же с полком, был прикомандирован к кавалергардскому полку[291], что для меня тем более было приятно, что не было еще четырех месяцев, как он произведен был в офицеры, а по положению не прежде можно прикомандировать в гвардию, как чрез три года после первого офицерского чина. Из Бородина Государь приехал на несколько дней в Москву, где 12 сентября была закладка нового храма Спасителя с великолепнейшей церемонией, при которой и я находился[292]. Чрез несколько дней потом я возвратился в Петербург на службу, по новому моему назначению.

1840 год

В 1840-м июля 22-го назначен я предводителем комитета об инвалидах[293]. В этом году был в России почти повсеместный неурожай, тем более чувствительный, что и в 1839-м жатвы были очень скудные, от чего народ терпел большой голод. В 1840 году старшая дочь моя вышла замуж за князя Васильчикова[294]. В 1841 году от продолжительной засухи также почти везде хлеба́ родились весьма дурно.

1843 год

1843-го, июня 6-го московский военный генерал-губернатор князь Голицын уволен в продолжительный отпуск за границу – и я неожиданно назначен был на его место. – 8 сентября родился внук императора, великий князь Николай Александрович[295]. – 25 сентября Государь на возвратном пути из Берлина и Варшавы прибыл в Москву, куда накануне приехал уже наследник, а на другой день императрица с великими княжнами; после восьмидневного пребывания возвратились в Петербург, где 9 октября было крещение новорожденного великого князя, и в тот день я получил орден Святого Андрея Первозванного.

1844 год

Кн. Голицын весною скончался в Париже, а я утвержден военным генерал-губернатором Москвы[296].

1847 год

В сентябре появилась в Москве холера и свирепствовав довольно сильно, прекратилась в феврале 1848 (но ненадолго и вновь возобновилась гораздо сильнее в мае и продолжалась до сентября).

Страдая около трех лет болезнью, которая требовала душевного и телесного спокойствия, чего я не мог иметь при занимаемой мною должности, я решился по первом прекращении холеры просить Государя об увольнении меня от оной и 6 мая писал следующее письмо:

«Назад тому 5 лет, когда угодно было Вашему императорскому величеству возложить на меня звание московского военного генерал-губернатора, я не с радостию, но с искреннею готовностию принял это доказательство Высочайшей ко мне доверенности; не честолюбие и не тщеславие заставило меня вступить на новое для меня поприще, я надеялся, что довольно было во мне сил, чтобы деятельным управлением оправдать надежды Ваши; впоследствии, однако, лета и тяжкая болезнь, которою страдаю, расстроили мои силы, и мысль, что, быть может, деятельность моя не соответствует моему усердию и что для Москвы нужен начальник более свежий, заставила меня в последнее посещение Вами столицы, повергнуть мои сомнения Вашему императорскому величеству, но тогда, когда холера начинала появляться в Москве, я не счел удобным помышлять об оставлении возложенной на меня должности, я считал себя обязанным с полным самоотвержением слушать один голос совести и всеми мерами предохранить город от развития болезни и от нарушения спокойствия. Я исполнил свой долг, ныне, благодаря Всевышнего, эпидемия миновалась, Москва наслаждается тишиною, которая не была нарушена и в последнее время известиями о смутах на Западе (в Европе)[297]. Сохранив желаемое спокойствие в вверенном мне управлении при угрожающих бедствиях, я должен был усугубить бдительность и тем расстроить вполне расстроенное уже мое здоровье. Теперь настало и для меня после более 50-летней службы время отдыха, силы мои мне изменяют, и потому

смею надеяться, что Ваше императорское величество изволите благосклонно принять просьбу мою об увольнении меня от должности военного генерал-губернатора и позволить мне провесть лето в подмосковной деревне для поправления моего здоровья».

Вслед за сим получил я прилагаемый высочайший рескрипт:

«Князь Алексей Григорьевич.

При назначении Вас московским военным генерал-губернатором я не мог не оценить той верноподданнической готовности, с коею Вы, невзирая на преклонные лета и расстроенное уже прежними трудами здоровье Ваше, приняли это назначение.
Управление Ваше любезно-верною первопрестольною столицею ознаменовано примерным рвением и неусыпною деятельностию по исполнении обширных и важных обязанностей, на Вас возложенных. Ныне, снисходя с искренним сожалением на просьбу Вашу об увольнении Вас по совершенно расстроенному здоровью от занимаемой Вами должности, я нахожу справедливым изъявить Вам мою особенную признательность за долговременное и постоянно полезное служение Ваше Престолу и Отечеству.

Пребывая к Вам навсегда благосклонным
***Николай*».**

Хотя болезнь моя была главным поводом для оставления моего звания военного генерал-губернатора, но к тому присоединились еще некоторые неудовольствия; я имел причины быть не совершенно довольным, считая себя вправе требовать более уважения и внимания к долговременной моей службе, в которой я имел разные случаи оказать пользу – но зато я вполне был вознагражден общим мнением, которое так явно и торжественно обнаружилось при увольнении моем от начальства в Москве. Все сословия Московской губернии, духовенство, дворянство, купечество спешили изъявить мне искреннее сожаление о моем удалении; служащие и неслужащие дворяне дали мне великолепный прощальный обед в зале Благородного собрания, при котором губернский предводитель произнес краткую, но трогательную речь.

Чрез два дни купечество в своем доме дало таковой же роскошный и многочисленный обед, и градской глава сказал прощальную речь.

Оба сии искренние изъявления тронули меня глубоко и были для меня лучшею наградою за пятилетнее мое управление Москвою.

При сем прилагается объявление в газетах о сих двух обедах.

«Москва.

16 числа в доме Благородного Собрания по взаимному согласию должностных и неслужащих дворян, из высшего круга здешнего общества, назначен был обед для Его сиятельства, бывшего московского военного генерал-губернатора князя Алексея Григорьевича Щербатова. Единодушное желание почтить сердечным приветом маститого сановника и высказать ему сердечную признательность, — было единственною причиною этого празднества. Не нужно здесь много говорить ни о блестящем обществе, ни о роскошном угощении; довольно будет сказать, что это был прощальный обед первенствующего московского дворянства своему любимому градоначальнику, данный со всею искренностию чувств, со всем безрасчетным довольством, так свойственным русским москвичам. За обедом, после шумного тоста за здравие Государя императора и всей августейшей фамилии, господин губернский предводитель московского дворянства, Его превосходительство Александр Дмитриевич Чертков[298] произнес краткую, но одушевленную искренним чувством речь, в которой, от лица всех собравшихся дворян, благодарил Его сиятельство князя Алексея Григорьевича за незабвенное время, проведенное под его управлением. В заключение господин предводитель сказал, что, хотя, к общему сожалению, расстроенное уже прежними трудами здоровье Его сиятельства вынудило его просить всемилостивейшего увольнения от почетного звания московского военного генерал-губернатора, но дворянство московское всегда помнит, что оно имеет честь считать князя Алексея Григорьевича в числе своих дворян и помещиков и что эта приятная мысль — жить всегда с ним — в настоящее время доставляет ему истинное утешение. Его сиятельство, тронутый искренним приветом, отвечал присутствующим: «В избытке чувств я не нахожу слов, чтоб изобразить, сколь много трогает меня настоящее выражение расположения ко мне жителей Москвы. Расставаясь с вами, я вечно помнить буду незабвенные для меня пять лет, тесно сроднившие меня с вами. От глубины преисполненного чувствами сердца пью за непоколебимое благоденствие родной мне Москвы и Московской губернии». — Живые изъявления признательности и любви понеслись со всех сторон в ответ на слова доблестного гостя и, вероятно, в сердце каждого надолго останется памятным этот день прощального, семейного торжества.

18 числа московское купечество, всегда признательное к своим достойным правителям, облеченным доверием Монарха, и в этот раз захотело также

ознаменовать свои чувства прощальным обедом Его сиятельству князю Алексею Григорьевичу Щербатову. — Все правительственные лица и почетнейшие жители Москвы были приглашены на этот торжественный обед в прекрасный дом, отделанный московскою Думою для Мещанского училища. К концу роскошного обеда, во время тоста за здравие Государя, раздался любимый наш народный гимн: «*Боже, царя храни!*», пропетый согласным хором воспитанников училища. Вслед за этим градской голова, коммерции советник и кавалер С.Л. Лепешкин[299] приветствовал доблестного гостя следующею речью: «Сиятельнейший князь! Жители первопрестольной столицы, по заветному древнему преданию предков своих, не могут иначе расстаться с вами, как не разделя последней хлеба-соли. Ваше сиятельство, вы были, как и всегда, внимательны к последнему привету нашему. Мы, граждане, преисполнены вам глубокою благодарностию во все время пребывания Вашего в столице. Вы, сиятельнейший князь, во всякое время были доступным начальником, правосуднейшим судьею и чадолюбивейшим покровителем бедных. Говорить много значило бы говорить похвальное слово; но вы выше всякой похвалы! Это краткое слово невольно вырывается из моего сердца. Итак, мы, граждане, все благодарим, благодарим, благодарим вас! И желаем от души, да укрепится здоровье ваше во дни отдохновения. Ваше сиятельство расстается с Москвою, но Москва не расстается с вами!» — «Я считаю долгом сердца, — отвечал на это приветствие князь Алексей Григорьевич, — изъявить именитому московскому купечеству всю признательность за лестное для меня расположение его. В течение пятилетнего моего управления Москвою я находил его всегда готовым подвизаться на пользу общую. Ныне служебные отношения прошли; но не изгладится во мне никогда глубокое чувство уважения к сословию вашему. Да процветает московское купечество и да сохранит навсегда то почетное место, которое оно имеет в торговле Российской Империи». — Долго еще после этого шумные тосты и приветствия оглашали залу пиршества» (Ведомости московской городской полиции. № 109. Пятница, 21 мая 1848 года).

В половине мая мы переехали в Литвиново, где мог все лето провесть в спокойствии духа, потревоженном только новым появлением холеры и припадками моей болезни. В октябре я просил Государя письмом о позволении остаться в Москве до совершенного поправления моего здоровья (ибо, находясь членом Государственного Совета, мне следовало быть в Петербурге), в чем получил благосклонный ответ.

КОММЕНТАРИИ

Воспоминания А.Г. Щербатова полностью публикуются впервые по авторской рукописи, хранящейся в Государственном Литературном музее (ГЛМ. Ф.214. Д.1). Фрагмент воспоминаний, касающийся военной службы мемуариста в 1812 – 1814 гг., опубликован: Воспоминания князя А.Г. Щербатова / Подготовка текста и комментарии О.И. Киянской и А.А. Ширяевой // Труды ГИМ. М., 2003. Вып. 137. Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 года. Кроме того, ряд небольших фрагментов данных мемуаров опубликован: Из записок князя А.Г. Щербатова // *Харкевич В.И.* 1812 г. в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1907. Вып. 4.

Текст воспроизводится по современным нормам орфографии и пунктуации с сохранением стилистических и языковых особенностей оригинала. Написание собственных имен приведено в соответствие с общепринятым. Сокращенные слова, не допускающие двоякого прочтения, раскрыты. Названия глав, вынесенные автором на поля рукописи, перенесены в текст.

В разделе «*Приложения*» приводятся документы, характеризующие жизнь и службу князя. Часть из них также публикуется впервые – и к ним применяются те же принципы публикации, как и к самому тексту мемуаров. Другая часть представляет собой републикацию, необходимость которой вызвана стремлением собрать воедино как можно больше источников, характеризующие личность мемуариста.

Все даты в комментариях даны по старому стилю.

[1] Родителями А.Г. Щербатова были князь *Григорий Алексеевич* (1735 – 1810, офицер лейб-гвардии Семеновского полка, в 1761 г. вышел в отставку с чином секунд-майора, впоследствии депутат дворянства Верейского уезда Московской губернии и предводитель дворянства того же уезда) и княгиня

Анастасия Николаевна (ум. в 1810 г., урожденная княжна Долгорукова) *Щербатовы*. Кроме старшего сына Алексея, в семье было еще восемь детей: *Николай* (1778 – 1845, см. о нем ниже), *Сергей* (1779 – 1855, с 1830 г. егермейстер двора, в 1834 г. тайный советник), *Владимир* (1785 – 1805, гвардейский подпоручик, погиб под Аустерлицем), *Софья* (замужем: 1. За генерал-лейтенантом графом *П.А. Шуваловым (1774 – 1823)*, участником походов А.В. Суворова, войны с Францией 1806 – 1807 гг., русско-шведской войны 1808 – 1809 г., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813 – 1814 гг., в 1814 г. сопровождавшим Наполеона на остров Эльбу), 2. За камер-юнкером французского короля Карла X графом *де Шеленкур де Борни*), *Наталья* (ум. в 1850 г., замужем за *Я.Ф. Скарятиным* (1780 – 1850), в 1801 г. поручиком Лейб-гвардии Измайловского полка, участником убийства Павла I, затем дослужившимся до чина полковника, богатым помещиком и коннозаводчиком), *Анна* (ум. в 1822 г., замужем за *Ф.Н. Петрово-Соловово* (1763 – 1826), отставным полковником, попечителем Комитета призрения малолетних бедных), *Елизавета* (замужем за *С.Ф. Берхманом* (1787 – 1839), титулярным советником и камергером двора), *Екатерина* (1786 – 1848, замужем за *Г.П. Апухтиным* (1774 – 1834), отставным майором, впоследствии – действительным статским советником, известным агрономом, активным участником Московского общества сельского хозяйства).

[2] *Кадетский корпус* – закрытое военно-учебное заведение для детей дворян. Первый кадетский корпус был создан в Петербурге в 1731 г. (с 1743 г. именовался Сухопутным шляхетным кадетским корпусом, с 1752 г. – Шляхетным кадетским корпусом, с 1800 – 1-й кадетский корпус). В 1752 г. открыт Морской шляхетный кадетский корпус, в 1762 г. – Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус (с 1800 г. – 2-й кадетский корпус).

[3] Московский университет был основан в 1755 г. по инициативе графа И.И. Шувалова и М.В. Ломоносова.

[4] *Руссо Жан-Жак* (1712 – 1778) – французский писатель и философ. В России был известен прежде всего своим трактатом «*Об общественном договоре*» (1762). Согласно этому трактату, «естественное состояние» человека – это состояние свободы и равенства, государство же есть форма договора между собой свободных людей.

[5] *Щербатов Николай Григорьевич* (1777 – 1848) – князь, младший брат А.Г. Щербатова. В 1791 г. произведен в прапорщики Лейб-гвардии Семеновского полка; в 1796 уволен в отставку. В 1799 г. вновь вступил в службу прапорщиком Лейб-гвардии Семеновского полка, с 1799 поручик.

В 1801 г. из штабс-капитанов гвардии переименован в подполковники и назначен в Свиту Его императорского величества по квартирмейстерской части. Участник русско-турецкой войны 1806 – 1812 гг., отличился в бою за крепость Хотин (1806); участник войны с Францией 1806 – 1807 гг. С 1808 г. – полковник. В 1810 – 1812 гг. – в отставке. В июне 1812 г. сформировал 2-й Украинский казачий полк и назначен его шефом. Участник заграничных походов 1813 – 1814 гг. С 1813 г. – генерал-майор. С 1819 г. – в отставке.

[6] *Семеновский полк* – один из двух старейших полков русской армии и гвардии, сформированный Петром I в 1692 г.

[7] Подробных и достоверных сведений об этой «истории» обнаружить не удалось.

[8] *Екатерина II* (урожд. Софья Фредерика Августа Анхальт-Цербстская, 1729 – 1796) – российская императрица с 1762 г.

[9] *Павел I* (1754 – 1801), сын Екатерины II, российский император с 1796 г. С 1783 г. жил в Гатчине, где у него был свой особый «малый» двор и небольшое собственное войско, впоследствии влившееся в основную армию.

[10] *Фридрих II* (1712 – 1786), прусский король с 1740 г., знаменитый полководец.

[11] *Мальтийский орден (орден Святого Иоанна Иерусалимского)* – католический военно-духовный орден. Основан в ходе крестовых походов начала XII в. в Палестину, с 1530 г. владел островом Мальта, до конца XVIII в. обладал государственным суверенитетом. В 1797 г. орден заключил конвенцию с Россией, по которой император Павел I и его сыновья возводились в достоинство почетных рыцарей ордена. На ее территории создавалось приорство (отделение) ордена в составе 10 командорств – минимальных административных единиц ордена, в которые были объединены рыцари определенной местности под предводительством командора. Император Павел I принял на себя звание протектора (покровителя) ордена и обязался уплачивать ему ежегодную субсидию. В 1798 г. Священный совет – главный орган управления орденом – избрал Павла I Великим магистром (главой) ордена. Это звание было присоединено к императорскому титулу, символика ордена введена в государственный герб и государственную печать России. В число российских наград был включен орден Святого Иоанна Иерусалимского, им награждали главным образом за военные заслуги. В 1801 г. император Александр I отказался принять звание Великого магистра, символы Мальтийского ордена были исключены из государственной символики России. В 1803 г. Священный совет Мальтийского ордена прекратил свою деятельность

в России. В 1817 г. последовало запрещение русским подданным носить орден Святого Иоанна Иерусалимского.

[12] *Густав IV Адольф* (1778 – 1837), король Швеции в 1792 – 1809 гг. Низложен в результате поражение Швеции в войнах с Францией (1805 – 1807) и Россией (1808 – 1809).

[13] *Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович* (1747 – 1813) – светлейший князь Смоленский (1812), генерал-фельдмаршал (1812). Ученик и сподвижник А.В. Суворова. В службе с 1759 г. В 1801 – 1805 гг. генерал от инфантерии, исполнял должность военного губернатора Петербурга. В войне с Францией 1805 г. командовал русскими войсками. В 1806 г. Киевский военный губернатор, в 1809 г. – Виленский военный губернатор. В 1811 – 1812 гг. командующий Молдавской армией, действовавшей против турок; за успешные действия удостоен титула светлейшего князя. В начале Отечественной войны 1812 г. назначен начальником Петербургского ополчения, с августа 1812 г. по апрель 1813 г. – главнокомандующий русскими войсками, действовавшими против Наполеона. За Бородинское сражение получил чин генерал-фельдмаршала, за освобождение Смоленска – титул князя Смоленского. Умер 16 апреля 1813 г. в силезском городе Бунцлау. Похоронен в Петербурге в Казанском соборе.

[14] Пропуск в рукописи.

[15] Пропуск в рукописи.

[16] Пропуск в рукописи.

[17] *Александр I* (1777 – 1825) – старший сын императора Павла I, с 1801 г. российский император.

[18] *Вахтпарад, вахт-парад* (от нем. *Wachtparade*) – развод караулов в мирных условиях, введенный в русской армии императором Павлом I в подражание прусским порядкам. На нем обязаны были присутствовать все генералы гарнизона.

[19] *Аустерлицкое сражение* произошло 20 ноября 1805 г. в районе деревни Аустерлиц (ныне г. Славков в Чехии).

[20] *Толстой Николай Александрович* (1765 – 1816) – граф, обер-гофмаршал, президент Придворной конторы. *Обергофмаршал (обер-гофмаршал)* – один из высших чинов в придворной иерархии некоторых европейских монархов. В России, согласно Табели о рангах, приравнивался к чину 2-го класса.

[21] *Михельсон Иван Иванович* (1740 – 1807) – генерал от кавалерии. В 1805 – 1806 гг. – белорусский генерал-губернатор, командующий резервной

армией, управляющий по гражданской части в Витебской и Могилевской губерниях.

[22] Имеется в виду *Анна Григорьевна Щербатова*, сестра мемуариста.

[23] *Корсаков (Римский-Корсаков) Александр Михайлович* (1753 – 1840) – генерал от инфантерии, сподвижник А.В. Суворова. Участник войны с Францией 1799 г., командовал корпусом в армии Н.В. Репнина. В сентябре 1799 г. был разбит под Цюрихом войсками наполеоновского маршала А. Массены и вскоре был вынужден выйти в отставку. Вновь в службе с 1805 г., командир резервной армии. В 1806 г. назначен главнокомандующим войсками в западных российских губерниях. В 1812 – 1830 гг. – Литовский военный губернатор. С 1830 г. – член Государственного Совета.

[24] *Барклай де Толли Михаил Богданович* (1761 – 1818) – князь, генерал-фельдмаршал (1814). Происходил из шотландского дворянского рода; предки его в начале XVII в. переселились в Германию, а затем в Российскую империю (Рига). В действительной службе с 1776 г. В войне с Францией 1806 – 1807 гг. генерал-майор, командовал бригадой и отдельными отрядами. В 1809 г. назначен главнокомандующим Финляндской армией и финляндским генерал-губернатором. В 1810 – 1812 – военный министр, с марта 1812 г. – главнокомандующий 1-й Западной армией. Сенатор, член Государственного Совета. Провел большую работу по реорганизации армии и Военного министерства в преддверии Отечественной войны. С июля 1812 г. – главнокомандующий объединенными (1-й и 2-й) армиями; оставил этот пост в связи с назначением М.И. Голенищева-Кутузова. В Бородинской битве командовал центром и правым крылом русских войск. С сентября 1812 – в отставке. В конце января 1813 назначен главнокомандующим 3-й армией, с мая – всей русской армией. С июля 1813 г. – командующий отдельным отрядом войск в Богемской армии союзников. С апреля 1814 г. – главнокомандующий союзной Силезской армией. После окончания войны – главнокомандующий 1-й армией (главная квартира – в Варшаве, а затем в Могилеве), с 1818 г. в отпуске по состоянию здоровья.

[25] *Беннигсен Леонтий Леонтьевич* (1745 – 1826) – граф, генерал от кавалерии. Начал службу в ганноверской армии, в составе которой участвовал в Семилетней войне 1756 – 1763 гг. С 1773 г. в русской армии, но русского подданства не принял. Участник убийства Павла I, на следующий день после убийства назначен начальствующим над Михайловским замком – резиденцией Павла I. В ходе войны с Францией 1806 – 1807 гг. командовал сначала корпусом, а затем всей русской армией. В 1807 – 1812 гг. в отставке. В начале

Отечественной войны – советник при Главной квартире 1-й Западной армии, состоял при Александре I. С августа по октябрь 1812 г. исполнял обязанности начальника Главного штаба русских войск, в конце 1812 г. выслан из армии из-за разногласий с М.И. Кутузовым. В заграничных походах 1813 – 1814 гг. командовал резервной (Польской) армией и 2-й Южной армией. В 1818 г. вышел в отставку и покинул Россию

[26] *Сражение при Йене* произошло 1 октября 1806 г. в районе г. Йена (Пруссия). В ходе сражения французская армия разгромила прусский корпус генерала Ф.-Л. Гогенлоэ. В состоявшемся в тот же день сражении около прусского г. Ауэрштедта была разгромлена вся прусская армия, и вскоре Наполеон занял Берлин.

[27] *Фридрих Вильгельм III* (1770 – 1840) – прусский король с 1797 г.

[28] *Каменский Михаил Федотович* (1738 – 1809) – граф, генерал-фельдмаршал (1797). В 1757 – 1759 гг. на французской службе, в 1759 вернулся в русскую службу. Принимал участие в Семилетней войне 1756 – 1763 гг.; участвовал в русско-турецких войнах 1768 – 1774 и 1787 – 1791 гг. В 1783 – 1785 гг. рязанский и тамбовский генерал-губернатор. В ноябре 1806 г. был назначен главнокомандующим всей русской армией. Однако перед Пултусским сражением внезапно уехал из армии, за что был уволен в отставку.

[29] *Пултуское сражение* произошло 14 декабря 1806 г. в районе г. Пултуск (Польша). Мемуарист ошибается: французскими войсками под Пултуском командовал не Наполеон, а маршал Ж. Ланн.

[30] *Голомино (Голымино)* – местечко северо-западнее Пултуска, в котором, по сведениям наполеоновской военной разведки, находились главные силы русских войск и куда были двинуты основные силы французской армии под командованием самого Наполеона. *Голоминское сражение* 14 декабря 1806 г. было стычкой передовых отрядов армии Наполеона и небольшого отряда русских войск.

[31] *Дохтуров Дмитрий Сергеевич* (1756 – 1816) – генерал от инфантерии. В войне с Францией 1806 – 1807 гг. генерал-лейтенант, командовал дивизией и отдельными войсковыми соединениями. В 1812 г. командовал корпусами в 1-й армии. Отличился в боях за Смоленск и Бородинской битве, где после смертельного ранения П.И. Багратиона командовал левым флангом русских войск. Тяжело ранен в сражении при Малоярославце. После излечения от ран командовал группировкой русских войск, блокирующих занятые французами немецкие крепости между Неманом и Одером.

[32] *Голицын Дмитрий Владимирович* (1771 – 1844) – светлейший князь (1841), генерал от кавалерии. В войне с Францией 1806 – 1807 гг. генерал-лейтенант, командовал отдельными войсковыми соединениями. Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813 – 1814 гг. В 1820 – 1844 гг. – московский генерал-губернатор, предшественник на этом посту А.Г. Щербатова. В 1817 г. Щербатов женился на С.С. Апраксиной, племяннице Д.В. Голицына.

[33] Пропуск в рукописи.

[34] *Буксгевден Федор Федорович* (1750 – 1811) – граф, генерал от инфантерии. В войне с Францией в 1806-1807 гг. генерал-майор, корпусный командир.

[35] *Сражение под Янковым* произошло 21-22 января 1807 г. между авангардом французской армии под командованием маршала И.-Н. Мюрата и авангардом русской армии под командованием Л.Л. Беннигсена.

[36] *Сражение при Гофе* (в некоторых источниках – *сражение при Лансберге*) произошло 25 января (7 февраля) 1807 г. Арьергард русской армии, отступавшей от Янкова к Прейсиш-Эйлау, столкнулся с авангардными частями французов.

[37] *Сражение при Прейсиш-Эйлау* (город в Восточной Пруссии; ныне г. Багратионовск Калининградской области Российской Федерации) произошло 27 января 1807 г.

[38] *Багратион Петр Иванович* (1765 – 1812) – князь, генерал от инфантерии (1809). Ученик и сподвижник А.В. Суворова, участник Итальянского и Швейцарского походов Суворова (1799). В войне с Францией 1806 – 1807 гг. генерал-лейтенант, командовал авангардом русской армии.

В 1809 г. командовал русской Аландской экспедицией – походом к берегам Швеции по льду Ботнического залива и занятием шведских Аландских островов. Участник русско-турецкой войны 1806 – 1812 гг., с августа 1809 по март 1810 – главнокомандующий Молдавской армией. С января 1811 г. главнокомандующий Подольской армией, вскоре переименованной во 2-ю Западную армиею. Смертельно ранен в Бородинской битве, где командовал левым крылом русских войск.

[39] Пропуск в рукописи

[40] *Данциг* – крепость в Польше (ныне польский г. Гданьск). После сражений под Пултуском и Голоминым (Голыминым) в декабре 1806 г. основные усилия Наполеона были обращены на осаду этой крепости.

[41] *Калькрейт Фридрих-Адольф* (1737 – 1818) – граф, прусский генерал-фельдмаршал. Участвовал в Семилетней войне 1756 – 1763 гг.

и в войнах с революционной и наполеоновской Францией. Был известен среди современников прежде всего своей упорной обороной Данцига.

[42] *Каменский Николай Михайлович* (1776 – 1811) – граф, генерал от инфантерии, сын фельдмаршала М.Ф. Каменского. В войне с Францией 1806 – 1807 гг. – генерал-майор. В 1810 – 1811 гг. главнокомандующий Молдавской армией.

[43] *Удино Николя Шарль* (1769 – 1861) – герцог Реджио, маршал Франции. Участник войн 1805 и 1806 – 1807 гг., похода в Россию 1812 г., в котором командовал корпусом, действовавшим на петербургском направлении. Участвовал в походах 1813 – 1814 гг. После отречения Наполеона перешел на сторону Бурбонов.

[44] *Ланн Жан* (1769 – 1809) – герцог де Монтебелло, маршал Франции. Участник всех наполеоновских войн, считался талантливым военачальником. Умер от раны, полученной при Эсслинге.

[45] *Гласис* (от фр. *glacis*) – пологая земляная насыпь перед наружным рвом крепости.

[46] В этом месте в тексте рукописи чернильное пятно.

[47] *Лефевр Франсуа Жозеф* (1755 – 1820) – герцог Данцигский, маршал Франции. Участник революционных и наполеоновских войн, похода в Россию 1812 г., где командовал гвардейской пехотой. После отречения Наполеона – пэр Франции, во время Ста дней вновь примкнул к Наполеону, за что был лишен звания пэра.

[48] *Друэ Жан-Батист* (1763 – 1824) – французский генерал. Прославился в 1791 г., когда, будучи почтмейстером, узнал бежавшего из Парижа короля Людовика XVI, и король был арестован в городе Варенне. В 1792 г. избран депутатом в Конвент, где примкнул к якобинцам. В 1793 проголосовал за казнь короля Людовика XVI. Впоследствии генерал, участник революционных и наполеоновских войн. Во время Ста дней избран в парламент. После второй реставрации Бурбонов (1816 г.) выслан из Франции как цареубийца. *Людовик XVI* (1752 – 1793) – французский король в 1772 – 1792. В ходе Французской революции был свергнут с престола и казнен.

[49] *Мюрат Иоахим* (1767 – 1815) – герцог Бергский, король Неаполитанский (1808), маршал Франции. Начал службу солдатом в кавалерии. Участник всех наполеоновских войн. Во время похода 1812 г. командовал всей кавалерией Великой армии. Участник кампании 1813 – 1814 гг. В 1814 г. присягнул Бурбонам, но во время Ста дней вновь перешел на сторону Наполеона и попытался вернуть себе Неаполитанское королевство. После второй реставрации Бурбонов расстрелян.

[50] *Рапп Жан* (1772 – 1821) – граф, французский дивизионный генерал, участник войны 1806 – 1807 гг., похода в Россию 1812 г. и кампании 1813 – 1814 гг. Назначен губернатором Данцига 2 июня 1807 г. После падения Наполеона присягнул Бурбонам. С 1819 г. – пэр Франции.

[51] *Фридландское сражение* произошло 2 июня 1807 г. у г. Фридланда (ныне г. Правдинск Калининградской области).

[52] *Тильзитский мир,* договоры между Францией и Россией, Францией и Пруссией, были подписаны в г. Тильзите (ныне г. Советск Калининградской области) соответственно 25 июня и 9 июля 1807 г., после победы Наполеона над русскими и прусскими войсками. По условиям мира Пруссия теряла половину своей территории, а Россия обязывалась признать все французские завоевания в Европе и все королевства, созданные Наполеоном; фактически произошел территориальный передел Европы между Францией и Россией. Россия соглашалась на посредничество в переговорах между Францией и Англией. В случае отказа Англии от урегулирования отношений с Францией Россия должна была присоединиться к континентальной блокаде, режим которой был установлен Наполеоном еще в 1806 г. Франция, в свою очередь, обязывалась осуществлять посредничество на переговорах между Россией и Турцией, а в случае неудачи переговоров – вступить в войну с Турцией на стороне России. Кроме того, Россия и Франция заключили между собой наступательный и оборонительный союз, по которому были обязаны вести совместные действия в войне против любой из европейских держав.

[53] *Коленкур Арман Огюстен Луи* (1773 – 1827), герцог Виченцский, дивизионный генерал, государственный и военный деятель Франции, один из ближайших сподвижников Наполеона. В 1807 – 1812 – посол Франции в России; в период войны с Россией 1812 г. находился при Наполеоне.

[54] Согласно условиям Тильзитского мира, из земель, захваченных Пруссией при втором и третьем разделах Польши, создавалось новое Варшавское герцогство, фактически находившееся под протекторатом Франции.

[55] Подчеркнуто в тексте.

[56] Мне не пристало идти к этому человеку (фр.).

[57] *Бертье Луи Александр* (1753 – 1815) – князь Невшательский, герцог Валанженский, князь Ваграмский, маршал Франции. Участник наполеоновских войн. Начальник штаба Наполеона, в 1800 – 1807 гг. военный министр Франции. После отречения Наполеона перешел на сторону Бурбонов; погиб при невыясненных обстоятельствах в период Ста дней.

[58] *Дюрок Жерар-Кристоф-Мишель* (1772-1813) – герцог Фриульский, дивизионный генерал, в юности адъютант Наполеона, с 1804 г. обергофмаршал. Сопровождал Наполеона во всех походах. Убит в 1813 г.

[59] Подчеркнуто в рукописи.

[60] Прусская королева – *Луиза* (Августа-Вильгельмина-Амалия, 1776 – 1810), супруга короля Фридриха Вильгельма III.

[61] *Аракчеев Алексей Андреевич* (1969 – 1834) – граф (1799), генерал от артиллерии (1807). Фаворит императора Александра I, организатор системы артиллерийского вооружения российских войск. В 1808 – 1810 гг. военный министр.

[62] Речь идет о первой жене А.Г. Щербатова *Екатерине Андреевне*, урожденной княжне *Вяземской* (1789 – 1810), родной сестре поэта П.А. Вяземского. Е.А. Вяземская воспитывалась в семье писателя и историка *Николая Михайловича Карамзина* (1766 – 1826).

[63] Речь идет о второй жене А.Г. Щербатова (с 1817 г.) *Софье Степановне,* урожденной княжне *Апраксиной* (1798 – 1885).

[64] 10 апреля 1809 г. войска Австрии под командованием эрцгерцога Карла перешли границу Франции. Император Александр I, обязанный Тильзитским миром и Эрфуртским соглашением с Наполеоном (октябрь 1808 г.) вступить в войну на стороне Франции, принял в ней лишь формальное участие. Русская армия всячески уклонялась от непосредственных боевых столкновений с австрийскими войсками.

[65] *Голицын Сергей Федорович* (1749 – 1810) – князь, генерал от инфантерии. В 1809 г. командовал корпусом, участвовавшим в войне с Австрией.

[66] *Ваграмское сражение* произошло 23 – 24 июня 1809 г. при селении Ваграм (Австрия).

[67] В ноябре-декабре 1806 г. русская Молдавская армия (под командованием генерала И.И. Михельсона) вошла в княжества Молдавию и Валахию, находившиеся под властью Турции. Поводом к войне послужило нарушение Турцией договора 1805 г. с Россией о свободном проходе русских судов через проливы Босфор и Дарданеллы.

[68] *Шумла* (ныне г. Шумен в Болгарии) – турецкая крепость. В ходе русско-турецких войн неоднократно была объектом военных действий.

[69] С мая 1810 по март 1811 главнокомандующим Молдавской армией был генерал Н.М. Каменский.

[70] *Рущук* (ныне г. Русе в Болгарии) – турецкая крепость. Как и Шумла, неоднократно являлась объектом военных действий в ходе русско-турецких войск. Штурм крепости Рущук произошел 22 июня 1810 г.

[71] *Засс Андрей Павлович* (1753 – 1815) – барон, генерал-лейтенант. В 1810 г. – корпусный командир в Молдавской армии.

[72] *Каменский Сергей Михайлович* (1771 – 1834) – граф, генерал от инфантерии, старший сын фельдмаршала М.Ф. Каменского. В русско-турецкой войне командовал дивизией. В Отечественной войне 1812 г. возглавлял корпус в составе 3-й Обсервационной армии. Однако летом 1812 г., поссорившись с командующим армией А.П. Тормасовым, сказался больным и уехал с театра военных действий.

[73] *Бахметев Алексей Николаевич* (1774 – 1841) – генерал от инфантерии. В ходе русско-турецкой войны – генерал-майор, командир отдельного отряда. С 1811 г. – командир дивизии.

[74] *Сражение под Батиным* произошло 26-27 августа 1810 г. Русские войска разгромили 100-тысячный турецкий корпус.

[75] *Долгорукий (Долгоруков) Василий Юрьевич* (1776 – 1810) – князь, генерал-майор. Предшественник А.Г. Щербатова на посту командира 18-й пехотной дивизии.

[76] *Рущукское сражение* произошло 22 июня 1811 г.

[77] В преддверии Отечественной войны 1812 г. главные силы русских войск были разделены на три армии: 1-ю Западную под командованием генерала от инфантерии М.Б. Барклая де Толли (110 – 127 тысяч человек), которая располагалась в районе Вильно, 2-ю Западную под командованием генерала от инфантерии П.И. Багратиона (45 – 48 тысяч человек), располагавшуюся между реками Неман и Буг, и 3-ю Обсервационную (43 – 46 тысяч человек) под командованием генерала от кавалерии А.П. Тормасова. 3-я армия располагалась в районе Луцка. Кроме того, на юге располагалась Дунайская (Молдавская) армия адмирала П.В. Чичагова. Значительную военную силу представлял собой 1-й Отдельный корпус генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна, прикрывавший петербургской направление.

[78] *Тульчин* – местечко в Киевской губернии (в настоящее время – в составе Винницкой области Украины), имение графов Потоцких. В конце XVIII – первой половине XIX вв. Тульчин являлся одним из главных военных центров России.

[79] *Потоцкая* (урожденная Клавоне, по первому мужу Витт) *Софья Константиновна* (1764 – 1822) – знаменитая в конце XVIII в. красавица-гречанка. В юности попала в Варшаву, где вела распутную жизнь. Затем стала женой польского генерала графа Осипа (Иосифа) Витта и любовницей светлейшего князя Г.А. Потемкина. После смерти Потемкина, при живом муже, вторично вышла замуж за богатейшего польского магната графа Станислава-Феликса

Потоцкого, вступив при этом в любовную связь с его старшим сыном от первого брака. Биографии С.К. Потоцкой, ее любовников, мужей и детей являлись в начале XIX в. постоянным источником светских сплетен и пересудов.

[80] *Софиевка* – парк около города Умани, разведенный в 1793 – 1796 гг. С.-Ф. Потоцким в честь своей жены. Всемирно известный шедевр садово-паркового искусства.

[81] *Тормасов Александр Петрович* (1752 – 1819) – граф (1816), генерал от кавалерии (1801). Участник русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг. В 1812 г. – главнокомандующий 3-й Западной (Обсервационной) армии. В октябре 1812 г., после соединения 3-й Западной и Дунайской армий и перехода командования к П.В. Чичагову – командующий над войсками Главной армии (кроме аванграда и отдельных отрядов). В 1813 г. назначен членом Государственного Совета, с 1814 г. московский военный губернатор, с 1816 г. – московский военный генерал-губернатор.

[82] Фрагмент от слов *«Июня 7-го получил я отдельный отряд…»* и до слов *«…и расположился на бивуаках за рекою Стырь»* с некоторыми разночтениями опубликован: Из записок князя А.Г. Щербатова // *Харкевич В.И.* 1812 г. в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1907. Вып.4. С. 450-454. Название фрагмента в публикации В.И. Харкевича – «*Наступление к Бресту и Кобрину. Сражение при Городечне*».

[83] *Ламберт Карл Осипович* (1772 – 1843) – граф, генерал от кавалерии. В 1812 г. – генерал-майор, командир кавалерийской дивизии, затем корпуса в армии А.П. Тормасова. В ноябре 1812 г. – командир авангарда в 3-й Западной армии. Тяжело ранен в бою за город Борисов.

[84] А.Г. Щербатов описывает события июля 1812 г.: противоборство 3-й армии А.П. Тормасова и 7-го армейского (саксонского) корпуса генерала Ж. Ренье, который в начале месяца занял города Брест, Кобрин и Пинск. От Луцка к Бресту разными путями были направлены два специально созданных русских отряда: К.О. Ламберта и А.Г. Щербатова. Одновременно отрядом генерал-майора А.П. Меллисино был проведен отвлекающий маневр, в результате которого главные силы саксонцев были отвлечены в направлении Пинска. Под Кобрином отряды Ламберта и Щербатова соединились с главными силами 3-й Обсервационной армии; город был взят. В результате успешно проведенной операции саксонцы понесли тяжелые потери. Корпус Ренье был вынужден отступить к г. Слониму на соединение с австрийским корпусом К. Шварценберга.

[85] *Кнорринг Карл Богданович* (1775 – 1817) – в 1812 г. полковник, командир отдельного кавалерийского отряда в 3-й Обсервационной армии; за отличие в описанных А.Г. Щербатовым сражениях произведен в генерал-майоры. В 1813 г. – командир кавалерийской бригады. Тяжело ранен в сражении под Кульмом.

[86] *Клингель* (правильнее – Кленгель) Генрих Христиан Магнус фон (1761 – 1814) – саксонский генерал-майор. В 1812 г. – командир 1-й бригады 22-й пехотной дивизии 7-го армейского (саксонского) корпуса Великой армии. 15 июля взят в плен в Кобрине войсками А.П. Тормасова.

[87] *Ренье Жан Луи Эбензер* (1771 – 1814) – граф, французский дивизионный генерал. С 1805 г. участник наполеоновских войн. В 1812 – 1813 гг. командовал 7-м армейским (саксонским) корпусом Великой армии. В октябре 1813 г. взят в плен; в 1814 г. вернулся на родину.

[88] *Шварценберг Карл-Филипп* (1771 – 1820) – герцог Круманский, австрийский фельдмаршал. В 1812 г. командовал австрийским вспомогательным корпусом, воевавшим против России. В 1813 – 1814 гг. – главнокомандующий войсками антинаполеоновской коалиции.

[89] *Сражение при Городечне* состоялось 31 июля 1812 г.

[90] Имеется в виду С.М. Каменский.

[91] *Чичагов Павел Васильевич* (1767 – 1849) – адмирал. Участник русско-шведской войны 1788 – 1790 гг., в 1799 г. возглавлял морскую экспедицию по высадке русских войск в Голландии. В 1802 – 1811 г. – морской министр России. С апреля 1812 г. главнокомандующий Дунайской (Молдавской) армией и Черноморским флотом. В сентябре 1812 г., после соединения Дунайской и 3-й Обсервационной армий, встал во главе 3-й Западной армии. В 1813 г. вышел в отставку, в 1814 г. покинул Россию. Умер в Париже.

[92] Москва была оставлена русскими войсками 2 сентября 1812 г.

[93] Генерал от инфантерии П.И. Багратион был тяжело ранен в Бородинской битве и умер 12 сентября 1812 г.

[94] Войска П.В. Чичагова вытеснили саксонский и австрийский корпуса Великой армии под командованием Ж.-Л. Ренье и К.Ф. Шварценберга за пределы России в герцогство Варшавское.

[95] *Сакен (Остен-Сакен) Фабиан Вильгельмович* (1752 – 1837) – с 1832 г. князь, генерал-фельдмаршал. В 1812 г. – граф, генерал-лейтенант, корпусный командир. Был оставлен П.В. Чичаговым с большим отрядом войск против соединенных австро-саксонских сил для прикрытия с тыла движения 3-й Западной армии в направлении Минска. В заграничных походах

командовал корпусом в Силезской армии союзников. После взятия Парижа назначен его военным губернатором. После войны, в 1818 – 1834 гг. главнокомандующий 1-й армией.

[96] Фрагмент от слов *«10 ноября подошли мы к сему городу…»* и до слов *«…если б не свирепствовал ужасный холод, то, конечно бы, произошла зараза»* с некоторыми разночтениями опубликован: Из записок князя А.Г. Щербатова // *Харкевич В.И.* 1812 г. в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1907. Вып. 4. С. 54-59. Название фрагмента в публикации В.И. Харкевича – «*Действия на Березине*».

[97] *Домбровский Ян Генрих* (1755 – 1818) – дивизионный генерал армии герцогства Варшавского. В 1812 г. командовал 17-й пехотной дивизией Великой армии. Под «корпусом» Домбровского А.Г. Щербатов, скорее всего, имеет в виду его дивизию.

[98] Далее А.Г. Щербатов описывает неудачные действия русских войск во время Березинской операции, когда французы практически оказались в окружении, однако из-за несогласованности действий русских генералов полностью уничтожить Великую армию не удалось.

[99] *Виктор Перен Клод* (1764 – 1841) – маршал Франции. Участник революционных и наполеоновских войн. В 1812 г. командовал 9-м армейским корпусом Великой армии. В 1814 г. перешел на сторону Бурбонов, с 1815 г. – начальник королевской гвардии, пэр Франции. В 1821 – 1823 гг. военный министр Франции

[100] А.Г. Щербатов ошибается: русский авангард столкнулся с французскими войсками, которыми командовал маршал Н. Удино, а не Виктор. Русским авангардом командовал генерал-майор Павел Петрович Пален (1775 – 1834), сменивший на этом посту раненого при взятии Борисова К.О. Ламберта.

[101] 11 ноября авангард армии П.В. Чичагова под командованием генерала П.П. Палена, имевший задание предпринять общую разведку и установить связь с корпусом П.Х. Витгенштейна, натолкнулся на авангард французов под командованием маршала Удино. Стычка привела к беспорядочному отступлению русских войск в Борисов и к последующему оставлению города.

[102] Целью французской военной разведки была дезинформация русского командования о месте переправы Великой армии через Березину. Наполеону удалось убедить противника в том, что попытка переправиться будет осуществлена ниже Борисова, у селения Ухолоды, куда 12 ноября была послана часть французских войск для организации «демонстрации». Между тем

настоящая переправа строилась выше Борисова, между селением Студенка и деревней Брили. 13 ноября к П.В. Чичагову прибыл курьер с депешей от Кутузова, в которой сообщалось о возможном отходе Наполеона вниз по Березине, у Ухолод. Аналогичные сведения Чичагову были доставлены и от П.Х. Витгенштейна. В результате этой успешно проведенной Наполеоном дезинформации Чичагов отвел свою армию к Ухолодам. Это дало Наполеону возможность начать беспрепятственную переправу у Студенки. Переправа остатков Великой армии через Березину продолжалась с 14 по 16 ноября.

[103] *Ланжерон Александр Федорович* (1763 – 1831) – граф, генерал от инфантерии. В 1812 г. командир корпуса в 3-й Западной армии. В 1813 г. – корпусный командир в Силезской армии союзников.

[104] *Сабанеев Иван Васильевич* (1770 – 1829) – генерал от инфантерии. В 1812 – 1813 гг. – генерал-лейтенант, начальник Главного штаба 3-й Западной армии. В 1813 г., после назначения главнокомандующим М.Б. Барклая де Толли, руководил штабом всей русской армии.

[105] *Кантонир-квартиры* – временные квартиры для армии.

[106] На П.В. Чичагова была возложена основная ответственность за неудачу русских войск при Березине. В начале 1813 г. он, по собственному желанию, был отставлен от должности главнокомандующего 3-й Западной армией. 13 февраля 1813 г. на этот пост был назначен М.Б. Барклай де Толли.

[107] *Осада крепости Торн* (ныне г. Торунь в Польше) была начата русскими войсками 26 января 1813 г. Окончательная капитуляция крепости последовала 5 апреля.

[108] 18 декабря 1812 г. командиром прусского вспомогательного корпуса генералом Г.Д.Л. Йорком и русским генералом И.И. Дибичем была подписана *Таурогенская конвенция*, по которой войска прусского корпуса отделялись от французской армии и оставались нейтральными до решения правительствами России и Пруссии вопроса о военном союзе. 16 февраля 1813 г. Россия и Пруссия подписали *Калишский договор* о совместной войне с Францией.

[109] *Лютценское (Люценское) сражение* произошло 20 апреля 1813 г. у немецкого г. Лютцен (Люцен), в 20-ти км к западу от Лейпцига. *Сражение под Дрезденом* состоялось 14-15 августа 1813 г.

[110] *Лористон Жак Александр Бернар де Лоу* (1768 – 1828) – французский дипломат и генерал. В 1811 – 1812 гг. посол Франции в России. Участник кампаний 1812 и 1813 г., в последней командовал корпусом. Взят в плен в сражении под Лейпцигом. После войны – маршал и пэр Франции. *Себастиани де ла Порта Орас Франсуа Бастиен* (1775 – 1851) – французский генерал.

В 1812 г. командовал дивизией, в 1813 г. – кавалерийским корпусом. Впоследствии маршал Франции.

[111] *Сражение при Кенигсварте* произошло 7 мая 1813 г. 3-я Западная армия под командованием М.Б. Барклая де Толли, только что присоединившаяся к главной русско-прусской армии, была вынуждена выступить против корпусов Лористона и Себастиани, угрожавшим правому флангу союзных войск. Сражение было выиграно русскими войсками, и французские войска отступили, понеся потери.

[112] *Бауценское сражение* произошло 8 – 9 мая 1813 г. у города Бауцен (Саксония), в 50-ти км к востоку от Дрездена.

[113] *Витгенштейн Петр Христианович* (1769 – 1843) – князь, генерал-фельдмаршал (1826). В 1812 г. – граф, генерал-лейтенант, командовал Отдельным корпусом, прикрывавшим петербургское направление, за отличие произведен в генералы от кавалерии. После смерти М.И. Кутузова был назначен главнокомандующим русскими войсками, однако после неудачных для русской армии Лютценского и Бауценского сражений заменен на этой должности М.Б. Барклаем де Толли. В 1813 – 1814 гг. – корпусный командир.

С 1819 г. – главнокомандующий 2-й армии. В ходе русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. главнокомандующий русской армией (1828 г.). С 1829 г. – в отставке.

[114] После поражений под Люценом и Бауценом союзное командование заключило с Наполеоном *Плейсвицкое перемирие* с 23 мая по 8 июля, которое было затем продлено до 29 июля 1813 г. Военные действия возобновились 5 августа 1813 г. Эта передышка позволила России и Пруссии провести ряд дипломатических маневров и перегруппировку сил. Из русских и прусских войск была образована союзная *Силезская (Шлезская) армия* под командованием прусского генерал-фельдмаршала Г. Блюхера. В состав этой армии входили русские корпуса Ф.В. Остен-Сакена и А.Ф. Ланжерона.

[115] *Блюхер Гебгард Лембрехт* (1742 – 1819) – князь Вальштадтский, прусский генерал-фельдмаршал (1813). В 1813 – 1814 гг. главнокомандующий прусской армией и русско-прусской Силезской армией. Руководил наступлением союзных армий на Париж.

[116] Австрия разорвала отношения с Наполеоном и присоединилась к антифранцузской коалиции 29 июля 1813 г. 28 августа был подписан *Теплицкий союзный договор* России, Пруссии и Австрии о совместных действиях против Франции. На стороне союзников в войну вступила также и Швеция.

[117] После разрыва Австрии с Наполеоном из главной русской армии и австрийских войск была образована союзная *Богемская (Главная) армия* под командованием австрийского фельдмаршала К. Шварценберга, который в то же время был назначен главнокомандующим всеми войсками антинаполеоновской коалиции. Кроме того, была образована русско-шведская *Северная армия* под командованием шведского наследного принца Карла Юхана, бывшего наполеоновского маршала Ж.Б.Ж. Бернадота.

[118] Наполеон поручил маршалу А. Макдональду, командовавшему французской Бобрской армией (по названию реки Бобр (Бобер) в Силезии), не выпускать из Силезии войска армии Блюхера. Однако Макдональд растянул свою армию, что позволило союзникам вступать с французами в небольшие сражения. Авангардный бой при селении Зибен-Эйхен произошел 7 августа 1813 г. и закончился взятием союзниками Зибен-Эйхенских высот у реки Бобр.

[119] *Макдональд Жак-Этьен-Жозеф-Александр* (1765 – 1840) – герцог Тарентский, маршал Франции. В 1812 г. действовал на левом фланге наполеоновской армии, где командовал франко-прусским корпусом. В 1813-1814 гг. командовал корпусом и Бобрской армией.

[120] *Семилетняя война* (1756 – 1763) велась между англо-прусской и русско-франко-австрийской коалициями. Военные действия происходили, в частности, на территории Силезии.

[121] Первоначально Наполеон двинул свои главные силы против Силезской армии, однако, узнав, что к Дрездену приближается Богемская (Главная) армия, повернул главные силы обратно к Эльбе.

[122] *Сражение при реке Кацбах* (ныне река Качава в Польше) произошло 14 августа 1813 г. Цель маршала Макдональда состояла в том, чтобы не пропустить армию Блюхера за реку Кацбах. Однако его войска были отброшены на плоскогорье Яуэр и отступили за реку.

[123] *Рудзевич Александр Яковлевич* (1776 (1777) – 1829) – генерал от инфантерии. В 1812 г. – полковник, командир полка в армии А.П. Тормасова. В 1813 г. – генерал-майор, начальник штаба и арьергарда в корпусе генерала А.Ф. Ланжерона в Силезской армии, командовал дивизией, произведен в генерал-лейтенанты. Отличился при штурме Парижа.

[124] *Пюто Жак Пьер Мари Луи* (1769 – 1837) – французский дивизионный генерал. 17 августа 1813 г., между селениями Левенберг (ныне г. Львувек-Сленски в Польше) и Цобтен (ныне г. Сободка в Польше), вместе со своей дивизией взят в плен войсками А.Г. Щербатова.

[125] Под «орлами» имеются в виду наконечники древков французских знамен с изображением одноглавого орла – герба наполеоновской Франции. Под гербом выбивался номер воинской части, которой принадлежало знамя. Потеря «орла» обычно вела к расформированию части.

[126] *Бубна (Бубна-и-Летиц) Фердинанд* (1769 – 1825) – граф, австрийский генерал. В 1813 – 1814 гг. командир корпуса в Силезской армии. Отличился в Лейпцигском сражении.

[127] В начале октября 1813 г. все три союзные армии соединились около города Лейпцига. Корпус А.Г. Щербатова был отделен от Силезской армии и получил приказ охранять Силезию от сильной группировки французских войск, находившейся в Дрездене.

[128] *Вагенбург* (от нем. *Wagen* – повозка и *Burg* – замок, город) – рассредоточенное расположение обоза на марше и при остановках в пути.

[129] *Ретраншамент* (от фр. *Retranchement*) – фортификационное сооружение, траншея.

[130] *Сен-Сир (Гувьон Сен-Сир) Лоран* (1764 – 1830) – граф Империи, маркиз (1817), маршал Франции. Участник революционных и наполеоновских войн, войны 1812 г. и кампании 1813-1814 гг. После поражения Наполеона перешел на сторону Бурбонов. В 1817 – 1819 гг. военный и морской министр и министр колоний Франции.

[131] *Тауэнцин фон Виттенберг Волеслав Фридрих Эммануил* (1766 – 1824) – граф, прусский генерал. В 1813 г. в чине генерал-лейтенанта командовал корпусом в Северной армии.

[132] *Лейпцигское сражение* (известное как «Битва народов») произошло 4-7 октября 1813 г. и закончилось поражением французов. В этом сражении А.Г. Щербатов не участвовал.

[133] *Толстой Петр Александрович* (1761 – 1844) – граф, генерал от инфантерии. В 1814 г. – корпусный командир в Силезской армии.

[134] Имеется в виду Польская армия Л.Л. Беннигсена.

[135] Союзные армии форсировали Рейн в декабре 1813 – начале января 1814 гг. После этого военные действия шли на территории Франции.

[136] Французский город Линьи был взят войсками А.Г. Щербатова 11 января 1814 г.

[137] Французский город Сен-Дизье был взят войсками А.Г. Щербатова 13 января 1814 г.

[138] *Ланской Сергей Николаевич* (1779 – 1814) – генерал-майор, участник заграничных походов 1813 – 1814 гг., за отличие при Кацбахе произведен

в генерал-лейтенанты. С начала 1814 г. – в корпусе А.Г. Щербатова. Убит в бою при Краоне.

[139] *Ней Мишель* (1769 – 1815) – герцог Эльхингенский, князь Московорецкий (de Moscova, 1812), маршал Франции, участник всех наполеоновских войн. Пользовался репутацией самого храброго и преданного соратника Наполеона. После отречения Наполеона перешел на службу к Бурбонам, стал пэром Франции. В период Ста дней вновь перешел на сторону Наполеона, за что после второй реставрации Бурбонов был расстрелян.

[140] *Бриеннское сражение (сражение при Бриенн-ле-Шато)* произошло 17 января 1814 г.

[141] *Пален Петр Петрович* (1778 – 1864) – граф, генерал от кавалерии. Участник кампании 1812 г. (произведен за отличие в генерал-лейтенанты) и заграничных походов 1813 – 1814 гг., где командовал авангардом в корпусе П.Х. Витгенштейна и в Главной армии союзников. Был ранен в сражении при Левенберге и контужен в сражении под Лейпцигом. С 1823 по 1827 г. в отставке. В 1827 г. вновь на службе, командовал корпусом, сменил А.Г. Щербатова в должности командира 2-го пехотного корпуса.

[142] *Олсуфьев Захар Дмитриевич* (1773 – 1835) – генерал-лейтенант, участник кампании 1812 г. и заграничных походов 1813 – 1814 гг. В сражении под Бриенном командовал корпусом, был взят в плен под Шампобером. Освобожден вступившими в Париж войсками союзников.

[143] Шато де Бриенн (фр.). Наполеон Бонапарт учился в военном училище в Бриенне с 1779 по 1784 г.

[144] Имеется в виду сражение при Ла-Ротьере 20 января 1814 г. Произошло между городом Бриенном и селением Ла-Ротьер, в 6 км. южнее Бриенна.

[145] *Виттенбергские* (правильнее – вюртембергские*) войска* – 2-й пехотный корпус русских войск, которым командовал генерал от инфантерии принц *Евгений Вюртембергский* (1788 – 1857), племянник императрицы Марии Федоровны, вдовы императора Павла I.

[146] *Никитин Алексей Петрович* (1777 – 1858) – генерал-майор, начальник артиллерии корпуса Ф.В. Остен-Сакена.

[147] Бой корпуса А.Г. Щербатова с французскими войсками при селении *Лаферте (Лаферте-су-Жуар)* произошел 28 января 1814 г.

[148] Сент-Уан (фр.).

[149] Ла-Ферте-су-Жуар (фр).

[150] После неудачи по Ла-Ротьером Наполеон воспользовался тем, что Блюхер сильно растянул свои войска, и попытался разбить его армию по частям. В сражениях при Шампобери, при Монмирале и при Шато-Тьерри

Наполеону удалось нанести сильный урон Силезской армии, что, однако, уже не могло предотвратить общее поражение французских войск.

[151] *Капцевич Петр Михайлович* (1772 – 1840) – генерал от артиллерии. В чине генерал-лейтенанта участвовал в кампании 1812 и заграничных походах 1813 – 1814 гг., корпусный командир.

[152] *Йорк Ганс Давид Людвиг* (1756 – 1828) – граф фон Вартенбург, прусский генерал-лейтенант, командир прусского корпуса, воевавшего до 1813 г. в составе наполеоновской армии, а затем – в составе Силезской армии союзников.

[153] *Бой при городе Монмирале* произошел 30 января 1814 г. Войска под командованием Наполеона нанесли поражение входившим в Силезскую армию корпусам И.Г. Йорка и Ф.В. Остен-Сакена.

[154] Столкновение войск А.Г. Щербатова с французскими войсками *при селении Мери (Мери-сюр-Сен)* произошло 10 февраля 1814 г.

[155] В рукописи, очевидно, по этическим соображениям, пропущено имя *Федора Ивановича Талызина* (1773 – 1844), генерал-майора, в 1813 г. командира 7-й пехотной дивизии, в состав которой входил Псковский пехотный полк.

[156] *Винценгероде Фердинанд Федорович* (1770 – 1818) – барон, генерал от кавалерии. В чине генерал-лейтенанта участвовал в кампании 1812 и заграничных походах 1813 – 1814 гг., где командовал корпусом в Северной, а затем в Силезской армии.

[157] *Сражение при городе Краоне* произошло 23 февраля 1814 г. В ходе сражения Наполеон вынудил Силезскую армию отступить к городу Лаону. 25 – 26 февраля в ходе *сражения при Лаоне* Силезская армия заставила французов отступить к городу Суассону.

[158] *Бой при селении Круп* произошел 26 февраля 1814 г.

[159] *Сражение при городе Фер-Шампенуазе (Фершампенуазе)* произошло 13 марта 1814 г. Авангарды Главной и Силезской армий союзников нанесли поражение французским войскам, открыв себе дорогу на Париж.

[160] План наступления Главной и Силезской союзных армий на Париж и обходного маневра корпуса Ф.Ф. Винценгероде был разработан императором Александром I 12 марта 1814 г.

[161] Френ (фр).

[162] *Агессо (d'Aguesseau) Анри-Кардин-Жан-Батист* (1752-1826) – маркиз (1817), французский государственный деятель. В годы правления короля Людовика XVI – государственный советник, старший судья и церемониймейстер при королевском дворе, член Французской Академии.

В годы революции – в отставке, участвовал в роялистском заговоре. После прихода к власти Наполеона – председатель (президент) Парижского гражданского суда, сенатор. После реставрации перешел на сторону Бурбонов, назначен пэром Франции, во время 100 дней сопровождал бежавшую из Парижа королевскую семью. Участник суда над маршалом Неем, голосовал за смертный приговор.

[163] *Вреде Карл Филипп Йозеф* (1767 – 1838) – князь, баварский генерал. Командир контингента баварских войск, воевавших в 1812 г. в составе Великой армии, а в 1813 – 1814 гг. – в составе войск антинаполеоновской коалиции. За отличие произведен в фельдмаршалы.

[164] *Сражение за Париж* произошло 18 марта 1814 г. Условия капитуляции были выработаны к 6 часам вечера 18 марта, а подписание капитуляции состоялось в 2 часа ночи 19 марта.

[165] *Васильчиков Илларион Васильевич* (1775 – 1847) – князь, генерал от кавалерии. В Отечественной войне командовал кавалерийской бригадой, в 1813 – 1814 гг. – кавалерией Силезской армии. В 1840 г. дочь А.Г. Щербатова *Екатерина Алексеевна* вышла замуж за сына И.В. Васильчикова *Иллариона Илларионовича* (1805 – 1862).

[166] Пропуск в рукописи.

[167] Герцог Виченцский (фр).

[168] *Ворота Сен-Мартен (St. Martin)* – построенная в 1674 г. триумфальная арка у въезда в Париж.

[169] *Елисейские поля (Champs Élysées)* – главная улица в Париже. В конце улицы находилась незавершенная триумфальная арка, которую начали строить в 1806 г. по приказу Наполеона в честь его побед.

[170] *Пале-Рояль (Palais Royal)* – дворец в Париже, построенный в 1625-1645 гг. для кардинала Ришелье, центр общественной и экономической жизни Парижа, известен ресторанами и всякого рода увеселительными заведениями.

[171] *Вери́ (Véry)* – парижский ресторатор, чей ресторан в Пале-Рояле пользовавшийся всеевропейской известностью.

[172] *Улица Фобур Сент-Оноре (rue Faubourg St.-Honoré)* – одна из центральных улиц Парижа. На ней располагались самые дорогие магазины и отели Парижа.

[173] *Инвалидный дом (Дом Инвалидов)* – заложенный в 1670 г. по приказу короля Людовика XIV военный госпиталь и дом призрения для старых солдат-инвалидов и ветеранов, не имевших средств к существованию.

В построенном рядом с домом Соборе Инвалидов похоронены крупные военные деятели Франции.

[174] *Серюрье (Sérurier) Жан Мартье Филибер* (1742 – 1819) – граф, маршал Франции. Начальник национальной гвардии Парижа, директор Дома Инвалидов. Участия в кампаниях 1812 – 1814 гг. не принимал.

[175] Представляю Вам князя Щербатова, дивизионного генерала, открывшего ворота Ла-Ротьера (фр).

[176] Аустерлицкие ворота (фр).

[177] Департамент Арденны (фр).

[178] *Граф д'Артуа* (1757 – 1836) – брат казненного короля Людовика XVI. После отречения Наполеона объявил себя королевским наместником. 1 апреля 1814 г. торжественно вступил в Париж. С 1824, после смерти Людовика XVIII, – король Франции Карл X. Свергнут с престола в ходе Июльской революции 1830 г.

[179] *Людовик XVIII* (1755 – 1824) – герцог Прованский, брат казненного короля Людовика XVI. 20 апреля 1814 г. провозглашен королем Франции.

[180] *Площадь Людовика XV* – одна из центральных площадей Парижа. Оформлена в 1757-1779 гг. в честь французского короля Людовика XV, чья конная статуя располагалась в центре площади. В годы Французской революции конца XVIII в. статуя была снесена и на ее месте построена гильотина. После революции площадь переименована в Площадь Согласия. *Людовик XV* (1710 – 1774) – французский король с 1715 г.

[181] *Люксембург* – немецкое княжество, известное в Европе с X в. В 1794 г. завоевано Францией; по решению Венского конгресса (1815) превращено в самостоятельное великое герцогство, входившее в состав Германского союза. Столица – город Люксембург, крепость, также известная с X в.

[182] *Гейдельбергский замок* – немецкая крепость, построенная в XIV в.; одна из самых больших в Европе. В 1689 г. завоевана и частично разрушена войсками французского короля Людовика XIV. В 1764 г. в крепости произошел взрыв пороховой башни, довершивший разрушения.

[183] *Мария Павловна* (1786 – 1859) – великая княгиня, сестра императора Александра I. В замужестве – герцогиня Саксен-Веймарская, жена великого герцога Саксен-Веймарского Карла Фридриха; постоянно жила в Веймаре.

[184] 14 февраля 1815 г. Наполеон тайно покинул остров Эльбу, место своей ссылки, и 17 февраля высадился на юге Франции, в заливе Жуан. 8 марта Наполеон возвратился в Париж, накануне оставленный Людовиком XVIII.

Высадка Наполеона во Франции знаменовала начало «Ста дней» – последнего периода его правления, закончившегося разгромом французской армии под Ватерлоо и вторичным отречением Наполеона от престола 10 июня 1814 г.

[185] *Венский конгресс* европейских держав – победительниц Наполеона проходил с сентября 1814 по июнь 1815 г. и был посвящен послевоенному политическому устройству Европы. В ходе конгресса его участники узнали о высадке Наполеона во Франции и создали для борьбы с ним новую коалицию. Участвующие в работе конгресса монархи, в том числе российский император Александр I, отдали повеление своим армиям возвратиться во Францию для продолжения борьбы с Наполеоном. Однако русские войска не успели на театр военных действий.

[186] После окончания войны войска, участвовавшие в кампании 1813 – 1814 гг., были разделены на две армии. Главнокомандующим первой армии был назначен Ф.В. Остен-Сакен, а второй – Л.Л. Беннигсен, в 1819 г. замененный в этой должности П.Х. Витгенштейном.

[187] *Сражение при Ватерлоо* произошло 6 июня 1815 г. около селения Ватерлоо (на территории Бельгии), в 20 км южнее Брюсселя. Соединенные англо-прусские силы под командованием английского фельдмаршала герцога А. У. Веллингтона (1762 – 1852) и фельдмаршала Г. Блюхера окончательно разгромили армию Наполеона. После поражения при Ватерлоо Наполеон сдался английским властям и был отправлен в ссылку на остров Святой Елены.

[188] *Константин Павлович* (1779 – 1831) – великий князь, цесаревич, второй сын императора Павла I. Участник Отечественной войны 1812 г. С 1815 г. – главнокомандующий польской армией, фактический наместник в Царстве Польском. В 1825 г., после смерти Александра I, отказался от российского престола в пользу младшего брата Николая.

[189] *Шпицрутены* (от нем. *Spießruten*) – древесные прутья для телесных наказаний.

[190] Царство Польское создано в 1815 г. на отошедших к России польских территориях. Конституция Царства Польского была «дарована» полякам императором Александром I в ноябре 1815 г.; согласно ей, русский император являлся одновременно и польским королем. Конституция эта была на тот момент самой либеральной в Европе, она гарантировала, в частности, личные и гражданские права и свободы.

[191] *Апраксина Софья Степановна* (1798 – 1885) – с 1817 г. вторая жена А.Г. Щербатова. Дочь генерала от кавалерии *Степана Степановича Апраксина* и *Екатерины Владимировны, урожденной княжны Голицыной*, внучка

Степана Федоровича Апраксина (1702 – 1760) – генерал-фельдмаршала, главнокомандующего русскими войсками в начале Семилетней войны, обвиненного в измене, арестованного и умершего во время следствия. В 1840-х гг. С.С. Щербатова была широко известна как благотворительница, основала Дамское попечительство о бедных и Никольскую общину сестер милосердия в Москве; председатель совета детских приютов Москвы.

[192] Имеется в виду *Екатерина Алексеевна Щербатова*, в замужестве княгиня Васильчикова.

[193] Дочь А.Г. Щербатова *Наталья* скончалась в 1826 г. в возрасте семи лет.

[194] *Франц I* (1768 – 1835) – император Австрии с 1804 г.

[195] *Церковь Святого Петра и Павла* – имеется в виду собор Святого Петра в Риме (Ватикан), построенный в 324 г. и с тех пор неоднократно перестраивавшийся. С балкона собора Святого Петра глава римско-католической церкви, римский папа, в особо торжественные религиозные праздники обращается к верующим. Центральные бронзовые ворота собора украшают фигуры святых Петра и Павла. *Замок Святого Ангела (Château St. Ange)* – построен во II в.н.э. по приказу римского императора Адриана как его мавзолей. В средние века использовался как тюрьма, в которой, в частности, был заключен Джордано Бруно. Впоследствии музей. По форме напоминает *жирандоль* (канделябр, подсвечник – фр.).

[196] В 1800 – 1823 гг. папой римским был *Пий VII* (*граф Кьярамонти,* 1740 – 1823), известный своей непоследовательной политикой в годы правления Наполеона Бонапарта. В 1801 г. папа заключил соглашение (конкордат) с Наполеоном, восстанавливающее католицизм во Франции, в 1804 г. короновал Наполеона как императора Франции. В 1809 г. Наполеон присоединил к Франции папские владения, вследствие чего папа отлучил Наполеона от церкви. В том же году по приказу Наполеона папа был захвачен в плен, из которого освобожден лишь в 1814 г.

[197] *Помпея (Помпеи)* и *Эркуланум (Геркуланум)* – древние итальянские города, погребенные под пеплом при извержении вулкана Везувий в I в.н.э. Остатки этих городов сохранились до наших дней.

[198] Жилище пустынника, отшельника (фр.).

[199] Слеза Христова (лат.).

[200] Нищий, босяк (итал.).

[201] Черная гора (итал.).

[202] Скорее всего, имеются в виду: *Мальцев Сергей Акимович* (1771 – 1823) – известный фабрикант и меценат, его жена *Анна Сергеевна* (урожденная княжна Мещерская) и их сын *Иван Сергеевич* (1807 – 1880) – впоследствии дипломат, в 1828 г. старший секретарь русского посольства в Персии, единственный оставшийся в живых после разгрома посольства в январе 1829 г. и убийства русского посла А.С. Грибоедова.

[203] Порт де Лиричи (фр.).

[204] *Нови* – город в Северной Италии, около которого 4 августа 1799 г., в ходе Итальянского похода А.В. Суворова, русско-австрийские войска разгромили французские войска генерала Б.К. Жубера. Город был взят, а сам Жубер при этом погиб.

[205] *Ла Скала (La Scala)* – оперный театр в Милане, построенный в 1776-1778 гг.

[206] В 1815 г., согласно решению Венского конгресса, из северных итальянских областей Ломбардии и Венеции было образовано Ломбардо-Венецианское королевство в составе Австрийской империи. Королевство управлялось вице-королем. Столицей королевства был город Милан. Управлявший королевством австрийский *эрцгерцог Реньер* был братом Франца I (1768 – 1835), австрийского государя и императора Священной Римской империи с 1792 г., в 1804 г. принявшего титул императора Австрии.

[207] Имеется в виду кафедральный собор в Милане, строительство которого было начато в 1386 г., а закончено только в 1813 г.

[208] В 1805 г. на территориях Северной Италии было организовано Итальянское королевство; Наполеон принял на себя титул итальянского короля. Торжественная и пышная церемония его коронования в кафедральном соборе Милана состоялась 14 мая 1805 г. Железной короной, хранившейся до этого в Павии, по преданию, короновались лангобардские короли Италии (VI – VIII вв.).

[209] *Симплонская дорога* – дорога, связывающая север и юг Европы. Название получила от Симплонского перевала в Альпах, через который проходила. Строительство этой дороги было начато еще в XIV в., однако значительный прогресс в ее строительстве был достигнут только в 1800 – 1807 гг.

[210] После падения Наполеона территория Северной Италии перешла под власть Австрии.

[211] *Комо (Como)*, озеро у южных подножий Альп в Северной Италии, на высоте 198 м.

[212] *Сомарива* – маркиз, адвокат, итальянский государственный деятель времен наполеоновского господства.

[213] *Майорское озеро* (Лаго-Маджоре, Lago Maggiore) – озеро в Италии и Швейцарии, в южных отрогах Альп, на высоте 194 м.

[214] Расположенные на Лаго-Маджоре небольшие живописные острова *Мадре (Isola Madre), Белла (Isola Bella)* и *Пескатори (Isola Pescatori)* составляют архипелаг Борромео.

[215] *Святой Карл Борромео (Charles Borromée)* (1538 – 1584) – с 1565 г. епископ Милана, сторонник реформации. В 1610 г. причислен к лику святых, один из самых известных католических святых.

[216] Памятник Карлу Борромео на берегу Лаго-Маджоре, около его родного города Арона, строился в 1614 – 1698 гг. Высота полого внутри памятника составляет 35 м.

[217] *Щербатов Григорий Алексеевич* (1819 – 1881) – князь, сын А.Г. Щербатова. Первоначальное образование получил дома, в 1835 – 1838 гг. обучался на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, затем поступил на службу во II отделение Собственной Его императорского величества канцелярии. С 1839 г. на военной службе в Киевском гусарском полку, в том же году прикомандирован к Кавалергардскому полку. С 1842 г. вновь на статской службе советником Московского губернского правления. В 1848 – 1855 гг. помощник попечителя Московского учебного округа. В 1855 – 1856 гг., в период Крымской войны, вновь на военной службе в чине капитана, один из организаторов государственного ополчения Владимирской губернии, участник обороны Севастополя. В 1856 – 1858 гг. – попечитель Санкт-Петербургского университета и председатель Цензурного комитета. С 1858 г. в отставке. В 1861 – 1864 гг. Санкт-Петербургский губернский предводитель дворянства, затем избран гласным в Санкт-Петербургскую думу.

[218] *Кампредон (Campredon) Жак-Девир-Мартен* (1761 – 1837) – барон, генерал французской армии. Участник революционных и наполеоновских войн. В кампаниях 1812 и 1813 – 1814 гг. командовал соединениями неаполитанских войск; взят в плен при сдаче Данцига. После реставрации перешел на сторону Бурбонов, с 1815 г. в отставке. Впоследствии пэр Франции.

[219] *Петрарка Франческо* (1304 – 1374) – великий итальянский поэт. Воклюзский источник в его поэзии – символ уединения и поэтического вдохновения.

[220] *Улица Мира* (фр.) – одна из центральных улиц Парижа. До отречения Наполеона носила его имя.

[221] *Театр у ворот Сен-Мартен* (фр.) – популярный драматический театр Парижа. Основан в 1781 г.

[222] *Потье (Potier) Шарль* (1775 – 1838) – известный французский актер.

[223] Имеется в виду сестра А.Г. Щербатова Софья Григорьевна, в первом браке графиня Шувалова.

[224] Шоссе *Дантан*, улица *Тебу* (фр.) – центральные парижские улицы.

[225] 1 июня 1821 г. французский парламент принял новый избирательный закон, получивший название «закон о двойных вотумах». Этот закон устанавливал высокий денежный ценз для выборщиков и резко ограничивал возможности бедных слоев населения принимать участие в выборах. Дебаты по этому закону происходили в парламенте с 24 апреля и сопровождались многолюдными митингами протеста на улицах Парижа. Часть митингов была разогнана армией.

[226] *Строганов Сергей Григорьевич* (1794 – 1882) – граф, государственный деятель, ученый и меценат. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813 – 1814 гг. После окончания войны несколько лет жил в Париже, изучая художественную культуру и архитектуру французской столицы. В 1825 г. организовал в Москве техническую школу рисования (Строгановское училище). Впоследствии его внучка *Ольга Александровна Строганова* вышла замуж за внука А.Г. Щербатова *Александра Григорьевича* (1850 – 1915).

[227] Французский парламент заседал в Люксембургском дворце в Париже. Парламент был создан после реставрации Бурбонов и состоял из двух палат («камер»). В верхнюю палату (палату пэров) ее члены назначались пожизненно, в нижнюю палату (палату депутатов) – избирались.

[228] Площадь Согласия (фр.).

[229] *Лувель Луи-Пьер* (1783 – 1822) – французский рабочий-седельщик, 1 февраля 1820 г. заколовший кинжалом *Шарля Фердинанда де Бурбона, герцога Беррийского* (1778 – 1820), сына графа д'Артуа. Суд над Лувелем и последующая его казнь превратились в важные события в общественной жизни Европы.

[230] Главный распорядитель (фр.) – высший чин административных и судебных ведомств Франции.

[231] *Пакетбот* (от англ. *packetboat* – почтовое судно) – небольшое парусное судно, предназначавшееся для доставки почты.

[232] *Ливен Христофор Андреевич* (1774 – 1838) – русский военный и государственный деятель. В 1798-1808 гг. начальник Военно-походной канцелярии императора Александра I, в 1812 – 1834 гг. – русский посол в Англии.

[233] *Георг IV* (1762 – 1830) – с 1811 г. английский принц-регент, с 1820 г. король Англии.

[234] Имеется в виду *Каролина Амелия Елизавета*, герцогиня Брауншвейг-Люнебургская (1768 – 1821) – с 1795 г. жена Георга IV. С 1814 г. жила в Италии, где вступила в любовную связь с одним из своих придворных. В июне 1820 г., несмотря на протесты Георга IV, вернулась в Лондон и заявила свои права на престол. Взаимоотношения Георга и Каролины стали предметом разбирательства в правительстве и парламенте Англии. Правительство расторгло брак короля и лишило Каролину титула королевы, однако палата лордов отклонила это решение. В самый разгар дискуссии королева скоропостижно умерла.

[235] *Дилижансы* (*diligences*) – особый вид почтовых и пассажирских карет; первый пассажирский транспорт в Европе. В России впервые появился в 1821 г., однако до 1840-х гг. известностью не пользовался.

[236] Долина Святой Елены (фр.)

[237] *Ольга Алексеевна Щербатова* впоследствии вышла замуж за князя Сергея Федоровича Голицына; сын А.Г. Щербатова *Борис* скончался в 1826 г. в возрасте двух лет.

[238] *Дибич (Дибич-Забалканский) Иван Иванович* (1785 – 1831) – граф, генерал-фельдмаршал (1829). На русской службе с 1801 г. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813 – 1814 гг. С 1815 г. – начальник штаба 1-й армии, в 1823 – 1828 г. – начальник Главного штаба всей русской армии. Во время русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. находился при главнокомандующем П.Х. Витгенштейне, затем сменил его в должности главнокомандующего; за победы в этой войне получил чин генерал-фельдмаршала и приставку к фамилии «Забалканский». В 1830-1831 гг. руководил подавлением восстания в Польше. Умер от холеры.

[239] Наводнение 7 ноября 1824 г. считается самым сильным за всю историю Петербурга; современники назвали его «потопом». В городе было полностью разрушено больше 300 домов, имелись многочисленные человеческие жертвы.

[240] Имеется в виду сестра А.Г. Щербатова *Наталья Григорьевна,* в замужестве Скарятина, и ее семья: муж *Яков Федорович Скарятин* (1780 – 1850), к тому времени полковник в отставке (см. о нем сноску 2), и дети *Григорий* (1808 – 1849), *Федор* (1806 – 1835), *Александр* (1815 – 1884), *Владимир* (1812 – 1870) и *Николай* (1821 – 1894). В 1825 г. Григорий Яковлевич и Федор Яковлевич Скарятины были определены юнкерами в Нарвский драгунский полк. В декабре 1825 г. А.Г. Щербатов, исполняя приказ военного министра графа А.И. Татищева, арестовал их по подозрению в причастности к заговору декабристов. На следствии выяснилось, что они не состояли

в тайном обществе, однако Федор Скарятин знал о его существовании. Вскоре братья были отпущены; при этом Федору Скарятину арест был вменен в наказание и он был возвращен на службу под надзор своего дяди.

[241] Император Александр I скоропостижно скончался в Таганроге 19 ноября 1825 г.

[242] По закону о престолонаследии российским императором после бездетного Александра I должен был стать следующий за ним по старшинству брат, Константин Павлович. Однако цесаревич Константин еще при жизни Александра I подписал акт о своем отречении от престола в пользу младшего брата Николая Павловича (1796 – 1855); существовало и завещание императора, по которому престол передавался Николаю. Эти документы до смерти Александра I хранились в глубокой тайне, однако слухи о передаче престола младшему брату, минуя старшего, давно будоражили русское общество. В ноябре 1825 г. российская армия и чиновники принесли присягу императору Константину I, а затем последовала вторая присяга – Николаю I. Ситуация междуцарствия привела к острому кризису власти в России, которым воспользовались декабристы для организации вооруженных выступлений.

[243] Первое тайное общество декабристов, Союз спасения, было организовано в 1816 г., второе, Союз благоденствия, в 1818 г. После упразднения Союза благоденствия в 1821 г. было организовано Южное общество с центром в Тульчине, а в 1823 г. – Северное общество с центром в Петербурге.

[244] *Муравьев (Муравьев-Апостол) Сергей Иванович* (1795 – 1826) – подполковник, декабрист. Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813 – 1814 гг. С ноября 1822 г. – командир батальона Черниговского пехотного полка (батальонная квартира в городе Василькове Киевской губернии). Организатор и руководитель восстания Черниговского полка. Казнен по приговору Верховного уголовного суда.

[245] А.Г. Щербатов не вполне верно излагает ход восстания Черниговского полка. К моменту его начала полк уже принес присягу Николаю I и был распущен по своим квартирам. Восстание началось в ночь с 28 на 29 декабря 1825 г. в селении Трилесы Киевской губернии, в месте расположения 5-й мушкетерской роты Черниговского полка. Непосредственным поводом к нему стала попытка ареста С.И. Муравьева-Апостола, в ходе которой он оказал вооруженное сопротивление. 30 декабря восставшие без выстрелов заняли город Васильков, из которого ушли 31 декабря. В этот же день они заняли селение Мотовиловку, в котором оставались до утра 2 января. Ночь со 2-го на 3-е января восставшие провели в селении Пологи, после чего

по приказу Муравьева-Апостола было предпринято возвратное движение на Трилесы. Однако 3 января 1826 г., не доходя до Трилес, между селениями Ковалевкой и Устимовкой, Черниговский полк был остановлен артиллерийским огнем правительственных войск, а затем атакован гусарами. При усмирении восстания подполковник Муравьев-Апостол был тяжело ранен. В ходе восстания С.И. Муравьев-Апостол действительно пытался установить связи с другими воинскими частями, в которых служили участники заговора на юге. Однако мемуарист здесь умалчивает о важной части плана руководителя восстания черниговцев: о попытке наладить связи с ним самим и киевским гарнизоном (См. об этом подробнее: *Киянская О.И.* Южный бунт. М., 1997. С. 71 – 97).

[246] *Рот (Ротт) Логгин Осипович* (1780 – 1851) – генерал от инфантерии (1827). Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813 – 1814 гг. В 1825 – 1826 гг. – генерал-лейтенант, командир 3-го пехотного корпуса 1-й армии, в состав которого входил Черниговский полк. Проявил решительность и активность в организации подавления этого восстания.

[247] А.Г. Щербатов уклонился от предложения генерала Рота принять участие в подавлении мятежа черниговцев, несмотря на то, что войска его корпуса располагались в непосредственной близости от места дислокации этого полка.

[248] В подавлении мятежа черниговцев принимали участие Мариупольский, Александрийский и принца Оранского гусарские полки, 18-й егерский полк, 5-я и 6-я конно-артиллерийские роты; все они входили в состав 3-го пехотного корпуса. По приказу генерала Рота эти войска были разделены на четыре отряда, и к утру 3 января Черниговский полк был полностью окружен. В непосредственном военном столкновении с мятежниками участвовал так называемый «средний отряд» под командованием генерал-майора Ф.К. Гейсмара, состоящий из трех эскадронов гусар и 5-й конно-артиллерийской роты.

[249] После подавления восстания черниговцев в Киев были присланы генерал-лейтенант Н.И. Демидов и полковник Н.Д. Дурново, в задачу которых входило обнаружить киевскую управу Южного общества. Однако в результате проведенного расследования подобной управы найдено не было.

[250] Подозревая А.Г. Щербатова в «неблагонадежности», главнокомандующий 1-й армией Ф.В. Остен-Сакен в ноябре 1825 г. послал в Киев своего агента, капитана гвардии В.С. Сотникова. В январе 1826 г. в Киев был прислан другой агент – капитан Севского пехотного полка Бротериус. Узнав

о деятельности Сотникова и Бротериуса, Щербатов посчитал себя оскорбленным. Письмо Щербатова к Ф.В. Остен-Сакену по этому поводу см. в Приложении № 1 (документ №17).

[251] Факт приезда А.Г. Щербатова в Москву и Петербург весной 1826 г. документально не подтверждается; согласно документам, его прошение об отпуске не было одобрено императором Николаем I (см. в Приложении № 1 документ №21).

[252] *Щербатов Владимир Алексеевич* (1826 – 1888) – князь. Впоследствии дослужился до чина действительного статского советника (1864), был саратовским гражданским губернатором, гофмейстером двора (1876).

[253] *Елизавета Алексеевна* (1779 – 1826; до замужества Луиза-Мария-Августа, принцесса Баденская) – жена императора Александра I, с 1801 г. русская императрица.

[254] Маневры 2-го пехотного корпуса под Вязьмой происходили в первой половине мая 1827 г.

[255] *Сражение под Вязьмой* произошло 22 октября 1812 г. Авангард русской армии под командованием генерала М.А. Милорадовича вместе с казачьим корпусом генерала М.И. Платова и дополнительными силами генерала Ф.П. Уварова попытались окружить арьергард французской армии под командованием маршала Л. Даву. Несмотря на то, что окончательного разгрома войск Даву достичь не удалось, французы были вынуждены оставить город Вязьму.

[256] В 1827 г. Россией, Великобританией и Францией была подписана Лондонская конвенция о совместных действиях против Турции с тем, чтобы заставить ее предоставить автономию Греции. Однако турецкий султан Махмуд II отверг эту конвенцию. 8 ноября 1827 г. в Наваринской бухте состоялось морское сражение, в ходе которого объединенные эскадры России, Англии и Франции разгромили турецко-египетский флот. После этого в декабре 1827 г. турецкий султан объявил «священную войну» России. 14 апреля 1827 г. Россия объявила войну Турции.

[257] В ходе кампании 1828 г. крепость Силистрия так и не была взята русскими войсками.

[258] И.И. Дибич в 1828 г. был начальником Главного штаба русской армии. Он был одним из активных сторонников войны с Турцией и отвечал за стратегический план ведения этой войны. В его неудачных распоряжениях, а также в том, что он своим присутствием в армии сковал инициативу главнокомандующего П.Х. Витгенштейна, современники усматривали основную причину неудачи кампании 1828 г.

[259] *Панин Никита Егорович* (1801 – 1875) – в 1828 г. поручик лейб-гвардии Кавалергардского полка, адъютант А.Г. Щербатова. В службе с мая 1816 г. юнкером лейб-гвардии Конно-егерского полка, с 1822 г. – прапорщик, в 1823 г. переведен в Ахтырский гусарский полк. В 1824 г. назначен адъютантом к генералу от кавалерии Н.Н. Раевскому и получил чин поручика. В сентябре 1825 г. назначен адъютантом к А.Г. Щербатову. В 1826 г. переведен в лейб-гвардии Кирасирский, а в 1828 г. – в Кавалергардский полк с оставлением в должности адъютанта. В 1829 г. – штаб-ротмистр, назначен адъютантом к генерал-фельдмаршалу графу И.И. Дибичу-Забалканскому. С 1831 г. – ротмистр, назначен адъютантом к генерал-фельдмаршалу князю И.Ф. Паскевичу-Эриванскому. Участник русско-турецкой войны 1818-1829 г. и подавления восстания в Польше (1831). С 1833 г. в отставке. Был женат на сестре декабриста К.А. Охотникова Анне Алексеевне, в 1826 г. подозревался в причастности к тайным обществам (См. о нем: РГВИА. Ф. 395. Оп. 22, 1 отд., 1833, 2 ст. Д. 232. Л. 4 – 13 об).

[260] Имеется в виду генерал Петр Петрович Пален. См. о нем выше.

[261] Имеется в виду *Павел Дмитриевич Киселев* (1788 – 1872) – граф (1839), генерал от инфантерии (1834). Участник Отечественной войны и заграничных походов русской армии 1813 – 1814 гг. В 1819 г. генерал-майор, назначен начальником штаба 2-й армии (главнокомандующий – П.Х. Витгенштейн). В ходе кампании 1828 г. – начальник штаба действующей армии. После успешного окончания войны до 1834 г. исполнял должность председателя Диванов – органов самоуправления княжеств Молдавии и Валахии. В 1837 – 1856 гг. – министр государственных имуществ, провел реформу управления государственными крестьянами. В 1856 – 1862 гг. – посол России в Париже.

[262] Крепость Варна была взята русскими войсками 29 сентября 1828 г. одновременной атакой с суши и с моря.

[263] Кампания 1829 г. была для русской армии гораздо успешнее, чем предыдущая. И.И. Дибич сменил П.Х. Витгенштейна в должности главнокомандующего русскими войсками. Под его командованием 30 мая в сражении при Кулевче русские войска разбили вдвое превосходящие силы турок, 18 июня была взята крепость Силистрия. Затем русская армия перешла Балканы, 8 августа взяла город Адрианополь и создала угрозу занятия Стамбула. Одновременно русский флот блокировал проливы Босфор и Дарданеллы. В этих условиях султан Махмуд II был вынужден согласиться с условиями мира, и 2 сентября 1829 г. был заключен Адрианопольский мирный договор. Согласно этому договору Греция, как и многие другие территории, входившие в состав Османской империи, получила широкую автономию.

За успешно проведенную кампанию И.И. Дибич получил приставку к фамилии «Забалканский» и чин генерал-фельдмаршала. *Паскевич Иван Федорович* (1782 – 1856) – граф Эриванский (1828), светлейший князь Варшавский (1831), генерал-фельдмаршал (1829). Участник Отечественной войны и заграничных походов русской армии 1813 – 1814 гг. С марта 1827 г. – командир Отдельного Кавказского корпуса. В 1828 – 1829 гг. руководил войсками, успешно действовавшим на Кавказском театре военных действий. В 1831 г. назначен главнокомандующим действующей армии против поляков, успешно действовал по подавлению этого восстания.

[264] Волнения в Польше начались в августе 1830 г. в связи с известием об июльской революции 1830 г. во Франции и слухами о том, что польские войска предназначены для подавления этого восстания. Восстание началось в Варшаве 17 ноября 1830 г. нападением на казармы русских войск и неудачной попыткой убийства великого князя Константина Павловича. Той же ночью Константин бежал из города и призвал к себе русские войска; таким образом, Варшава оказалась полностью под властью восставших. Сразу же после этого восстание распространилось по всей территории Польши. Ставший во главе государства и армии бывший наполеоновский генерал Г.-И. Хлопицкий пытался наладить отношения с императором Николаем I, однако император на переговоры не пошел. 8 января 1831 г. генерал Хлопицкий был смещен со своих должностей и заменен князем М. Радзивиллом. 13 января польский сейм принял акт о лишении Николая титула польского короля.

[265] *Михаил Павлович* (1798 – 1849) – великий князь, младший брат императоров Александра I и Николая I. В 1830-х гг. командир Отдельного Гвардейского корпуса.

[266] *Сражение при Грохове* происходило 7 – 13 февраля 1831 г. В ходе сражения повстанцам удалось несколько потеснить русские войска, однако из-за значительного численного и огневого превосходства русских поляки были вынуждены отступить к Варшаве. После сражения должность главнокомандующего польскими восками перешла к генералу Я.З. Скрженецкому.

[267] В ночь с 18 на 19 марта 1831 г. польские войска начали мощное наступление на русские позиции. В результате русские понесли большие потери и вынуждены были отступить от Варшавы. Наступление повстанцев было окончательно остановлено лишь в конце мая, в сражении при Остроленке.

[268] *Уминский (Уминьский) Ян Непомук* (1780 – 1851) – польский генерал. В составе польского корпуса Великой армии участвовал в кампаниях 1812 и 1813 – 1814 гг. В сражении под Лейпцигом был ранен и взят в плен.

В 1821 г. арестован за антиправительственную деятельность, в 1830 г., после начала польского восстания, бежал из тюрьмы. В повстанческой армии командовал дивизией. Прусским судом был заочно приговорен к смертной казни.

[269] *Скрженецкий Ян Зигмунд* (1787 – 1860) – польский генерал. В составе польского корпуса Великой армии участвовал в кампаниях 1812 и 1813 – 1814 гг. С февраля по июль 1831 г. командовал войсками повстанцев. Вел неудачные переговоры с русским командованием о прекращении военных действий на условиях сохранения польской конституции.

[270] Столкновение русских и польских войск при селении Жолтки, у переправы через реку Нарев, произошло 10 марта 1831 г. и закончилось победой русских войск.

[271] Соединение русской гвардии с основными силами фельдмаршала И.И. Дибича-Забалканского произошло 3 мая 1831 г. в районе города Остроленки.

[272] *Сражение при Остроленке* произошло 14 мая и закончилось победой русских войска; польские войска вновь были вынуждены отступить к Варшаве.

[273] Фельдмаршал И.И. Дибич-Забалканский умер от холеры 30 мая 1831 г.

[274] *Толь Карл Федорович* (1777 – 1842) – граф (1829), генерал от инфантерии. Участник Отечественной войны и заграничных походов русской армии, генерал-квартирмейстер 1-й армии, затем – генерал-квартирмейстер Главного штаба русской армии. В 1823 – 1828 гг. – начальник штаба 1-й армии. Во время русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. и Польской кампании 1831 г. – начальник штаба действующей армии.

[275] 7 июля 1831 г. русская армия при помощи понтонных мостов начала переправу на левый берег Вислы около города Осецка и повела наступление на Варшаву. 7 августа началась осада Варшавы.

[276] 8 июля 1831 г., при известии о наступлении русских войск на Варшаву, в столице Польши начался народный бунт. Правительство, уступая народному давлению, было вынуждено арестовать нескольких генералов и офицеров, подозревавшихся в измене; впоследствии все они были растерзаны восставшей толпой. С этого момента руководители восстания практически потеряли контроль над ситуацией.

[277] Генерал Скрженецкий был вынужден подать в отставку в конце июня 1831 г., и польская армия осталась без главнокомандующего.

[278] *Крюковецкий Ян Стефан* (1772 – 1850) – польский генерал. В составе польского корпуса Великой армии участвовал в кампаниях 1812 и 1813 – 1814 гг.

В 1830 г., после начала восстания в Польше, – военный губернатор Варшавы. Ушел с этого поста из-за разногласий с генералом Я.З. Скрженецким, однако после отставки последнего вновь принял эту должность, затем был назначен главнокомандующим польскими силами. Руководил обороной Варшавы, вел неудачные переговоры с И.Ф. Паскевичем-Эриванским об условиях капитуляции повстанцев. После падения Варшавы был взят в плен. Жил в Центральной России, затем вернулся в Польшу.

[279] Штурм Варшавы происходил 26 – 27 августа 1831 г.

[280] После взятия Варшавы польская армия, разделившись на три части, сложила оружие и перешла границы с Пруссией, Австрией и независимой Краковской республикой. Часть польских солдат, оставшихся в крепостях Плоцк, Модлин и Замостье, в течение сентября 1831 г. сдалась русским.

[281] *Генерал-аудиториат* – высший военно-юридический орган в России, заведовавший всей судебной и следственной частью армии.

[282] Имеется в виду *«Устав воинский»*, принятый Петром I в 1716 г., предусматривавший смертную казнь за большинство военных преступлений. Основные положения этого устава действовали до конца XIX в.

[283] Судя по этой последней фразе, первую часть своих записок А.Г. Щербатов окончил 19 марта 1837 г.

[284] В результате пожара в Зимнем дворце 17 – 19 декабря 1837 г. погибло практически все архитектурно-декоративное убранство парадных зал и личных апартаментов императора, большая часть мебели. Однако основные сокровища дворца и Эрмитажа удалось спасти.

[285] В 1826 г. была образована Собственная Его императорского величества канцелярия; II отделение этой канцелярии, которой руководил М.М. Сперанский, ведало составлением и кодификацией законов Российской империи.

[286] *Государственный Совет* – высший законосовещательный орган Российской Империи. Создан в 1810 г. по проекту М.М. Сперанского. Готовил законопроекты для утверждения императором.

[287] Подчеркнуто в тексте.

[288] *Бенкендорф Александр Христофорович* (1781 – 1844) – граф (1832), генерал от кавалерии. В Отечественной войне и заграничных походах русской армии 1813 – 1814 гг. командовал партизанскими соединениями. После окончания военных действий командовал бригадой, затем дивизией, был начальником штаба Гвардейского корпуса. С 1826 г. – шеф корпуса жандармов, командующий императорской Главной квартирой и начальник III Отделения Собственной Его императорского величества канцелярии (политической полиции).

[289] nous avions un grand procès à Ekaterinoslaw – *Прим. А.Г. Щербатова*. Перевод: У нас была большая тяжба в Екатеринославе (фр.).

[290] Вчера на балу, любезный друг, Его величество император говорил со мной с добротой, которая потрясла все мои чувства истинно русского и дворянина, я вполне готов, с эполетами или без оных, посвятить Ему, если Он <1 сл. нрзб.> еще полагать их полезными, последние дни моей жизни. Все, что Он соблаговолит решить, я буду рассматривать как идущее из моего собственного сердца.

Вам известно лучше, чем кому-либо, что я должен ехать уже завтра, чтобы спасать состояние, которое Вы сами помогли мне держать в неопределенности. Я уже одной ногой в коляске и с нетерпением жду Вашего ответа.

Примите уверение в искренней дружбе

Сего 24 апреля (фр.).

[291] *Кавалергардский полк* – самый привилегированный полк российской гвардии; считался почетной стражей императора.

[292] Торжественная закладка храма Христа Спасителя (проект архитектора К. Тона) состоялась 12 сентября 1829 г. на берегу Москвы-реки, недалеко от Кремля. Храм был призван увековечить память героев, погибших в ходе войны с Наполеоном.

[293] Официальное название Комитета, которым руководил А.Г. Щербатов, – «*Комитет для вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб- и обер-офицерам*». Должность председателя Комитета Щербатов занимал до 15 августа 1844 г.

[294] Имеется в виду *Екатерина Алексеевна Щербатова*. Ее муж *Илларион Илларионович Васильчиков* (1805 – 1862) – сын И.В. Васильчикова, боевого товарища А.Г. Щербатова, впоследствии генерал-лейтенант, член Государственного совета, киевский, подольский и волынский губернатор.

[295] *Николай Александрович* (1843 – 1865) – великий князь, цесаревич, старший сын наследника престола Александра Николаевича (будущего императора Александра II) и его жены, великой княгини Марии Александровны. Должен был унаследовать российский престол, однако скоропостижно скончался в Ницце.

[296] А.Г. Щербатов был утвержден в должности московского генерал-губернатора 14 апреля 1844 г.

[297] В 1848 – 1849 гг. по Европе прокатилась волна революционных и освободительных движений, известных как «Весна народов». Одной из основных забот российских властей в этот период было препятствование распространению революционной волны на Россию.

[298] *Чертков Александр Дмитриевич* (1789 – 1858) – отставной полковник, московский уездный (с 1835) и губернский (1845 – 1856) предводитель дворянства. Участник заграничных походов русской армии 1813 – 1814 гг. и русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. Историк, коллекционер, автор ряда работ по древнейшей русской истории и нумизматике.

[299] *Лепешкин Семен Логинович* (1787 – 1855) – купец 1-й гильдии, коммерции советник, почетный гражданин г. Москвы. В 1846 – 1849 гг. – городской голова Москвы (председатель Московской городской Думы).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

А.Г. ЩЕРБАТОВ
И ДВИЖЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

№ 1

Отношение главнокомандующего 1-й армией генерала от инфантерии Ф.В. Остен-Сакена командиру 4-го пехотного корпуса А.Г. Щербатову от 19 декабря 1825 г.[1]

Секретно
[1825 г. Декабря 19]

Милостивый государь
князь Алексей Григорьевич!

Еще до поступления 4-го пехотного корпуса под начальство Вашего сиятельства некоторые чиновники сего корпуса замечены были участниками тайных обществ. С воспоследованием Высочайшего указа об уничтожении тайных обществ[2] хотя и обязались они прекратить всякое с ними сношение, но, невзирая на то, беспрестанно возникало подозрение, что они оставались им преданными. Секретными разведываниями обнаружено было существование тайного союза в Киеве[3]; цель оного, – по основательному подозрению, – клонилась к ниспровержению законной императорской власти.

Сомнения сии оправдались ныне совершенно. Союз обнаружился и часть сообщников созналась. Остается теперь открыть весь круг преступного общества сего.

Государь император, сохраняя всегда полную доверенность к правоте и преданности Вашего сиятельства к высочайшему престолу, лично чрез начальника главного штаба вверенной мне армии[4]

повелеть мне соизволил объявить вам: что Его величество поручает вам принять самые деятельные, но осторожные меры к открытию дальнейших отраслей сего союза, части коего существуют точно в 4-м пехотном корпусе.

Дабы доставить Вашему сиятельству все зависящие от меня средства к скорому успеху, я препровождаю при сем список некоторым воинским чиновникам и частным лицам, которые оставались членами киевской отрасли тайного общества после закрытия масонских лож[5].

Особенные предосторожности прошу вас взять против окружающих вас чиновников. Сколько мало можно верить в нынешнее время окружающим, это показывает дежурный штаб-офицер вверенного вам корпуса князь Трубецкой[6], один из главных участников заговора, который, будучи изобличен, пав к стопам Государя, сам во всем сознался и теперь содержится в крепости впредь до окончательного решения. – Что, однако ж, я сообщаю собственно для вашего сведения. – Много помочь наблюдение за лицами, с которыми он имел связь и переписку. Сколько мне известно, то адъютант Вашего сиятельства Панин и старший адъютант Ильин[7] также сомнительны.

Затем остаюсь в ожидании уведомления от Вашего сиятельства с сим же нарочным, не сделали ли вы ныне какого замечания или не имеются ли в виду подозрительные лица, коих поступки сомнительны

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего сиятельства покорный слуга

граф *Сакен*.

№ 299.
Декабря 19 дня 1825 г.
г. Могилев Бело[русский]

---

[1] Текст печатается по: Материалы о восстании Черниговского полка из архива А.Г. Щербатова // Декабристы. Редакция Н.П. Чулкова. М., 1938. С. 14 – 15.

[2] Согласно указу императора Александра I от 1 (13) августа 1822 г. в России были запрещены все тайные общества, в том числе и масонские ложи.

[3] В 1824 г. Ф.В. Остен-Сакен получил сообщение от генерал-полицмейстера Ф.Ф. Эртеля о существовании в Киеве тайного общества. Среди членов этого общества был назван генерал Н.Н. Раевский, предшественник Щербатова в должности командира 4-го пехотного корпуса, и некоторые офицеры и чиновники из его окружения (См. об этом: *Семевский В.И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 307 – 309). Впоследствии приведенные в этом доносе сведения не подтвердились

[4] Начальником штаба 1-й армии был генерал-лейтенант *Карл Федорович Толь*.

[5] Список этот не обнаружен ни в официальной переписке, ни в бумагах А.Г. Щербатова.

[6] *Трубецкой Сергей Петрович* (1790 – 1860) – полковник, декабрист. Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813 – 1814 гг. В декабре 1824 г. назначен дежурным штаб-офицером 4-го пехотного корпуса, с января по октябрь 1825 г. жил в Киеве, с ноября 1825 г. – в отпуску в Петербурге. Один из основателей Союза Спасения, один из руководителей Союза Благоденствия и Северного общества декабристов. Был избран в диктаторы выступления 14 декабря 1825 г., однако на Сенатскую площадь не вышел. Осужден в каторжную работу вечно.

[7] *Ильин* (р. в 1791 г.) – подполковник Московского пехотного полка, старший адъютант 4-го пехотного корпуса. В службе подпрапорщиком Углицкого пехотного полка с 1808 г., с 1809 г. – портупей-прапорщик. В 1811 г. переведен в Софийский пехотный полк и произведен в прапорщики, в 1812 г. переведен в 49-й Егерский полк. Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813 – 1814 гг. (ранен в руку в «битве народов» под Лейпцигом). В 1813 г. – подпоручик, в 1814 г. – поручик, в 1813 г. – штабс-капитан, в 1814 г. переведен в 50-й Егерский полк, в 1815 г. – штабс-капитан. В 1816 г. – майор, назначен старшим адъютантом 3-го (впоследствии переименованного в 4-й) пехотного корпуса. В 1817 г. – переведен в Московский пехотный полк, в 1823 г. – подполковник. В 1827 г. переведен в 18-й Егерский, а затем в Алексопольский пехотный полк. Участник русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. В 1831 г. заболел чахоткой и, скорее всего, вышел в отставку (См. о нем: *РГВИА. Ф. 395. Оп. 20, 1831 г., 1 отд., 3 стол. Д. 437*).

Приложение 1

№ 2

Отношение командира 4-го пехотного корпуса А.Г. Щербатова главнокомандующему 1-й армией генералу от инфантерии Ф.В. Остен-Сакену от 25 декабря 1825 г.[1]

№ 12. Получено 25 декабря 1825 г.[2]

Милостивый государь
Граф Фабиан Вильгельмович.

Спешу отвечать Вашему сиятельству на письмо Ваше от 19 декабря, коего содержание меня поразило. Приняв с глубочайшим благоговением и благодарностию изречение доверенности ко мне Его императорского величества, в письме Вашем изъясненное, и которое во всяком случае стараться буду оправдать, я долгом поставляю объявить Вашему сиятельству следующее:

При самом назначении моем начальником 4-го пехотного корпуса, зная о подозрении, падшем на некоторых чиновников оного в принадлежности их к тайным обществам, в Киеве существующих, я всячески разведывал о существовании сих союзов и членах оных, особенно о чиновниках 4-го корпуса, но все сведения, полученные мною как от начальника корпусного штаба генерал-майора Красовского[3], коего усердие и преданность к престолу мне кажутся несомненны, также и от здешнего губернатора Ковалева, удостоверили меня, что как в войске, так и в городе не замечены никакие собрания, ни разговоры, сумнению подлежащие, для открытия коих губернатор употреблял разные скрытные меры. Что же касается до общества, которые я сам вижу, то по всей справедливости могу сказать, что в них не заметил никакого духа, противного благоденствию и покорности властям. Окружающие же меня чиновники ведут себя скромно и не имеют почти возможности заводить неприличных связей, находясь почти беспрестанно при мне. В особенности же об адъютанте моем Панине считаю долгом по чести и совести сказать Вашему сиятельству, что я старался получить верные сведения о поступках его во время нахождения его адъютантом за ген[ералом]

Раевским и получил самые одобрительные отзывы, а с тех пор, как он при мне, я ничего другого в нем не замечал, как большую скромность и все чувства благомыслившего молодого человека, впрочем, довольно простого и не сродного к хитростям. О старшем же адъютанте Ильине скажу только, что он человек добрый, но весьма простой, робкий, обремененный большим семейством, которое обще с исправлением его должности так его занимают, что за сим не имел ни времени, ни способности ничем другим заниматься. О прочих же военных чиновниках я также собирал сведения, которые их ни в чем не изобличают.

Касательно князя Трубецкого я не имею слов изъяснить Вашему сиятельству моего удивления о его поступке. Служа в штабе покойного Государя императора, уважаем своих начальников[4] и даже хорошим мнением самого покойного Государя императора, изъявленным Его величеством при определении его дежурным штаб-офицером во вверенный мне корпус, я никогда не мог вообразить, чтобы он мог участвовать в преступном заговоре.

Объяснив все сие Вашему сиятельству, заключаю тем, что хотя я по обязанности моей никогда не упущал из вида должного наблюдения за поступками моих подчиненных, но по теперешним обстоятельствам еще более устремил на сей предмет все мое внимание к ним. Что мною открыто будет, то не премину принять все нужные меры и Вашему сиятельству донесть. Адъютант военного министра, вручив вам сие письмо, доложит Вашему сиятельству о всех моих действиях вследствие получения мною повеления военного министра как об забрании бумаг князя Трубецкого, так и об отправлении юнкеров Скарятиных. В заключение имею честь донесть Вашему сиятельству, что сегодня весь корпусный штаб и войска, в карауле находящиеся, присягнули императору Николаю Павловичу, вскоре за сим буду иметь честь донести об этом по форме.

Имею честь быть с глубоким почтением и преданностью
покорный слуга Вашего сиятельства
Князь *Алексей Щербатов*
Киев
23 декабря 1825 г.

(РГВИА. Ф. 14414. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 68–70 об)

[1] Публикуется впервые.

[2] Текст отношения написан А.Г. Щербатовым собственноручно. Входящие номер и дата написаны другим почерком.

[3] *Красовский Афанасий Иванович* (1777 – 1843) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Участник русско-турецкой войны 1806 – 1812 гг., в Отечественной войне командовал полком, отличился в боях у реки Березины. Участник заграничных походов 1813 – 1814 гг. (отличился в сражениях при Лейпциге и Краоне). С 1813 г. – генерал-майор. С 1825 г. – начальник штаба 4-го пехотного корпуса, был дружен с С.П. Трубецким. В 1826 г. произведен в генерал-лейтенанты и переведен на Кавказ командиром 20-й пехотной дивизии; с апреля по июнь 1827 г. – начальник штаба Кавказского корпуса. Участник русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг., в ходе которой командовал 3-м пехотным корпусом. Участник подавления польского восстания 1831 г.

[4] Так в тексте.

№ 3

Показания дворецкого С.П. Трубецкого И.А. Шпехта[1]

1826 года февраля 20 дня находящийся у бывшего дежурным штаб-офицером в 4-м пехотном корпусе гвардии полковника князя Сергея Трубецкого в должности дворецкого Иван Андреев Шпехт спрашиван и показал:

От роду ему 32 год, родом из Лифляндии. Званием С. Петербургский мещанин. У князя Трубецкого находится в услужении другой год. – По выезде князя Трубецкого в октябре месяце прошлого 1825 года в С. Петербург квартира, им занимаемая в Киеве, была в ведении его, Шпехта, и в оной было бюро с бумагами, от коего ключ был у князя. Также поручена ему, Шпехту, князем шкатулка красного дерева с бронзою, от коей ключ находился в вышеупомянутом бюро, которое стояло в кабинете. – В конце декабря месяца, но которого именно числа, не помнит, часу в первом или во втором приехал в квартиру князя Трубецкого г. генерал-адъютант князь Щербатов с неизвестным ему, Шпехту, офицером и приказал отворить дверь, но как мальчик, у которого был ключ от комнат, отлучился со двора, то он, Шпехт, и отвечал, что не имеет ключа.

Но Его сиятельство изволил сказать, чтобы он отломал дверь, ибо ему нужны бумаги. Почему он и послал за топором, однако ж между тем, как принесли топор, он, Шпехт, отпер двери другим ключом. И князь Щербатов, взойдя в комнаты, пошел прямо в кабинет с вышеупомянутым офицером. По входе же в кабинет потребовал ключ от бюро, когда же Его сиятельство узнал, что ключа нет, то приказал призвать слесаря, за которым ездил он, Шпехт, сам. Но привезенный им слесарь, по неимению хороших инструментов, отломал от того бюро замок. По открытии бюро все находившиеся в оном бумаги, также бывшие на столе, в портфелях, князь Щербатов приказал завязать в простыню[2]. При чем он, Шпехт, подал князю Щербатову стоявшую в кабинете корзину с бумагами, и Его сиятельство сии бумаги с корзиною приказал положить в ту же простыню, и все оное изволил взять с собою. На другой день после сего он, Шпехт, осматривая комнату жены князя Трубецкого[3], нашел в оной в шкафе возле белья несколько писем, но сколько оных было, того настояще сказать не может, ибо оных не считал. Письма сии он, Шпехт, положил в хрустальную шкатулку и взял к себе в комнату. На другой или на третий день генерал Красовский, призвав его, Шпехта, к себе, объявил ему, что князь Трубецкой прислал к нему посылку и пишет, чтобы кабинет его и спальню[4] запечатать и, вместе с ним отправясь в квартиру князя Трубецкого, запечатал вышеупомянутые комнаты. При сем он, Шпехт, докладывал генералу Красовскому, что у него есть шкатулка, и на вопрос Его превосходительства, какие в оной вещи, отвечал, что принадлежащие княгине. Генерал же Красовский изволил ему сказать, что он ему, Шпехту, верит. О выше же упомянутых бумагах, найденных им, Шпехтом, в комнате княгини, генералу Красовскому он не докладывал, считая их ненужными. Вскоре после запечатания генералом Красовским спальни и кабинета приехал в Киев брат князя Трубецкого, отставной полковник князь Александр Трубецкой[5], которому он, Шпехт, означенные найденные им бумаги и отдал. Потом, чрез несколько дней, присланный от генерала Красовского майор, которого фамилии не знает, распечатал кабинет и спальню, из сей последней комнаты взял

с собою ящик с бумагами. На другой или на третий день после сего князь Александр Трубецкой взял к себе в деревню бывшие в кабинете книги, но нашел ли при сем князь Александр Трубецкой какие-то бумаги, или нет, того он, Шпехт, не знает. Около 20-го генваря князь Александр Трубецкой потребовал к себе вышеупомянутую красного дерева шкатулку и в оной верхний ящик открыл при нем, Шпехте, но в сем ящике никаких бумаг он, Шпехт, не видал; но как нижний ящик не могли тогда открыть, то он, Шпехт, по приказанию Александра Трубецкого возил шкатулку к столяру, по открытии же столяром нижнего ящика найдено в оном несколько бумаг и небольшая голубенькая книжка. Что все им, Шпехтом, и отдано князю Александру Трубецкому. – Кроме оного, относительно бумаг ничего не знает и никаких бумаг с намерением скрыть не брал, да и не имел к сему никакой причины; ибо об аресте князя Сергея Трубецкого узнал долго уже спустя после взятия князем Щербатовым бумаг. Когда же князь Щербатов брал бумаги, то он, Шпехт, полагал, что князь Сергей Трубецкой умер. – Все сие показал справедливо – прежде ж относительно найденных им бумаг не сказал всех подробностей, до оных относящихся, единственно по беспамятству.

С-т Петербургский мещанин
Иван Андреев Шпекст, Johann Speixt.
Спрашивал старший адъютант главного штаба 1-й армии
Гвардии капитан *Сотников*[6].

---

[1] Текст печатается по: Восстание декабристов. Документы и материалы (Далее – ВД). Т. 1. М.; Л., 1925. С. 83 – 84.

[2] В оригинале «простину».

[3] Жена С.П. Трубецкого – *Екатерина Ивановна, урожденная графиня Лаваль* (1800 – 1845). В 1826 г. последовала за мужем в Сибирь, где и скончалась.

[4] В оригинале «спалю»

[5] *Трубецкой Александр Петрович* (1792 – 1853) – младший брат С.П. Трубецкого, полковник в отставке. Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813 – 1814 гг.

[6] Подписи Шпейха и Сотникова – собственноручные. – *Прим. в тексте*.

№ 4

Копия рапорта командира 4-го пехотного корпуса А.Г. Щербатова главнокомандующему 1-й армии Ф.В. Остен-Сакену от 31 декабря 1825 г.[1]

Сей час получил я от киевского гражданского губернатора прилагаемый в копии рапорт васильковского стряпчего[2], по содержанию коего, не теряя ни минуты, сделал я нижеследующее распоряжение.

1-е) Баталиону Муромского пехотного полка, выступившему сего числа через Киев после смены с караула, послал повеление остановиться в местечке Броварах и быть ежеминутно в готовности выступить, куда надобность потребует.

2-е) Витебскому пехотному полку приготовиться к выступлению, куда приказано будет, без полковых тягостей.

3-е) Курский пехотный полк, находящийся в Киеве, в совершенной готовности к выступлению, когда надобность потребует, а также приняты меры и к сохранению спокойствия в Киеве.

4-е) Сию же минуту я послал благонадежных чиновников, одного к генерал-майору Тихановскому[3], чтобы узнать о принятых им мерах, которому приказано объехать Васильков проселочными дорогами и как наискорее возвратиться назад, а другому вместе с исправником здешним поручил достоверно осведомиться в окрестностях Василькова, что там делается, и послать ночью евреев узнать о происшествии в самом городе.

Коль скоро же получу от них донесение, то не упущу принять все возможные меры к прекращению беспорядка, происшедшего в Василькове, и о том буду иметь честь донести Вашему сиятельству с нарочным. По сему предмету я теперь же вошел в сношение с генерал-лейтенантом Ротом.

Верно: Генерал-адъютант барон *Толь*.

---

[1] Текст печатается по: ВД. Т. 6. М.; Л., 1929. С. 34.

[2] В рапорте исправляющего должность васильковского поветового стряпчего коллежского секретаря Кириенко губернскому прокурору В.Ф. Каменскому от 30 декабря 1825 г. описывалось начало выступления Черниговского

пехотного полка: занятие мятежными ротами г. Василькова. Текст этого рапорта см.: ВД. Т. 6. С. 10.

[3] *Тихановский Степан Леонтьевич* – в 1826 г. генерал-майор, командир 1-й бригады 9-й пехотной дивизии, в состав которой входил Черниговский полк.

№ 5

Копия рапорта командира 4-го пехотного корпуса А.Г. Щербатова главнокомандующему 1-й армии Ф.В. Остен-Сакену от 1 января 1826 г.[1]

Сей час получил я донесение от адъютанта начальника корпусного штаба штаб-капитана Врангеля[2], посланного в Васильков для узнания о происшествии в Черниговском пехотном полку; на станции Вете, между Киевом и Васильковым, встретил он чиновника Коломейцева, посланного от киевского губернатора с указами о присяге Государю императору Николаю Павловичу, и от него узнал нижеследующее: Черниговский пехотный полк, за исключением двух или трех рот, под командою подполковника Муравьева-Апостола, 31-го числа, во втором часу пополудни, собрался на площади с распущенными знаменами, отслужил молебен с криком *Ура!*, после чего Муравьев уговорил солдат и офицеров остаться верными присяге, выполненной прежде, а в случае могущих встретиться принуждений защищаться до последней капли крови, после чего выступил из Василькова, объявляя, что следует в Варшаву и что на пути пригласит с собою войска 3-й гусарской дивизии направление первоначальное, взятое на Хвастовцы и Яхны в Сквирский повет.

Во время пребывания Муравьева в Василькове задержаны им два жандармских офицера и фельдъегерь, коих он увел с собою.

Относительно жителей Муравьев приказывал солдатам под смертною казнию не делать им никаких обид.

В дополнение к сему чиновник Коломейцев лично сообщил, что он 30-го числа, пред вечером, был остановлен при въезде в Васильков и взят на гаубвахту, на которой вместе с ним содержался майор

Трухин[3], не хотевший пристать к возмутителям, из Черниговского полка две или три роты бежали от мятежников, подполковник Гебель[4] привезен жителями, покрытый 8-ю ранами, из коих самая тяжелая нанесена в грудь самим Муравьевым[5], его скрыли жители от поисков, и он остался в Василькове почти без чувств. Из числа офицеров нигде не могли отыскать полкового адъютанта, который, вероятно, скрылся от мятежников.

Какие получу дальнейшие известия от посланных моих, буду иметь честь донести с нарочным Вашему сиятельству. Сие же донесение отправлено с эстафетою, которою киевский губернатор о сем происшествии посылает к управляющему министерством внутренних дел. – Генерал-лейтенанту Роту о сих последних известиях я дал знать с нарочным.

Верно: Генерал-адъютант барон *Толь*.

---

[1] Текст печатается по: ВД. Т. 6. С. 37 – 38.

[2] *Врангель Егор Петрович* – штабс-капитан Нарвского драгунского полка, адъютант начальника штаба 4-го пехотного корпуса, генерал-майора А.И. Красовского. Из дворян Эстляндской губернии. В службе с 1817 г. юнкером в Александрийском гусарском полку. С 1818 г. – корнет, с 1821 г. – прапорщик с переводом в Нарвской драгунский полк, в том же году произведен в подпоручики и поручики. С 1823 г. – штабс-капитан, с 1824 г. – адъютант А.И. Красовского. С 1828 г. произведен в ротмистры и переведен во фронт. Участник русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. За отличие в сражениях переведен в лейб-гвардии Конно-егерский полк с переименованием в капитаны. 1829 г. – снова назначен адъютантом к А.И. Красовскому, командовавшему 3-м пехотным корпусом; в том же году произведен в ротмистры и переведен в лейб-гвардии Гусарский полк. С 1831 г. – полковник, с 1835 г. – командующий, с 1836 г. – командир Ахтырского гусарского полка. (См. о нем: *РГВИА. Ф. 395. Оп. 24/423, 1836 г. , 1 отд., 4 стол. Д. 866*).

[3] *Трухин Сергей Степанович* – в 1825 г. майор, командир 2-го батальона в Черниговском полку. В мятеже участия не принимал; остался верен законной власти. После подавления восстания произведен в подполковники и назначен командиром Черниговского полка нового состава.

[4] *Гебель Густав Иванович* (р. в 1781 г.) – в 1825 г. подполковник, командир Черниговского пехотного полка (с 1823 г.). Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813 – 1814 гг. Мятеж Черниговского полка начался с неудачной попытки Гебеля арестовать С.М. Муравьева-Апостола и избиения полкового командира мятежными офицерами. С января 1826 г., «за отличие по службе» полковник, назначен комендантом г. Киева.

[5] Согласно послужному списку Г.И. Гебеля, «**при возмущении, учиненном Муравьевым, получил 14 штыковых ран, а именно: на голове 4 раны, во внутреннем углу глаза одна, на груди одна, на левом плече одна, на брюхе три раны, на спине 4 раны. Сверх того перелом в лучевой кости правой руки**» (*РГВИА. Ф.25. Оп. 161а. Д. 493. Л. 23*).

№ 6

Копия секретного рапорта командира 4-го пехотного корпуса А.Г. Щербатова главнокомандующему 1-й армии Ф.В. Остен-Сакену от 1 января 1826 г.[1]

Возвратившийся из Василькова адъютант начальника корпусного штаба штабс-капитан Врангель и киевский поветовой исправник коллежский секретарь Яниковский доставили ко мне прилагаемые при сем в копии: 1-е) Рапорт васильковского городничего к киевскому губернатору, 2-е) Копию рапортов маиора [Трухина к генерал-майору Тихановскому] и неоконченного ко мне и 3-е) Катехизис, составленный неистовыми возмутителями[2].

С ними вместе прибыли из Василькова израненный подполковник Гебель, майор Трухин, также довольно пострадавший от побоев, два жандармские офицера – поручик Несмеянов и прапорщик Скоков, которых также Муравьев-Апостол содержал под арестом и отпустил уже после выступления из Василькова в 8-ми верстах, а также полковой адъютант поручик Павлов 1-й[3], скрывшийся от мятежников в доме городничего, и посланный в Белую Церковь адъютант дежурного генерала поручик Бар.

Желая сколь возможно поспешно отправить к Вашему сиятельству донесение сие адъютантом Врангелем, не распространяюсь здесь о подробностях, случившихся в Василькове и необъясненных

в прежних бумагах, которые доложит Вашему сиятельству лично г. Врангель и отправляющийся вместе с ним жандармский поручик Несмеянов.

Полкового адъютанта Павлова 1-го и жандармского прапорщика Скокова я отправил теперь же к генерал-лейтенанту Роту, а майор Трухин по расстроенному его здоровью от побоев остался в Киеве; преданность и верность Трухина и Павлова 1-го заслуживают особенное внимание.

Черниговский полк под командою майора Трухина исполнил присягу на верность подданства Государю императору Николаю Павловичу 27 декабря, в каком случае сохранен был порядок. Присяжный лист, подписанный всеми офицерами, кроме поручика Щепиллы[4] (бывшего также у присяги), скрыл от возмутителей вместе с полковою печатью адъютант Павлов 1-й, который при сем Вашему сиятельству в оригинале представляю.

Четыре жандарма, бывшие с офицерами жандармскими Несмеяновым и Скоковым, арестованы Муравьевым и уведены с полком, а сабли их разобрали офицеры.

Для сохранения в Киеве спокойствия приняты все меры; войск никаких трогать с места не буду, пока не получу известия от генерал-лейтенанта Рота и генерал-майора Тихановского и не увижу настоящей в том надобности. Если же нужна будет артиллерия, то я возьму поблизости из 7-й артиллерийской бригады, расположенной в Переяславле.

Верно: генерал-адъютант барон *Толь*.

---

[1] Текст печатается по: ВД. Т. 6. С. 49 – 50.

[2] Имеется в виду *Православный Катехизис* – агитационный текст, написанный С.И. Муравьевым-Апостолом и М.П. Бестужевым-Рюминым, где с помощью библейских цитат доказывалось, что «**Бог не любит царей**». Текст Православного Катехизиса см.: Там же. С. 128 – 129.

[3] *Павлов Евграф Петрович* – в 1825 г. поручик, полковой адъютант Черниговского полка. В мятеже участия не принимал, оставшись верным

законной власти. В начале восстания спрятал полковую печать и часть полковых денег. После подавления восстания произведен в штабс-капитаны.

[4] *Щепилла (Щепилло) Михаил Алексеевич* (ум. 3. 01.1826) – декабрист, с 1819 г. – поручик Черниговского полка, командир 3-й мушкетерской роты. Член Общества соединенных славян, активный участник мятежа Черниговского полка. Убит при подавлении мятежа.

№ 7

Рапорт командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Л.О. Рота командиру 4-го пехотного корпуса А.Г. Щербатову от 1 января 1826 г.[1]

Получено 1-го генваря[2] [1826 г. Января 1]
Командиру 4-го пехотного корпуса господину генералу от
инфантерии и кавалеру князю Щербатову
Командира 3-го пехотного корпуса
генерал-лейтенанта Рота

Рапорт

Вследствие отношения начальника штаба вверенного Вашему сиятельству корпуса на имя главнокомандующего 9-ю пехотною дивизиею[3] имею честь донести, что по полученным мною сведениям, что Черниговского пехотного полка подполковник Муравьев-Апостол, не дав себя арестовать, изранив тяжело командира оного полка подполковника Гебеля, объявившего ему высочайшую волю относительно ареста, присвоил себе под предлогом старшего в полку штабофицера начальство над оным и произвел в оном возмущение. Я тотчас отправился из Житомира и, прибыв сюда вчера ввечеру, сделал надлежащие распоряжения относительно сборов войска на нужных пунктах, дабы истребить сии возмущения и до корня. На какой конец, если не подействуют дружелюбные средства, то употреблю силу оружия.

Я намереваюсь по прибытии ко мне из Рокитны артиллерии, которая чрез несколько часов должна быть здесь, выступить с 17 егерским

полком и двумя ротами Кременчугского пехотного и соединиться с гусарским принца Оранского полком и одною ротою конной артиллерии около местечка Паволочь, дабы оттоль пресечь дорогу, идущую к Бердичеву, куда, по сведениям, мною полученным, подполковник Муравьев-Апостол намеревается идти. Что окажется в сем важном случае, я буду иметь честь доносить Вашему сиятельству чрез нарочных.

Долгом поставляю себе присовокупить еще, что, имея причины сомневаться в искренней приверженности Алексопольского пехотного полка по причине, что я удостоверился, что бывший командир оного полка полковник Швейковский[4], который для сдачи [полка] находится еще в Радомысле, принадлежит тоже к известному тайному обществу, я послал с нарочным предписание арестовать оного и отослать в Житомир, а полку, равно и шести ротам Кременчугского пехотного полка, квартирующего в Брусилове, велел следовать равномерно по направлению к Житомиру, дабы их отдалить от всякого сообщения с Черниговским полком и сблизить их с войсками 8-й пехотной, а особенно 3-й гусарской дивизии, из которых последняя уже находится в движении. Я покорнейше прошу Ваше сиятельство, не угодно ли вам будет приказать двум батальонам 7-й пехотной дивизии, из коих один должен сего же числа вступить в караул, а другой смениться, дать направление на м. Брусилов и вверить сие деликатное поручение начальнику штаба вверенного вам корпуса генерал-майору Красовскому, из чего можно ожидать чувствительной пользы. Сейчас прибыли уже ко мне четыре орудия из Ракитно, и через полтора часа я велю выступить вышеупомянутым частям войск на Паволочь, по которому направлению, по полученным мною теперь вернейшему известию, идет подполковник Муравьев, к которому 1-я гренадерская рота не хотела присоединиться[5], и прибудет чрез час в м. Белую Церковь, в Паволоче ж взяты мню все меры к отвращению всякой опасности.

Генерал-лейтенант *Рот*.

№ 2

Генваря 1 дня 1826-го года.

м. Белая Церковь

---

[1] Текст печатается по: Материалы о восстании Черниговского полка. С. 15–16.

[2] Внизу написано: «**Писан ответ того же числа № 18**» – *прим. в тексте*.

[3] Обязанности начальника 9-й пехотной дивизии в конце 1825 – начале 1826 г. исполнял генерал-майор С.Л. Тихановский.

[4] *Швейковский (Повало-Швейковский) Иван Семенович* (1787 (1788) – 1845) – декабрист, полковник. Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813 – 1814 гг. С 1816 г. – полковник и командир Алексопольского пехотного полка. В августе 1825 г. отстранен от командования полком и переведен в Саратовский пехотный полк. Член Южного общества. Осужден в каторжную работу на 20 лет.

[5] 1-я гренадерская рота Черниговского полка под командованием капитана П.Ф. Козлова отказалась присоединиться к мятежу, за что впоследствии в полном составе была переведена в гвардию.

№ 8

Рапорт командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Л.О. Рота командиру 4-го пехотного корпуса А.Г. Щербатову от 2 января 1826 г.[1]

Получено 3 генваря в 12 часов дня [2] [1826 г. Января 2]
Командиру 4-го пехотного корпуса господину генералу от
инфантерии и кавалеру князю Щербатову
Командира 3-го пехотного корпуса
генерал-лейтенанта Рота

Рапорт

Имев честь донести Вашему сиятельству вчерашнего числа из Белой Церкви о происшествии, случившемся в Черниговском пехотном полку, я теперь, вследствие почтеннейшего отношения вашего от 31 декабря, могу только присовокупить, что сегодня с рассветом отправил я к Брусилову генерал-майора Гейсмара с семи эскадронами гусар

и 8-ми орудиями конной роты, за которыми я сейчас последую, и надеюсь, что сия часть войск будет более нежели достаточна к приведению мятежников к покорности. Я не обождал прибытия пехоты, дабы не дать времени подполковнику Муравьеву успеть более в своем намерении.

Генерал-лейтенант *Рот*.

№ 7

Генваря 2-го 1826

местечко Паволочь

---

[1] Текст печатается по: Материалы о восстании Черниговского полка. С. 16 – 17.

[2] «**Дня**» написано над строкой, под строкой написано: «**вечером**» – *прим. в тексте*.

№ 9

Копия рапорта начальника штаба 1-й армии генерал-лейтенанта К.Ф. Толя командиру 4-го пехотного корпуса А.Г. Щербатову от 2 января 1826 г.[1]

Из полученного сей час донесения Вашего сиятельства от 31-го декабря и приложения при оном господин главнокомандующий усмотрел, что Черниговского пехотного полка подполковник Муравьев-Апостол возмутил несколько рот вверенного ему батальона против законной власти, увещевая нижних чинов остаться верным данной присяге и отнюдь не присягать Государю императору Николаю Павловичу. Как сие есть только предлог его преступных замыслов, которые правительству известны, и на каковой конец он должен быть арестован и доставлен в Петербург прямо к Государю императору, то и благоугодно было г. главнокомандующему приказать мне донести вам, чтобы Ваше сиятельство, с получения сего, выступили сами с войсками, по усмотрению вашему для укрощения бунта нужными, и без всяких переговоров употребили силу оружия против возмутителей, присоединя к себе артиллерию хотя бы из 3-го корпуса из

Ракитны, приказав взять с собою заряды для действия. – Между тем прикажите всему корпусу быть готовым к выступлению, а артиллерии 7-й бригады приблизиться тотчас к тому месту, где ее присутствие вскорости необходимо будет. Как подполковника Хотяинцева[2] приказано, по Высочайшему повелению, уже отсель посланному, заарестовать подобно Муравьеву, то, поруча полк надежному штабофицеру, употребите полк сей в самой крайности, ибо легко быть может, что Хотяинцев в полку своем имеет сообщников. Крепость Киев не оставьте без гарнизона из людей благонадежных. Корпусных и губернских жандармов употребите всех при сем случае.

Всех захваченных в плен офицеров посадите в крепость впредь до повеления, а буде удастся самого Муравьева захватить, то скованного представить сюда под сильным прикрытием.

Я отсюда даю повеление по приказу г. главнокомандующего полковнику Гелфрейху форсированным маршем присоединиться к вам.

Впрочем, в выборе войск для усмирения мятежников надо быть весьма осторожным. По верным сведениям, находятся в заговоре командиры Витебского, Полтавского, бывший Алексопольского и Ахтырского гусарского полков[3], которых уже и приказано всех взять. Следовательно, на все сии войска, около Киева смежно друг с другом стоящие, никак надеяться нельзя. Для сего надобно быть осторожным тоже в сохранении крепости, арсенала и запасного магазейна и предварить коменданта.

Путевое продовольствие войск, которые двинутся, г. главнокомандующий совершенно предоставляет Вашему сиятельству распорядить по вашему благоусмотрению.

Г. главнокомандующий ожидать будет ежедневно ваших курьеров, которых отправлять каждого вечера, пока не прекратятся все беспорядки; равномерно было угодно ему приказать, чтобы г.г. полковые командиры обратили бы большое внимание на счет подсылаемых от злых сообщников для подговора солдат и офицеров, средство, которое они в сих случаях употребляют, и их люди часто во фраках бывают.

Верно: генерал-адъютант барон *Толь*.

[1] Текст печатается по: ВД. Т. 6. С. 35.

[2] *Хотяинцев Иван Николаевич* (1786 – 1863) – декабрист, полковник. Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813 – 1814 гг. С 1813 г. полковник, с 1820 г. командир Витебского пехотного полка. Член Союза благоденствия и Южного общества. Был наказан в административном порядке: отрешен от командования полком, 3 месяца содержался в крепости, а затем переведен в другой полк к старшему под команду.

[3] Витебским полком командовал И.Н. Хотяинцев, Полтавским – полковник В.К. Тизенгаузен, Алексопольским (до августа 1825 г.) – полковник И.С. Повало-Швейковский, Ахтырским гусарским – полковник А.З. Муравьев. *Тизенгаузен Василий Карлович* (1780 – 1857) – декабрист, полковник. Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813 – 1814 гг. Член Южного общества. Осужден в каторжную работу на 1 год. *Муравьев Артамон Захарович* (1793 – 1846) – декабрист, полковник. Двоюродный брат С.И. Муравьева-Апостола. Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813 – 1814 гг. Член Союза спасения, Союза благоденствия и Южного общества. Осужден в каторжную работу вечно.

№ 10

Копия предписания главнокомандующего 1-й армией генерала от инфантерии Ф.В. Остен-Сакена командиру 4-го пехотного корпуса А.Г. Щербатову от 3 января 1826 г.[1]

Генваря 3-го 1826 г. № 16

Сей час полученный рапорт Вашего сиятельства от 1 генваря подтверждает совершенно возмущение Муравьева-Апостола, и из оного я не усматриваю, чтобы Ваше сиятельство взяли какие-либо решительные меры к укрощению возмущения. Вследствие сего в подтверждение вчерашнего моего к Вашему сиятельству повеления, чрез начальника главного штаба объявленного, повторяю вам, дабы вы сами, не медля нимало, выступили вслед за мятежниками и употребили все средства напасть и истребить шайки их. Отдаление, в котором мы находимся от вас, не позволяет мне давать вам подробные

наставления, и потому предоставляю совершенно Вашему благоразумию употребить все те средства, которые клониться могут к скорейшему прекращению беспорядков. Если Муравьев с мятежниками удалился уже на несколько маршей по дороге к Варшаве, то как присутствие Ваше нужно в Киеве (что предоставляю совершенно Вашему благоусмотрению), тогда поручите начальнику штаба вверенного вам корпуса следовать за мятежниками, и выступившие по предмету сему войска заменить 2-ю и 3-ю бригадами 10-й дивизии, из коих Полоцкий, 19-й и 20-й Егерские полки получили прямо отсель повеление следовать в Киев.

(РГВИА. Ф. 14414. Оп. 1. Д. 453. Л. 13 – 14)

---

[1] Публикуется впервые.

№ 11

Рапорт начальника штаба 1-й армии генерал-лейтенанта К.Ф. Толя командиру 4-го пехотного корпуса А.Г. Щербатову от 3 января 1826 г.[1]

Получено 5 генваря пополудни в 8 часов Секретно

Командиру 4-го пехотного корпуса господину
генералу от инфантерии и кавалеру князю Щербатову
Начальника главного штаба 1-й армии
генерал-адъютанта барона Толя

Рапорт

Г-н главнокомандующий армией, получив донесение Вашего сиятельства чрез адъютанта Врангеля, поручил мне донести Вам: что он возобновляет прежнее свое повеление, посланное вчерашнего

числа за № 6 и сего числа за № 16 относительно того, чтоб благоволили преследовать мятежников и употребили все меры к уничтожению их.

Генерал-адъютант барон *Толь*.

---

[1] Текст печатается по: Материалы о восстании Черниговского полка. С. 17.

№ 12

Копия рапорта начальника штаба 1-й армии генерал-лейтенанта К.Ф. Толя командиру 4-го пехотного корпуса А.Г. Щербатову от 3 января 1826 г. № 19[1].

Генваря 3-го 1826 г. № 19

По повелению господина главнокомандующего армиею имею честь препроводить при сем к Вашему сиятельству копию предписания к Киевскому гражданскому губернатору, относительно принятия строгих мер к охранению общественного порядка и спокойствия. Господин главнокомандующий, находя нужным содержать в Киеве на время контрактов[2] две бригады, поручил мне донести Вашему сиятельству, чтоб в продолжение оных приказали везде усилить караулы и одному полку посменно быть во всегдашней готовности для прекращения всякого возникнуть могущего беспорядка.

(РГВИА. Ф. 14414. Оп. 1. Д. 453. Л. 18об. – 19)

---

[1] Публикуется впервые.

[2] Имеется в виду ежегодная *контрактовая ярмарка*, проходившая в Киеве в январе 1826 г.

Приложение 1

№ 13

Копия рапорта начальника штаба 1-й армии генерал-лейтенанта К.Ф. Толя командиру 4-го пехотного корпуса А.Г. Щербатову от 3 января 1826 г. № 20[1].

Генваря 3-го 1826 г. № 20

Господин главнокомандующий армиею, получив донесение Вашего сиятельства чрез адъютанта Врангеля, поручил мне донести Вам, что он возобновляет прежнее свое повеление, посланное вчерашнего числа за № 6 и сего числа за № 16, относительно того, чтоб благоволили преследовать мятежников и употребить все меры к уничтожению их.

(РГВИА. Ф. 14414. Оп. 1. Д. 453. Л. 19)

---

[1] Публикуется впервые.

№ 14

Рапорт командира 4-го пехотного корпуса А.Г. Щербатова главнокомандующему 1-й армией генералу от инфантерии Ф.В. Остен-Сакену от 3 января 1826 г.[1]

Главнокомандующему 1-ю армиею господину генералу от инфантерии и кавалеру графу фон-дер Остен-Сакену
Командира 4-го пехотного корпуса
генерала от инфантерии князя Щербатова

Рапорт

Сей час прибыл ко мне посланный мною жандармский офицер штабс-капитан Емельянов и доставил рапорт генерал-лейтенанта

Рота о покорении мятежников, который в оригинале спешу представить Вашему сиятельству.

Генерал от инфантерии князь *Щербатов*.

№ 32-й.
3-го генваря 1826-го года.
г. Киев.
Отправлено в 1-м часу
по полуночи.

_____

Командиру 4-го пехотного корпуса господину генерал-адъютанту и кавалеру князю Щербатову.
Командира 3-го пехотного корпуса
генерал-лейтенанта Рота

Рапорт

Узнав по прибытии моем вчерась на ночь в деревню Мохначку, что подполковник Муравьев с мятежниками, по полученным известиям о моем движении, оставил намерение идти чрез Фастов в Брусилов, переменив свое направление, шел к Белой Церкви в надежде успеть овладеть у графини Браницкой значительной суммой[2], я сего числа в 3 часа пополуночи выступил с кавалерией и конной артиллерией, дав направление генерал-майору Гейсмару с двумя орудиями и 3-мя эскадронами к деревне Устимовке; я же с 5-ю эскадронами и 6-ю орудиями шел чрез Фастов, дабы Муравьеву препятствовать всякое отступление, направив равномерно пополуночи 12-ть рот пехоты с 4-мя пешими орудиями с большого Половецкого на м. Белую Церковь; таким образом, со всех сторон был он окружен, и по приближении в час пополудни генерал-майор Гейсмар к деревне Устимовке, где мятежники защищались, но по нескольких выстрелах из орудий положили оружие, и подполковник Муравьев ранен, брат его застрелился, один

офицер убит[3], кроме других раненых и убитых. О чем Вашему сиятельству имею честь сделать первое мое донесение.

Генерал-лейтенант *Рот*.

№ 13
Генваря 3-го 1826
м. Фастов

---

[1] Текст печатается по: ВД. Т. 6. С. 38 – 39.

[2] *Браницкая Александра Васильевна* (*урожденная Энгельгардт*, 1754 – 1837) – племянница светлейшего князя Г.А. Потемкина, обергофмейстерина двора (1824). Владелица местечка Белая Церковь, славившаяся своими богатствами и скупостью. После начала восстания Черниговского полка в окрестных городах и селениях распространился слух о том, что целью мятежа был грабеж имений Браницкой.

[3] При усмирении мятежа Черниговского полка С.И. Муравьев-Апостол был тяжело ранен в голову. Его младший брат И.И. Муравьев-Апостол покончил с собой, а поручик М.И. Щепилла был убит. *Муравьев-Апостол Ипполит Иванович* (1806 – 1826) – декабрист, прапорщик квартирмейстерской части. Член Северного общества. Участник восстания Черниговского полка.

№ 15

Рапорт командира 4-го пехотного корпуса А.Г. Щербатова главнокомандующему 1-й армией генералу от инфантерии Ф.В. Остен-Сакену от 5 января 1826 г.[1]

Господину главнокомандующему 1 армиею
генваря 5-го дня 1826 года.
№ 50

Рапорт

По изготовлении рапорта моего к Вашему сиятельству, при сем с № 46 представляемого, получил я сейчас повеление Вашего

сиятельства от 3-го генваря № 16. Усматривая из оного доверенность ко мне Вашего сиятельства действовать противу мятежников по моему усмотрению, я приемлю с должной благодарностию.

По причине отдаленности главной квартиры от Киева я с первой минуты, в которую дошло до меня возмущение в Василькове, решился во всем распоряжаться, не ожидая повелений, а соображаясь с движениями мятежников, мерами, принятыми генерал-лейтенантом Ротом, и положением самого Киева, что яснее изволите усмотреть из вышеписанного рапорта моего, в коем изъяснены и причины, по коим я не признал нужным собирать в Киеве полки 10-й пехотной дивизии, которым послано от меня теперь повеление остаться на своих квартирах.

Адъютант Дмитриев ожидает прибытия посланного вчера к генералу Роту, чтобы доставить Вашему сиятельству известия, какие от него получены будут.

---

[1] Текст печатается по: Материалы о восстании Черниговского полка. С. 17 – 18. Печатается по черновику – *прим. в тексте*.

№ 16

Рапорт командира 4-го пехотного корпуса А.Г. Щербатова главнокомандующему 1-й армией генералу от инфантерии Ф.В. Остен-Сакену от 6 января 1826 г.[1]

Главнокомандующему 1-ю армиею господину генералу от
инфантерии и кавалеру графу фон-дер Остен-Сакену
Командира 4-го пехотного корпуса
генерала от инфантерии князя Щербатова

Рапорт

Из четырех повелений, полученных от Вашего сиятельства и объявленных мне господином начальником главного штаба от

2-го и 3-го генваря с № 6, 16, 19 и 20, имею я основательную причину видеть, во-первых, настоятельное желание Вашего сиятельства, чтобы я с войсками выступил из Киева для истребления возмутившегося Черниговского пехотного полка и, во-вторых, большое опасение насчет Киева по дошедшим к Вашему сиятельству известиям насчет разговоров и толков, в сем городе существующих, для удержания коих в границах вы сами признаете необходимым принятие сильных мер.

В донесениях моих к Вашему сиятельству как при первоначальном известии о возмущении в Василькове, так и впоследствии отправленных, изложены, на каких именно соображениях основаны были все действия и распоряжения мои, в дополнение к оным необходимо нужным почитаю и при сем случае доложить Вашему сиятельству.

1-е. Что первое известие о возмущении в Василькове получил я от губернатора 31-го числа, в два часа пополудни[2], в одно время с выступлением мятежников из Василькова. Гнаться за ними с одним батальоном Курского полка без артиллерии (ибо другой занимал в сие время караулы на пространстве 7-ми или 8-ми верст, а Низовский батальон, прибывший только в Киев, почитал я необходимым прежде всего привесть к присяге Государю императору Николаю Павловичу, чего на походе он не успел исполнить) я почитал не только не должным, но и вовсе неосторожным в столь важном происшествии, и не знал, ограничится ли возмущение в Василькове одним Черниговским полком, и потому обратил наиболее внимание мое не на кучку мятежников, которые со всех сторон окружены были полками 9-й пехотной дивизии, но на приведение в безопасность крепости, арсенала и самого города и препятствие распространиться сей язве на другие войска; и хотя я, имея пребывание здесь, при всем моем бдительном наблюдении, не мог приметить между жителями и гражданскими чиновниками, а тем более в войсках, никаких зловредных толков и намерений, но при всем том в столь важном случае прежде всего нужно мне было первоначально утвердиться на опыте, какое влияние сделает на жителей и гарнизон повсеместно распространившийся слух, в то же время, как я узнал от губернатора о происшествии в Василькове. Надежда моя на войски и гарнизон

как при присяге Низовского батальона 1-го числа поутру, так и по всем моим наблюдениям оправдалась в полной мере, и хотя я тогда же приготовил к выступлению Курский пехотный полк, но по полученным мною 1-го числа донесениям от генерал-лейтенанта Рота и генерал-майора Тихановского, что у них собрано войска более, нежели нужно для истребления мятежников с корня, и видя с большим удовольствием в войсках и жителях города Киева настоящую верность и преданность обязанности своей и приверженности к Государю императору, и, напротив того, замешательство, беспорядок и потерянную надежду мятежников на дальнейшее с ними сообщество, я принял решительную меру показать всю твердость и доверие к войскам и жителям, и потому твердо положился не трогать с места никаких войск, кроме Муромского батальона, и не распространять чрез сие напрасной тревоги, отнимающей как в простом народе, так и в солдатах доверие к правительству и начальникам; о каковой мере я доносил Вашему сиятельству в рапорте моем от 1-го генваря № 15, с адъютантом Врангелем отправленном.

2-е. Я уже доносил Вашему сиятельству, что по получении повеления вашего, коим извещали меня о предписании, посланном прямо от вас, полкам 19-му м 20-му егерским и Полоцкому пехотному идти в Киев, что я тогда же остановил сии полки по причине совершенного прекращения мятежа. Видя же из последнего рапорта ко мне начальника главного штаба, что Ваше сиятельство признаете нужным иметь в Киеве и не далее 5-ти верст две бригады пехоты, я хотя и сделал распоряжение, чтобы полки Витебский пехотный и 20-й егерский были готовы приблизиться к Киеву по первому повелению, но, оставаясь при прежнем моем мнении, что такое сближение и собрание войск в Киеве и окрестностях не сделает хорошего впечатления на людей, собирающихся по собственным делам своим на самое короткое время (контракты обыкновенно продолжаются от 15-го до 25-го генваря) без особого повеления Вашего сиятельства войск сих трогать не буду, чтобы гарнизон Киевский оставить в том же самом положении, в каком он прежде находился, которого весьма достаточно для обеспечения спокойствия и порядка в Киеве, и во время самых контрактов, при начале коих я прикажу и киевскому

гарнизонному батальону очередоваться караулом вместе с армейским, следовательно, кроме одного батальона, в карауле стоящего, будет три батальона в резерве.

3-е. Из всех донесений моих к Вашему сиятельству вы изволили уже видеть, что я по отдаленности Киева от Могилева[3], по полученным мною известиям о возмущении в Василькове, с самого начала делал все мои распоряжения, не ожидая и не испрашивая разрешений, и не имел даже мысли в таком важном случае непринадлежащими моему распоряжению войска 3-го пехотного корпуса, и тотчас вошел в сношение с генерал-лейтенантом Ротом и начальниками 7-й пехотной дивизии генерал-майором Ушаковым и 7-й артиллерийской бригады полковником Савочкиным.

4-е. По получении мною известия 31-го числа о возмущении Черниговского пехотного полка я в ту же минуту посылал самого надежного и верного чиновника в ближайший к Киеву Витебский полк удостовериться, какое произведет впечатление сие происшествие; сведения, полученные мною как от сего чиновника, так и от других доверенных людей, посланных в разные окрестные войска, более и более удостоверили меня, что как в Витебском полку, так и в других войсках сохраняются спокойствие, преданности и верность к Государю императору и обязанности их.

Изложив Вашему сиятельству все сии обстоятельства, долгом почитаю донести, что во время происшествия сего, имея в моем распоряжении киевскую полицию и получая все сведения о малейших даже подробностях и разговорах в Киеве, я более, нежели когда-либо в другое время, имел случай удостовериться, что в сем городе вовсе не существуют зловредные слухи и неблагонамеренные партии, о коих доносят Вашему сиятельству неизвестные мне люди[4].

Генерал-адъютант князь *Щербатов*.

№ 51.
Генваря 6 дня 1826-го года.
г. Киев

[1] Текст печатается по: ВД. Т. 6. С. 56 – 58.

[2] Сведения, сообщаемые А.Г. Щербатовым, не соответствуют истине. Первые известия о мятеже Черниговского полка были получены в Киеве 31 декабря около 3-х часов ночи (См. ВД. Т. 6. С. 11).

[3] Главная квартира 1-й армии располагалась в г. Могилеве-Белорусском.

[4] Имеется в виду *Сотников Василий Семенович* – тайный агент штаба 1-й армии, незадолго до мятежа черниговцев присланный в Киев наблюдать за самим А.Г. Щербатовым, его штабом и настроениями в городе. Деятельность Сотникова в Киеве вызвала резкое недовольство А.Г. Щербатова.

№ 17

Частное письмо командира 4-го пехотного корпуса А.Г. Щербатова главнокомандующему 1-й армией генералу от инфантерии Ф.В. Остен-Сакену от 8 января 1826 г.[1]

№ 52 Получено 25 декабря 1825 г.[2]

Милостивый государь
граф Фабиан Вильгельмович!

Рапортом моим от сего числа[3] донес я Вашему сиятельству о неявке ко мне присланного из Могилева с двумя жандармами Севского пехотного полка капитана Бротериуса, я ясно увидел из слов его, что пребывание его здесь должно было быть для меня тайною; я ограничиваюсь только изъяснить Вашему сиятельству, что ежели недоверчивость сия, ничем мною не заслуженная, произошла от Вас самих (чего я, однако ж, не полагаю), то я оною оскорбляюсь по мере чувств моих, ежели же сие есть действие начальника штаба вверенной Вашему сиятельству армии, то я, полагаясь на справедливость и на чувства Ваши, покорнейше прошу с него за сие взыскать и тем удовлетворить меня за сделанное мне оскорбление.

Имею честь быть с глубоким почтением и преданностью
Вашего сиятельства
Милостивого государя
покорнейший слуга
князь *Алексей Щербатов*

Киев
8 генваря 1826 г.

(РГВИА. Ф. 14414. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 170 – 170 об.)

---

[1] Публикуется впервые.

[2] Текст отношения написан А.Г. Щербатовым собственноручно. Входящие номер и дата написаны другим почерком.

[3] Упоминаемый рапорт А.Г. Щербатова Ф.В. Остен-Сакену обнаружить не удалось.

№ 18

Копия частного письма начальника штаба 1-й армии генерал-лейтенанта К.Ф. Толя начальнику штаба 4-го пехотного корпуса генерал-майору А.И. Красовскому от 8 января 1826 г.[1]

Генваря 8-го 1826 г. № 46

Содержание рапорта господина корпусного командира за № 51 побуждает меня объясниться с Вашим превосходительством.

Благодаря Бога, мятеж уничтожен, и потому напрасно бы было разбирать теперь меры, которые первоначально приняты были к уничтожению оного. Одно обстоятельство можно, однако ж, заметить. Конечно, мятежники были со всех сторон окружены войсками 9-й дивизии, но войска сии были рассеяны по квартирам, для сбору их потребно было время. В Киеве же с включением гарнизонного было четыре батальона, готовые по первому сигналу стать в строй. В Броварах

был Муромский батальон, а в Борисполе Витебский. Следовательно, если б сим последним приказано было тотчас вступить в Киев, а отсюда с двумя Курскими батальонами тотчас по первому известию о мятеже сделано было форсированное движение к Василькову, то 1-го числа вся горсть пьяных мятежников была бы уничтожена, почти прежде, нежели посланный из Киева нарочный мог прибыть к генерал-лейтенанту Роту, которого войска могли действовать не прежде, как по прошествии трех дней. Не взирая на сие движение, Киев оставался бы совершенно обеспечен, хотя после совершенной уверенности г. корпусного командира в благополучном и спокойном состоянии оного никакого по предмету сему не оставалось опасения.

Но два предмета, в рассуждении моем, я в особенности желаю объясниться с вами, суть следующие: 1-е) Опыт настоящих происшествий показал, что несомненная уверенность в общей правоте есть слабость, пагубная для общего блага. Везде оказались отрасли злонамеренные. Замыслы их давно б были уничтожены, если б они были преследуемы подозрением и начальство не имело слепой доверенности. А потому я нахожу, что лучше везде подозревать, нежели отвергать всякую мысль злонамерения. Вы, конечно, более уверились в необходимости правила сего: ибо к кому был ближе князь Трубецкой, как не к Вашему превосходительству. Правота подозрением нимало не может оскорбляться. Я сам нисколько не почел бы обидою для себя, если б у меня сделан был осмотр бумаг моих; напротив того, долгом почту во всякое время представить готовность мою к открытию неприкосновенности моей.

2-е) Если господину главнокомандующему угодно самому удостовериться о положении дел чрез доверенных чиновников, то мера нисколько не может казаться предосудительною, особенно при таких обстоятельствах, как настоящие. Здесь дело идет не только о благе общем, но о личности и безопасности каждого частного. А потому преследовать таковых доверенных людей и навлекать им оскорбление несправедливо и одобрения заслужить не может.

(РГВИА. Ф. 14414. Оп. 1. Д. 453. Л. 35–36)

[1] Публикуется впервые.

Приложение 1

№ 19

Копия частного письма главнокомандующего 1-й армией генерала от инфантерии Ф.В. Остен-Сакена командиру 4-го пехотного корпуса А.Г. Щербатову от 11 января 1826 г. [1]

Генваря 11-го 1826 г. № 71

Я получил письмо Вашего сиятельства от 8 генваря. Ежели офицер чрез Киев проезжает и к Вам не является, то Вы имеете все способы его заставить долг свой выполнить, и я весьма удивляюсь, что Вы вздумали меня и начальника штаба в том винить. Не имея также обязанности Вас о всех моих предприятиях по службе уведомлять, предписываю Вам ограничить ваши переписки со мною в пределах, законами установленных, в противном случае я принужден буду употребить против Вас власть, мне Высочайше предоставленную.

(РГВИА. Ф. 14414. Оп. 1. Д. 453. Л. 47–47об.)

---

[1] Публикуется впервые.

№ 20

Копия отношения главнокомандующего 1-й армии генерала от инфантерии Ф.В. Остен-Сакена начальнику Главного штаба генерал-лейтенанту И.И. Дибичу от 18 января 1826 г. [1]

Генваря 18-го 1826 г. № 108

Генерал от инфантерии князь Щербатов доносит мне, что имеет необходимую надобность быть в отпуску в С.-Петербурге, желая иметь счастие представиться Его императорскому величеству и быть при погребении тела блаженной памяти Государя императора, и потому просит моего позволения отбыть в Санкт-Петербург на 28 дней по окончании киевских контрактов. На случай отбытия своего он

испрашивает разрешение не поручать командования старшему по себе генерал-лейтенанту Талызину, но оставить течение дел в ведении начальника корпусного штаба.

Во внимание к теперешним обстоятельствам, не решаясь сам собою дозволить отбытие корпусному командиру от своего места, я покорно прошу Ваше превосходительство довести о том до Высочайшего сведения.

(РГВИА. Ф. 14414. Оп. 1. Д. 453. Л. 68об. – 69)

---

[1] Публикуется впервые.

№ 21

Копия отношения главнокомандующего 1-й армии генерала от инфантерии Ф.В. Остен-Сакена командиру 4-го пехотного корпуса А.Г. Щербатову от 13 февраля 1826 г.[1]

Февраля 13-го 1826 г. № 238

Начальник Главного штаба Его императорского величества 31 минувшего генваря уведомляет меня, что по содержанию отношения моего к нему он входил с докладом к Государю императору о желании Вашего сиятельства иметь счастие лично представиться Его императорскому величеству и быть при погребении тела блаженной памяти Государя императора Александра Павловича, но Его величество, полагая, что при настоящих обстоятельствах неудобно отлучиться Вашему сиятельству от вверенного вам корпуса, Высочайше повелеть соизволил уведомить о том меня для объявления Вашему сиятельству.

Каковую монаршую волю я сим и исполняю.

(РГВИА. Ф. 14414. Оп. 1. Д. 453. Л. 146об.)

---

[1] Публикуется впервые.

Приложение 1

№ 22

Фрагмент «Записок» И.И. Горбачевского[1]

Прервем рассказ о Черниговском полку, который уже выступил из Василькова, и займемся отправлением и поездкой Мозалевского[2] в Киев. Сие отступление отчасти объяснит нам намерения, действия и надежды С. Муравьева.

31 декабря, в день выступления полка из Василькова, в 8 часов утра Мозалевский был с рапортом у С. Муравьева, который после некоторых вопросов о приготовлении полка к походу сказал ему, что намерен откомандировать его с важными поручениями, и потому просил его приготовиться скорее к дороге и запастись партикулярным платьем.

– О времени вашего отправления, – прибавил он, – вы узнаете, когда к тому нужное будет готово.

В 10 часов Мозалевский узнал от Щепиллы, что Муравьев желает с ним видеться. Он сейчас пошел к нему и нашел там Бестужева-Рюмина[3] и Матвея Муравьева[4], которые, впрочем, кажется, ничего не знали о намерении С. Муравьева. Едва Мозалевский успел войти в комнату, как С. Муравьев взял его за руку, повел в своей кабинет и запер за собою дверь. Потом сказал ему, что он должен ехать в Киев с письмами к тамошним членам тайного общества.

– Вы должны, – говорил он, – спешить в сей город; постарайтесь как можно скорее кончить порученное вам дело и немедленно возвратиться ко мне. Будьте осторожны, старайтесь всеми средствами скрыть ваш приезд как от киевских жителей, так и от тамошнего местного начальства.

По поручению Муравьева Мозалевский должен был вручить письмо трем членам тайного общества и распустить в народе несколько списков Политического катехизиса[5]. Содержание сих писем неизвестно, но из наставлений, данных Муравьевым Мозалевскому, можно догадываться, чего он желал и чего надеялся. Вручая ему письмо на имя одного генерала[6] (которого фамилия неизвестна),

Муравьев просил Мозалевского пересказать ему о случившемся в Черниговском полку, узнать от него, что думают другие члены о происшествии 14 декабря и о восстании Черниговского полка, и расспросить его о мерах, какие они со своей стороны думают принять; объявить ему о надеждах С. Муравьева на Киев, где находится так много членов русского и польского Обществ[7], и, наконец, просить на все письменного или словесного ответа. Отдавая другое письмо к подполковнику Крупенникову[8], Муравьев сказал:

– Объявить ему, что предоставляется удобный случай присоединиться ему с своим полком к нашему, скажите, что я надеюсь на его патриотизм и усердие к общему делу и ожидаю от него положительного ответа. Сверх того, не забудьте узнать от сих членов о мерах, принятых правительством против нас, и какие именно полки назначены воспрепятствовать нашим успехам и кто ими будет командовать. Но более всего требуйте от них ответов, – повторил он Мозалевскому несколько раз.

Наконец отдал третье письмо, адресованное на имя одного поляка[9]. Тут же вручил он Мозалевскому большой пакет, заключающий в себе несколько списков Политического катехизиса, приказав выбрать из своего полка надежных и расторопных двух рядовых и одного унтер-офицера, одеть их в простое платье или, по крайней мере, срезать с шинелей погоны, взять их с собою в Киев и по приезде туда поручить им пустить в народ сии катехизисы, снабдив для сего необходимыми наставлениями.

На вопрос Мозалевского, когда он должен ехать и где, по исполнении поручения, догнать полк? – Муравьев отвечал:

– Чтобы отвлечь всякое подозрение о вашей поездке, вы должны быть во время молебна на площади и выйти из города вместе с полком, пройти с ним до первой корчмы, Малой Мытницы, и оттуда вы можете уже ехать проселочными дорогами, миновав Васильков. Когда же кончите все ваши дела в Киеве, то приезжайте в Брусилов и дожидайтесь меня там у командира Кременчугского полка полковника Набокова[10]; ежели вы не застанете меня там, то, узнавши где, немедленно приезжайте ко мне[11].

– По окончании разговора С. Муравьев вместе с Мозалевским пошел на площадь, где были собраны восставшие роты Черниговского полка. Нам уже известно, что там происходило[12]. Мозалевский с большим затруднением мог нанять лошадей. Узнав о времени своего отправления незадолго до выступления полка и не имея возможности отлучиться в продолжение молебна и чтения катехизиса, он двинулся вместе с полком и тогда только забежал на свою квартиру, когда полк проходил мимо ее. Он приказал своим людям отыскать непременно две тройки лошадей, дать за наем все, что хозяева потребуют, и стараться как можно скорее догнать его. Лошади были отысканы и наняты. Они догнали полк за полверсты от Малой Мытницы. Муравьев, узнав о сем, тотчас приказал Мозалевскому взять с собою назначенных солдат и отправиться куда следует. Мозалевский воротился, проехал глухими переулками Васильков, поворотил вправо, на деревню Бугаевку, лежащую в стороне от большой дороги, и проселками доехал до деревни, находящейся близ Киева. Тут он должен был взять свежих лошадей, встретил новые затруднения, однако ж, после некоторой остановки, нашел извозчика и выехал на большую Васильковскую дорогу под самым Киевом. Здесь, отдав унтер-офицеру Николаеву и одному из рядовых по ровному числу списков Политического катехизиса, приказал им по приезде в город оставить лошадей в каком-нибудь скрытом месте, разойтись в разные стороны по Подолу и Печерску, и там раздавать сии списки встречающимся людям, подбрасывать их в дома или оставлять в местах более посещаемых; когда же все списки таким образом будут сбыты с рук, то немедленно сойтись и ожидать его близ заставы на Подоле.

В полночь с 31 декабря на 1 января Мозалевский приехал в Киев, миновав заставу на Печерске позади госпиталей. В городе все было тихо; кажется, никто не знал еще о восстании Черниговского полка и никто не думал, что спокойствие города скоро будет нарушено. Зная квартиру того генерала, к которому имел письмо, Мозалевский прямо поехал к нему (он жил на Печерске). Оставив в недальнем расстоянии своих лошадей и при них бывшего с ним солдата, он вошел

в дом и попросил доложить о себе, не упоминая, однако, ни своего звания, ни своей фамилии. По прошествии нескольких минут его просили войти. После обыкновенных приветствий Мозалевский вручил генералу письмо, объявив, что он офицер восставшего Черниговского полка, присланный с поручением от С. Муравьева. Замешательство генерала было чрезвычайно. Прочитав письмо, он сказал Мозалевскому дрожащим голосом:

– Я не буду отвечать: скоро сам с ним увижусь.

Потом начал просить Мозалевского оставить скорее его дом и спешить выехать из Киева. Когда же Мозалевский спросил его: что сказать Муравьеву на словесные его поручения? – генерал отвечал ему еще с большим замешательством:

– Я ничего не знаю.

Мозалевский, несмотря на это, повторил несколько раз вопросы, которые получил ему сделать С. Муравьев, и на которые, вместо всякого ответа, генерал повторил:

– Ничего не знаю, прошу оставить меня.

Мозалевский, видя его страх и опасение, и не получа от него никакого ответа, решился, наконец, удалиться. От него он не мог уже уехать, а пошел пешком, потому что должен был отыскать квартиру подполковника Крупенникова, которую нашел, шедши с Печерска на Подол. Мозалевский вошел к нему и, отдавая письмо, начал рассказывать о восстании Черниговского полка.

– Знаю, знаю, – сказал Крупенников с радостью, – и желаю вам успеха от всего сердца.

Потом, прочитав письмо и узнав от Мозалевского некоторые подробности, спросил:

– Куда намерен идти С. Муравьев и надеется ли на помощь других членов?

Мозалевский отвечал, что Муравьев идет на Брусилов, хотя сего не знает он наверное, что все зависит от обстоятельств, но что С. Муравьев более всего надеется на Киев.

– Я уверен, – возразил Крупенников, – что братья Александр и Артамон Муравьевы[13] первые пристанут к нему со своими

гусарскими полками. За четверть часа до вашего прихода здешнее начальство, – продолжал он, – получило известие о вашем восстании, и приказано бить тревогу: все войска, находящиеся здесь, будут собраны и пойдут в Васильков для усмирения вспыхнувшего мятежа; посему, если вы имеете еще какое-либо поручение, то исполняйте его как можно скорее и спешите выехать из Киева; я думаю, впрочем, вы не успеете уведомить Сергея Муравьева; правительство везде берет против вас сильные меры. Чтобы не задерживать вас, – продолжал Крупенников, – я не стану отвечать письменно, но скажите С. Муравьеву, что из Киева идут против него три батальона. Я иду с ними и буду иметь случай соединиться с вами, исполнить данное обещание и разделить общую опасность[14].

При выходе Мозалевского от него Крупенников добавил:

– Я не могу уведомить С. Муравьева, что думают другие члены, находящиеся в Киеве, насчет восстания, на что они решились и что намерены делать, но, вероятно, Воронежскому и Витебскому полкам также дано повеление идти против Муравьева, и, конечно, члены, находящиеся в сих полках, воспользуются случаем исполнить принятую ими обязанность и соединиться с Черниговским полком для общего дела.

Едва Мозалевский вышел от Крупенникова, как уже во всех частях города били тревогу. Это был второй час ночи. Смятение беспрестанно увеличивалось, испуганные жители выбегали из домов, толпились на улицах или бежали, сами не зная куда и зачем. Солдаты в полной походной амуниции пробегали улицы, не зная также, что означает общая тревога. Темнота, вопли жителей, крики солдат, барабанный бой и звук оружия увеличивали ужас сей ночи. Мозалевский, видя предстоящую для него опасность, спешил оставить Киев, не видавши третьего члена тайного общества, решился как можно поскорее уведомить обо всем С. Муравьева, для сего старался отыскать приехавших с ним унтер-офицера Николаева и рядовых, которые, исполнивши в точности данное им поручение, ожидали своего офицера в назначенном месте[15]. Не имея возможности достигнуть Радомысльской заставы большими улицами, в которых толпился

народ и войско, Мозалевский, чтобы избежать задержки, хотел выехать в ближайшую от Подола заставу и предместием Кореневкою пробраться на большую дорогу в Брусилов. Но, не доезжая до заставы, он услышал позади себя лошадиный топот и смешанные голоса. Вскоре громкие крики: «**Стой, стой!**» убедили его, что за ним гонятся. Надежда миновать опасность не оставила его и в сию критическую минуту. Он приказал ямщику не жалеть лошадей, обещая большие деньги, но все усилия усердного извозчика были тщетны: толпы народа стремились им навстречу и беспрестанно останавливали повозку. Тогда Мозалевский, видя невозможность спастись от рук правительства, разорвал письмо, которого не успел вручить по адресу, и начал глотать куски бумаги. Между тем извозчик с усилием пробирался сквозь толпу народа, и едва Мозалевский успел проглотить изорванное письмо, как обе повозки были окружены взводом жандармов, при которых находились начальник штаба 4-го корпуса генерал Красовский, старший адъютант Малецкий и киевский полицмейстер полковник Дуров. Мозалевский был отвезен в дежурство 4-го корпуса, откуда, не снимая с него допроса, отправили его на главную гауптвахту. По прошествии нескольких минут его повели к командиру 4-го корпуса князю Щербатову, где, к удивлению, он увидел Черниговского полка майора Трухина, полкового адъютанта Павлова и двух жандармских офицеров – Несмеянова и Скокова. Князь Щербатов позвал Мозалевского в кабинет и, оставшись с ним наедине, с душевным прискорбием сказал ему:

– Вы начали действовать слишком рано. Я знаю лично С.И. Муравьева, уважаю его и жалею от искреннего сердца, что такой человек должен погибнуть вместе с теми, которые участвовали в его бесполезном предприятии. Очень жалко вас: вы молодой человек и должны также погибнуть.

Слезы катились у доброго генерала. Потом князь Щербатов вместе с Мозалевским вышел в ту комнату, где находились помянутые лица и с ними начальник штаба. Тут начал он спрашивать Мозалевского, к кому он приезжал в Киев и с какими именно поручениями. Мозалевский отвечал:

– Я убежал из восставшего полка с намерением явиться к Вашему сиятельству.

– Это несправедливо, – возразил майор Трухин, обращаясь к князю. – Он приехал сюда с поручением от С. Муравьева, но к кому и зачем – я не знаю. Он участвовал в бунте и, вместе с Сухиновым[16], хотел убить меня, когда я содержался на гауптвахте[17].

Адъютант Павлов, с своей стороны, уверял князя, что Мозалевский искал его в Василькове с намерением лишить его жизни. Жандармские офицеры говорили, что они были арестованы Мозалевским, стоявшим тогда с мятежниками в карауле, на выезде. Князь Щербатов приказал обыскать Мозалевского; майор Трухин взял на себя исполнить сию обязанность, но ничего не нашел. Не взирая на то, что Мозалевский отрицал все сделанные на него показания, он был отправлен в главную квартиру 1-й армии в 3 часа утра с жандармским офицером Скоковым.

Таким образом кончилась неудачная поездка Мозалевского, которая, конечно, была бы успешнее, если бы С. Муравьев послал его тотчас по восстании полка. Мозалевский со своей стороны сделал все, что мог; доказательство, что он приехал в Киев получасом раньше майора Трухина и жандармских офицеров, которые, будучи освобождены из-под ареста Муравьевым в корчме Мытнице, тотчас возвратились в Васильков, взяли с собою адъютанта Павлова и поскакали прямо в Киев, на почтовых лошадях. Они первые известили местное начальство обо всем, что могли узнать или слышать.

---

[1] Текст печатается по: *Горбачевский И.И.* Записки. Письма. М., 1963. С. 73 – 78.

Горбачевский Иван Иванович (1800 – 1869) – декабрист, в 1825 г. – подпоручик 8-й артиллерийской бригады. Член Общества соединенных славян. Осужден в каторжную работу на 20 лет.

[2] *Мозалевский Александр Евтихьевич* (ок. 1803 – 1851) – декабрист, в 1825 г. – прапорщик Черниговского пехотного полка. Членом тайных обществ не был. Активный участник мятежа Черниговского полка. Осужден в каторжную работу вечно.

[3] *Бестужев-Рюмин Михаил Павлович* (1801 – 1826) – декабрист, в 1825 г. – подпоручик Полтавского пехотного полка. Один из главных деятелей Южного общества, активный участник мятежа Черниговского полка. Казнен по приговору Верховного уголовного суда.

[4] *Муравьев-Апостол Матвей Иванович* (1793 – 1886) – декабрист, отставной подполковник. Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813 – 1814 гг. С 1823 г. – в отставке. Один из основателей Союза Спасения, один из руководителей Союза Благоденствия, член Южного общества. Участник мятежа Черниговского пехотного полка. Осужден в каторжную работу на 20 лет, однако по Высочайшему повелению сразу обращен на поселение.

[5] Показания и позднейшие мемуарные рассказы декабристов о «секретной миссии» А.Е. Мозалевского в Киеве крайне противоречивы. Обобщая их, можно сделать вывод, что, скорее всего, главная задача этой миссии заключалась в установлении контакта С.И. Муравьева-Апостола с самим А.Г. Щербатовым (См. об этом: *Киянская О.И.* Южный бунт. М., 1997. С. 71 – 95).

[6] Существование письма С.И. Муравьева-Апостола к «одному генералу» документально не подтверждается.

[7] В конце 1825 – начале 1826 г. в Киеве не было активных членов тайных обществ.

[8] Согласно заданию, полученному от С.И. Муравьева-Апостола, А.Е. Мозалевский должен был передать письмо майору Курского пехотного полка Крупеникову. Однако в Курском полку служил только поручик А.Н. Крупеников, с которым Мозалевский связаться не успел.

[9] Существование письма С.И. Муравьева-Апостола к «одному поляку» документально не подтверждается.

[10] *Набоков Петр Александрович* (1788 – 1847) – декабрист, полковник. Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813 – 1814 гг. В 1825 г. полковник, командир Кременчугского пехотного полка. Полковой товарищ С.И. Муравьева-Апостола. Член Южного общества. Осужден не был.

[11] Не выходя еще из Василькова, С. Муравьев хотел идти через Фастов в Брусилов; взявши там Кременчугский полк, следовать в Радомысль, соединиться там с Алексопольским полком и оттуда идти на Житомир – *прим. в тексте.*

[12] Утром 31 декабря 1825 г. на центральной площади г. Василькова состоялся молебен мятежного полка; в ходе молебна полковой священник прочитал «*Православный катехизис*» С.И. Муравьева-Апостола и М.П. Бестужева-Рюмина.

[13] *Муравьев Александр Захарович* (1795 – 1842) – полковник, родной брат Артамона Захаровича Муравьева, двоюродный брат С.И. Муравьева-Апостола, в 1825 г. командир Александрийского гусарского полка. Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813 – 1814 гг. Членом тайных обществ декабристов не был, однако С.И. Муравьев-Апостол рассчитывал на его поддержку восстания александрийскими гусарами.

[14] Факт встречи поручика Мозалевского с Крупениковым документально не подтверждается.

[15] Они несколько списков подбросили в публичные места, много раздали в трактирах; прочие по рукам на улицах, большею частью во время тревоги – *прим. в тексте.*

[16] *Сухинов Иван Иванович* (1795 – 1828) – декабрист, поручик (1825). Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813 – 1814 гг. В 1825 г. переведен из Черниговского пехотного в Александрийский гусарский полк, но к новому месту службы не прибыл. Член Южного общества. Активный участник мятежа Черниговского полка. Осужден в каторжную работу вечно. В 1828 г. неудачно пытался организовать побег заключенных с каторги, был приговорен к расстрелу. Опасаясь телесного наказания, покончил с собой.

[17] К этому месту текста содержится обширное примечание, касающееся поведения майора Трухина в момент содержания его на гауптвахте.

№ 23

Из показаний декабристов о 4-м пехотном корпусе
и об А.Г. Щербатове

а) Из ответов С.П. Трубецкого на вопросы следствия
от 23 декабря 1825 года:

Я пришел к Рылееву[1], увидел совсем не то, что по словам его полагал найти, видел только, что один Арбузов[2] (Морского экипажа) говорил, что он может отвечать за 300 или 400 человек, и лейб-гренадерского полка Сутгоф[3] говорил, что он за часть своих людей отвечает, и остальное число его роты, вероятно, последует. Московского полка князь Щепин[4] много говорил и ничего не сказал; Финляндского полка Репин[5] говорил, что он выходит в отставку, и, впрочем, его рота в городе не стоит, а что он отвечает, что может

привести несколько офицеров, но за солдат отвечать не может, что за полк можно будет отвечать, когда полковник Моллер[6] согласится, а иначе нельзя. Тогда я им сказал: «**Что ж, господа, вы видите, что это все пустое дело, из которого не выйдет никакого толка, кроме погибели, а мы не имеем права никого губить**». Тут я увидел в первый раз Якубовича, который начал много говорить и горячиться и окончил тем, что он из личного мщения хотел убить покойного Блаженной памяти Государя императора Александра Павловича, что он восемь лет носил приказ на себе, тот приказ, по которому он выписан в армию, но что он имеет доброе сердце и убийцей быть не может[7]. Сделался шум, и я ушел, сказав Рылееву: «**Отпустите меня в 4-й корпус, там если быть чему-нибудь, то будет**»[8].

б) Из ответов С.П. Трубецкого на вопросы следствия от 15 февраля 1826 года:

Слова, произнесенные мною в одном из совещаний, бывших у Рылеева (кажется, 12 декабря) «**отпустите меня в 4-й корпус; там если быть чему, то будет**», были мною произнесены единственно в намерении отделаться от бывшего мне тягостным участия под каким-нибудь благовидным предлогом. – Надежды предпринять что-либо в 4-м корпусе я иметь не мог, потому что в оном общество не распространено <…> Произнеся вышеписанные слова, цель моя была развязаться с обществом; ибо уже мне становилось весьма тягостно, и я начинал видеть, что члены общества находили только, что им нужно одно мое имя во мне и более ничего; но признаюсь, что я не имел довольно твердости, чтоб просто сказать им, что я от них отказываюсь. – Если б я сказанными словами развязался от общества, то я легко мог, и оставшись здесь, скрыть от оного мое пребывание, а если б я поехал, то я бы поехал чрез Москву, куда я обещал сестре моей проводить ее; и потому к моему приезду в корпусную квартиру повсеместно была бы уже во всяком случае принята присяга, если б даже Манифест о том вышел и многими днями позднее[9].

в) Из ответов К.Ф. Рылеева на вопросы следствия от 24 апреля 1826 года:

По приезде сюда из Киева князя Трубецкого он объявил мне и Оболенскому[10], что дела Южного общества в самом хорошем положении, что корпуса князя Щербатова и генерала Рота совершенно готовы, не исключая нижних чинов[11].

г) Из ответов С.П. Трубецкого на вопросы следствия от 4 мая 1826 года:

По приезде моем из Киева я рассказывал Рылееву и князю Оболенскому все, что мне известно было о положении дел Южного общества и о намерениях оного; то есть все то, что я слышал от подпоручика Бестужева-Рюмина, и потому говорил, что там готовы два корпуса, один генерала Рота, а другой 2-й армии. Корпуса князя Щербатова я не называл, и если Рылеев и к[нязь] Оболенский приняли, что я в числе готовых корпусов для исполнения намерения Южного общества полагал и 4-й пехотный, то они ошиблись; а мне сказать это было бы непростительным хвастовством, которое не могло бы мне удасться, ибо если бы они спросили у меня, кто члены в 4-м корпусе? то таковой вопрос оказал бы, что я солгал[12].

д) Из протокола очной ставки С.П. Трубецкому и К.Ф. Рылееву от 6 мая 1826 года:

1826-го года, маия 6-го дня, в присутствии Высочайше учрежденного комитета, по разноречию в показаниях дана очная ставка подпоручику Рылееву с полковником князем Трубецким в том, что Рылеев утвердительно показывает 1-е) что князь Трубецкой по приезде своем из Киева сказывал ему, что корпуса князя Щербатова и генерала Рота совершенно готовы <…>

Напротив того, полковник князь Трубецкой утверждает: 1-е) что он действительно говорил Рылееву, что на юге готовы два корпуса:

один генерала Рота, а другой 2 армии; корпуса же генерала Щербатова не называл <…>

На очной ставке:

Подпоручик Рылеев.	Полковник князь Трубецкой.
Подтвердил свое показание <…>	Согласился на показание подпоручика Рылеева[13].

е) Из ответов Н.И. Лорера[14] на вопросы следствия от 15 (?) января 1826 года:

Тайное общество имело всегда в виду и поставляло главной целью обращать и принимать в члены тайного общества, а особливо людей значащих, как-то: полковых командиров и генералов, и потому поручено было князю Трубецкому или он сам обещался узнать образ мыслей князя Щербатова и тогда принять его в общество[15].

---

[1] *Рылеев Кондратий Федорович* (1795 – 1826) – декабрист, в 1825 г. отственной подпоручик. Участник заграничных походов 1813 – 1814 гг. Поэт, журналист, издатель, с 1824 г. – правитель дел в Российско-Американской кампании. Один из руководителей Северного общества; организатор выступления 14 декабря 1825 г. Казнен по приговору Верховного уголовного суда.

[2] *Арбузов Антон Петрович* (1797 (1798) – 1843) – декабрист, в 1825 г. лейтенант Гвардейского морского экипажа. Член Северного Общества. Активный участник выступления 14 декабря 1825 г.; вместе с другими младшими офицерами вывел на площадь Гвардейский морской экипаж. Осужден в каторжную работу на 20 лет.

[3] *Сутгоф Александр Николаевич* (1801 – 1872) – декабрист, в 1825 г. поручик лейб-гвардии Гренадерского полка. Член Северного общества. Активный участник выступления 14 декабря 1825 г.; вывел на площадь часть лейб-гвардии Гренадерского полка. Осужден в каторжную работу вечно.

[4] *Щепин-Ростовский Дмитрий Александрович* (1798 – 1858) – князь, декабрист, в 1825 г. штабс-капитан, командир роты в лейб-гвардии Московском полку. Членом тайных обществ не был. Активный участник выступления 14 декабря 1825 г.; в момент начала мятежа в Московском полку ранил несколько старших офицеров, противившихся выходу полка на площадь. Осужден в каторжную работу вечно.

[5] *Репин Николай Петрович* (1796 – 1831) – декабрист, в 1825 г. штабс-капитан лейб-гвардии Финляндского полка. Участник заграничных походов 1813 – 1814 гг. Член петербургского филиала Южного общества. Один из организаторов выступления 14 декабря 1815 г. Осужден в каторжную работу на 5 лет.

[6] *Моллер Александр Федорович* (1796 – 1862) – в 1825 г. полковник лейб-гвардии Финляндского полка. Возможно, член Северного общества. Отказался поддержать восстание 14 декабря 1825 г.

[7] *Якубович Александр Иванович* (1796 – 1845) – декабрист, в 1825 г. штабс-капитан Нижегородского драгунского полка. Членом тайных обществ не был, но знал об их существовании. Активный участник выступления 14 декабря 1825 г. Осужден в каторжную работу вечно.

[8] ВД. Т. 1. С. 19.

[9] Там же. С. 58.

[10] *Оболенский Евгений Петрович* (1796 – 1865) – князь, декабрист, в 1825 г. поручик лейб-гвардии Финляндского полка, старший адъютант дежурства пехоты Гвардейского корпуса. Член Союза благоденствия и один из руководителей Северного общества. Активный участник выступления 14 декабря 1825 г., командовал мятежными войсками на Сенатской площади. Осужден в каторжную работу вечно.

[11] ВД. Т. 1. С. 179.

[12] Там же. С. 94.

[13] Там же. С. 103-105.

[14] *Лорер Николай Иванович* (1797 – 1873) – декабрист, в 1825 г. майор Вятского пехотного полка. Участник заграничных походов 1813 – 1814 гг. Член Северного и Южного обществ. Однополчанин и секретарь руководителя Южного общества П.И. Пестеля. Осужден в каторжную работу на 12 лет.

[15] ВД. Т. 12. М., 1969. С. 47.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

А.Г. ЩЕРБАТОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

№ 1
Из «Воспоминаний» сына А.Г. Щербатова, Александра Алексеевича[1]

<…> Родился я 12 февраля 1829 года в Москве на Тверском бульваре, в доме Голохвостова (теперь принадлежащем жиду Полякову и им искаженному). Самое первое воспоминание мое относится ко дню возвращения моего отца из Польской кампании (в 1831 году). Упоминаю об этом в пример детской памяти ребенка на третьем годе; как теперь помню залу Лазаревского (ныне князя Урусова) дома на Михайловской площади, служившую и кабинетом отцу. Было воскресенье, все у обедни, кроме меня, никого не было дома, а потому я один и первый встретил отца; как он радовался, что я его сейчас узнал. Помню и столовую Лазаревского дома, длинную комнату, с мраморными полуколоннами; в конце стоял бильярд, а за ним отведено было место для моих многочисленных игрушек. Детская была в верхнем этаже – лучшие комнаты были отведены старшим сестрам; комната сестры Катеньки, по достижении ею 18 лет, была даже нарядна; рядом с нею была комната Ольги, через которую проходили в комнату...[2] с одним окном...[3] Моя с Володей спальная выходила на двор; рядом с нею была классная, а затем комната нашего дядьки Трифона Григорьева. Марья Богдановна, наша добрая няня, занимала комнату, в роде антресоля, выходящую на площадь. Гриша, как взрослый, жил отдельно внизу. В Лазаревском доме мы жили долго – чуть ли не пятнадцать лет. Дом был обширный, весьма

приличный, но не щеголеватый. (Платилось за него 5000 рублей ассигнациями или 1500 рублей серебром); покинули мы его, вследствие перестройки, кажется, в 1840 году, чтобы переехать на Литейную, в дом Пельта (ныне дом Синодального ведомства); этот дом, уже новейший, утилитарной конструкции, с квартирами, выходящими на общую лестницу, был довольно удобен, но отнюдь не имел характера барского дома, каким был Лазаревский.

Из воспоминаний детства сохранилось и воспоминание о моей прабабушке, княгине Наталье Петровне Голицыной[4], рожденной Чернышевой, знаменитой …[5] дожившей до 99 лет; портрет ее отчасти воссоздал Пушкин, в своей *Пиковой Даме*. Она поистине была представительницею высшего аристократического общества, не только петербургского, но, можно сказать, европейского, ибо и за границей она сумела завоевать себе высокое светское положение. Очень интересны были рассказы о ней и ее времени матушки; прабабушка довела знание света, его законов (которые она отчасти и издавала) до систематического совершенства – и это была …[6] 18 века, в высшем значении слова. Если, с одной стороны, светскость того времени, обращенная почти что в науку, с непреложными законами, составляющая как бы одну из главных целей жизни, поражает нас, поколение XIX века, своею условностью, сухостью и, сказать просто, пустотою, то, с другой стороны, нельзя не признать некоторой величавости за лучшими представителями того времени. Двор играл первенствующую роль в жизни высшего общества того времени – он играет ее и теперь, но гораздо мельче.

Прабабушка моя, обожая двор, в сношениях с русскими и иностранными венценосцами никогда и ни в чем не поступалась своим личным и своим аристократическим достоинством; своею в этом отношении выдержкою и последовательностью через всю жизнь, и отчасти благодаря своему долгоденствию, она довела дело до того, что считалась с царями …[7] – Несмотря на просьбу императора Александра Павловича, прабабушка не позволила Коленкуру, послу Наполеона, приехать к себе; во время процесса декабристов не велела к себе пускать генерал-адъютанта Александра Ивановича

Чернышева (впоследствии военного министра, приближенного и фаворита Государя) за предосудительное его поведение во время этого процесса; подобно этому она всегда умно и строго относилась ко всяким уклонениям в обществе от пути чести. Нельзя мимоходом не указать на наследственное сходство в этом отношении прабабушки и матушки – есть даже сходство в отношениях со Двором, с тою только разницею, что прабабушка без Двора жить не могла, а матушка не любила придворной атмосферы; есть еще одна сходственная черта: при высшем своем аристократизме, прабабушка не замыкалась в своем кругу; ее дом был доступен людям различных сословий; со всеми она умела обходиться и говорить. То же самое, но в гораздо более развитой и гуманной форме, встречаем мы в жизни матушки.

Не богатству своему прабабушка обязана была своим высоким положением и авторитетом в обществе – состояние у нее было небольшое, но она, при всей своей светскости, вела свои дела сама, внимательно управляла своими имениями, много жила в деревне и значительно увеличила свое состояние – опять общая черта с матушкой.

Упоминая об этом, я вовсе не имею в виду разыскивать тождество в характерах прабабушки и матушки, указывая только на наследственность в некоторых свойствах характера и главное – ума; ума – обе они были громадного, но развивался он у них розно, как вследствие влияния времени, так и условий жизни. Несомненно, что на развитие серьезности, глубины и, вместе с тем, правды и сердечности в характере и уме матушки, независимо от пристрастия ее к серьезному чтению почти философскому, имел огромное влияние характер и склад ума моего отца; отец мой был олицетворением протеста против всего искусственного, условного и ложного в складе ума в жизни моей прабабушки и отчасти бабушки.

Женившись на моей матери, когда ей было только 20 лет, а ему за 40, имея уже за собой сложившуюся военную репутацию, при самой искренней и нежной взаимной любви, его влияние было огромно, и матушка часто о нем нам говорила.

Все, что я пишу о прабабушке, я, разумеется, говорю со слов матушки, но все-таки я ее и всю ее обстановку помню.

Только по достижении 7 лет ее правнуки допускались до ее лицезрения; помню, как меня готовили к первому представлению – между прочим, приказывали целовать руку при входе и уходе от нее; второе я забыл, но прабабушка меня вернула, для соблюдения этого этикета.

Помню многолюдные приемы в торжественные дни и званые обеды, приборов на 60. Прабабушка сидела за большим столом, с зеленым абажуром перед свечами; – помню ее домовую церковь, с походным иконостасом, подаренным ей императором Александром I; – помню, наконец, ее кончину в день пожара в Зимнем дворце 20 декабря 1837 года. Дом ее на Малой Морской после смерти ее был продан в казну и подарен Николаем Павловичем тому самому князю Чернышеву, которого прабабушка презирала <…>

Во время первого моего детства в Литвинове проводил лета со всем своим семейством дядя Николай Григорьевич Щербатов; впоследствии он купил Васильевское, проданное им графу Буксгевдену, а затем купленное графинею Паниною для своего внука и моего племянника Саши[8].

Дядя Николай Григорьевич оставил по себе во мне хорошее воспоминание – это, кажется, тот член семьи отца, с которым он был в особенности дружен, хотя был дружен и с другим братом Сергеем и с сестрами. Со всеми нами отец сохранил через всю жизнь самые искренние и простые семейные отношения, несмотря на огромную разницу в развитии, образе жизни и взглядах.

Дедушка Щербатов, сколько я мог понять из рассказов, был человек очень честный, очень добрый, тип простой, небогатой патриархальности того времени. Бабушка Щербатова, рожденная княжна Долгорукова, была красавицею. – Дом их был в Москве на Петровке, где ныне жандармские казармы. Отец мой выделялся из всей семьи с раннего возраста своею любовью к чтению и серьезным занятиям; кроме того, его развила та среда, в которой он жил,

и важные исторические события, в которых он, как отличный и доблестный военный, принимал участие.

Император Александр I очень любил отца и его к себе приблизил, сделавши его своим генерал-адъютантом, которых в то время было немного, всего 6 человек. С самых молодых лет отец, видя стесненное состояние своих родителей, жил исключительно одним жалованьем и, кажется, еще помогал родителям <…>

Отец мой довольно долго был в отставке, покинув блестящую свою военную службу вследствие неудовольствия на Николая Павловича, во фраке сохранился единственный его бюст. По настоянию Государя он вновь надел военный мундир Костромского егерского полка, которого он был шефом.

Вслед за тем отец был назначен председателем Комитета о раненых и членом Государственного Совета; служба и общество его занимали, но не отвлекали от семейного очага, и он был семьянином в полном смысле слова. Его нежная доброта – его по-царски благородный характер с самых юношеских лет благотворно действовал на всех нас, своих детей. Больше своим примером, чем словами, учил он нас жизни и правильному ее пониманию. Собственно педагогическою частью отец не занимался, но следил за нашим нравственным развитием и, в случае какого-либо уклонения, с любовью делал замечания; одно из таковых, сделанное мне им, когда мне было, может быть, лет 12, за какой-то неправильный поступок относительно брата, я до сих пор помню.

Гулять с отцом было для меня всегда большою радостью. По воскресеньям мы всегда всей семьей ездили в церковь, большей частию к Татьяне Борисовне Потемкиной[9]. В театры с 12-летнего возраста нас почти всегда брали с собой, и я страстно любил это развлечение. Завтракали, обедали мы всегда почти всем семейством вместе, равно как и собирались к вечернему чаю; гостей почти никогда не было, кроме как в известные дни приезжали не без помпы бабушка Апраксина и тетушка Голицына[10]. Стол был хороший, обильный, но не изысканный – помню, что, когда приезжали гости, к чаю посылали за сухарями, а то пробавлялись одним хлебом <…>

Год пребывания моего на 4-м курсе был помрачен первым великим для меня несчастьем в жизни: отец мой года два уже был болен; чувствуя себя ослабевающим, он отказался в 1848 году от своего генерал-губернаторского поста, хотя он и любил сопряженную с ним деятельность. В этой деятельности и я принимал некоторое участие. – Когда летом летучая казачья почта привозила толстые портфели с делами в Литвиново, я, для облегчения труда отцу, читал ему присланные бумаги, а брат Григорий помогал иногда и в редакции ответов, чего я, разумеется, делать еще не мог.

Лето 1847 года впервые провели мы не в Литвинове, а в Петровском-Разумовском, чтобы быть ближе к доктору Оверу, пользовавшему моего отца, очень его любящего и очень им любимого, затем переехали мы, на зиму, в нанятый дом князя Голицына на Большой Никитской (теперь Батюшкова).

Все усиливающаяся болезнь причиняла отцу моему жестокие страдания, которые он переносил безропотно, с преданностью воле Божьей и с огромною силой воли. Несмотря на расстройство нервной системы, отец в отношениях своих не только к нам, детям его, но и ко всем приближенным и к прислуге был не только ровен, но еще по мере потери сил высказывал все более и более нежности и ласки. Помню, как отец, узнав, что я раз в морозную ночь поехал за Овером, который жил далеко, беспокоился, не простудился ли я? (помню, как он этой свойственною ему любезностью обворожил и привязал к себе молодого врача, сухого по натуре, который был призван для ухода за ним).

Несмотря на болезнь, отец мой был на ногах и мало изменял обычную свою жизнь.

В конце ноября 1848 года болезнь приняла острый характер. К несчастию, сестра Васильчикова и брат Владимир были вдали: первая в Киеве, а второй в Штутгардте; в то время телеграфа не было, а почта ходила медленно, а потому они приехали в Москву уже после кончины отца. Матушка, брат Григорий с молодой женой, у которой незадолго родился сын Алексей, сестра Ольга

и я находились безотлучно при отце, и как ни боролся Овер с болезнью, она развивалась быстрыми шагами.

Не стану описывать всего перечувствованного и перенесенного мною за это время – потерять отца, каким был наш – ужасно, к тому же смерть, так сказать, первый раз за мою память, вторглась в нашу семью и унесла того, который, вместе с матерью, составлял главное ее звено; в первый раз я встретился с нею лицом к лицу, и произведенное ею на меня ужасное впечатление смягчалось только религиею.

15 декабря 1848 года отец скончался, приобщившись за несколько дней до кончины, в полной памяти, Святых тайн и пособоровавшись в день кончины.

Духовником его и нашим был протоиерей Казанской, близ Калужских ворот, церкви Сергей Алексеевич Владимирский[11]; я его очень любил и уважал, и между прочим помню случай, когда Сергей Алексеевич пришел раз ко мне, молодому студенту, переговорить о слышанном им от меня на исповеди.

Величественность обряда соборования горячо любимого нами отца врезалась глубоко в мою память; мы все – все домашние и прислуга – присутствовали при соборовании.

Последнюю чашку бульона я поднес отцу, и эту чашку я сохраняю при своих иконах.

Отец скончался, оставя по себе в своей семье память, которая действительно продолжала жить после кончины и до сих пор во мне живет в образе идеала любви, благородства и нежности. Память об отце имела влияние на всю мою жизнь, и неоднократно я обращался к ней для проверки своей жизни и для поучения, как жить; желаю и себе такой кончины, какова была его, в мире с Богом – с присными, со всеми людьми, с собою <…>

В кампанию 1828 года отец командовал отрядом, осаждающим Силистрию; он сильно заболел, кажется, тифом и еле живым перевезен адъютантом своим [Никитой] Егоровичем Паниным сперва в Каларош, а потом в Россию. Отец мой рассказывал мне об этом эпизоде своей жизни; между прочим рассказывал, как на него, по

болезни удалившегося с театра войны, доброжелатели, в особенности из Петербургских, хотели свалить неудачу осады Силистрии в 1828 году <…>

(Архив ГЛМ. Ф.397. Оп. 2. Д. 296. Л. 4–8, 13–14, 19–20, 44–46, 88)

---

[1] Публикуется впервые.

Щербатов Александр Алексеевич (1829 – 1902) – князь, младший сын А.Г. Щербатова. Обучался в Московском университете, который окончил в 1849 г. Начал свою карьеру службой в армии, в 1857 г. вышел в отставку. В 1859 г. – Верейский уездный предводитель дворянства, затем до 1869 г. – городской голова Москвы, после отставки с этого поста почетный гражданин Москвы. В 1893 г. – действительный тайный советник. Фрагменты его мемуаров печатаются по машинописной копии, хранящейся а Архиве Государственного литературного музея. Время написания «*Воспоминаний*» А.А. Щербатова – конец 1880-х гг.

[2] Пропуск в рукописи.

[3] Пропуск в рукописи.

[4] *Голицына Наталья Петровна* (урожд. графиня Чернышева, 1741 – 1837) – княгиня, содержательница известного великосветского салона, возможный прототип графини в повести А.С. Пушкина «*Пиковая Дама*». Мать московского генерал-губернатора Д.В. Голицына, предшественника А.Г. Щербатова на этом посту. Бабушка матери мемуариста, С.С. Щербатовой.

[5] Пропуск в рукописи

[6] Пропуск в рукописи.

[7] Пропуск в рукописи.

[8] *Село Васильевское* – старинное село в 25 км от Звенигорода; первое упоминание о нем относится к 1498 г. В 1820-х гг. принадлежало И.А. Яковлеву, отцу А.И. Герцена. В нем Герцен провел детство и юность. С 1845 г. – в собственности брата А.Г. Щербатова Николая Григорьевича. Затем село неоднократно меняло владельцев, однако в середине 1860-х гг. вернулось в семью Щербатовых. С этого времени им владели старший сын А.Г. Щербатова Григорий и его жена Софья Александровна (урожд. Панина). По наследству село перешло их сыну Александру, «Саше». *Щербатов Александр Григорьевич* (1850 – 1915) – князь, внук А.Г. Щербатова, сын

Г.А. и С.А. Щербатовых, последний владелец села Васильевского, известный общественный деятель, путешественник и писатель.

[9] *Потемкина Татьяна Борисовна* (урожд. кн. Голицына, 1797 – 1869) – статс-дама, супруга действительного тайного советника А.М. Потемкина. Был известна своей благотворительностью и набожностью: с 1827 г. состояла председательницей Санкт-Петербургского дамского попечительского комитета о тюрьмах, делала щедрые пожертвования на церкви и монастыри, активно занималась обращением иноверцев в православную веру. Играла видную роль при дворе императора Николая I.

[10] Скорее всего, имеются в виду графиня *Апраксина Екатерина Владимировна* (1767 – 1854, урожд. кн. Голицына) – теща А.Г. Щербатова, бабушка мемуариста, и княгиня *Голицына Наталья Степановна* (1794 – 1890, урожд. кж. Апраксина) – сестра жены А.Г. Щербатова, тетка мемуариста.

[11] *Владимирский Сергей Алексеевич* – известный московский священник. В 1816 г. окончил Московскую духовную семинарию, с 1820 года профессор этой семинарии; с 1824 года протоиерей в Москве.

№ 2
Из «Записок» М.А. Корфа[1]

К числу наших вельмож-ветеранов, не блиставших гением, но служивших с честию и отличием во всех кампаниях, принадлежал князь Алексей Григорьевич Щербатов, человек, известный военными своими доблестями и притом добрый и любимый в обществе. Быв генерал-адъютантом еще во времена императора Александра, он с 1831 года состоял председателем генерал-аудиториата, как вдруг ему нанесли политический удар: другой, тоже александровский генерал-адъютант, князь Трубецкой[2], еще уступавший Щербатову по уму и не имевший его военных заслуг и репутации, был назначен членом Государственного Совета. Щербатов не скрыл своей досады и тотчас подал в отставку, которая дана была ему без всяких объяснений.

С тех пор прошло года три, и в продолжение их Государь не переставал его отличать: он по-прежнему приглашался на все придворные балы, большие и малые, даже и на вечера, бывшие в Аничковом дворце; но объяснений между тем все никаких не было, и Государь обходился с ним, как бы ничего не случилось, никогда даже самыми отдаленными намеками не вызывая князя к выражению причин, побудивших его оставить службу.

Во все салоны Щербатов приезжал во фраке, а во дворец – хотя и в генеральском мундире, но, в качестве отставного, без эполет; лето он проводил в своем имении, а на зиму возвращался в Петербург.

Часто видясь с ним в свете, мы встретились и на большом дворцовом бале 23 апреля (1839 года). Он объявил мне, что через день

уезжает в деревню, где останется до глубокой осени, и просил не забывать его по случаю одного его процесса, производившегося тогда в Государственном Совете. Вдруг, спустя несколько дней, я читаю в газетах, что выехал из Петербурга «**генерал от инфантерии князь Щербатов, шеф Костромского пехотного полка**». Что значила эта внезапная перемена после недавнего – можно сказать, накануне – свидания и разговора моего с отставным Щербатовым? Мне объяснил это уже потом князь Васильчиков[3], питавший к нему всегда особенную дружбу[4], и вот подробности дела, мало кому и в то время сделавшиеся известными.

За несколько дней перед сказанным балом был развод на площадке перед Зимним дворцом. Князь Щербатов имел надобность сказать что-то генерал-адъютанту Нейдгардту[5], и как солдаты стояли вольно, ружье у ноги, то, полагая, что Государь еще не прибыл, он вошел в оцепление, куда допускаются одни только военные. Но Государь был уже на площадке и, заметив Щербатова, послал военного генерал-губернатора сказать ему, что в статском платье тут никому не место. Встревоженный этим замечанием, Щербатов, по возвращении домой, поспешил написать к графу Бенкендорфу письмо, в котором изъяснил происшедшее недоразумение, прибавив, что без того никогда не отважился бы нарушить известных ему по прежней службе военных правил. На это ему отвечали в очень благосклонных выражениях, что и Государь не подозревал никакого умышленного с его стороны нарушения порядка и что Его величеству всегда приятно будет видеть князя на разводе, если он станет являться, по общему порядку, в мундире. За этою перепискою непосредственно следовал упомянутый мною выше придворный бал. Государь, увидев здесь Щербатова, сам подошел к нему и, повторив изустно написанное Бенкендорфом, сказал:

– Я знаю, что ты на меня дулся и все еще дуешься: напрасно: надо было тогда же объясниться, и все бы развязалось.

– Государь, я и был готов на такое объяснение, в случае, если бы вы изволили меня к себе призвать; но надежда моя на это не сбылась, и в сознании, что я служил не хуже других, которые меня

обошли, я не мог, при таком знаке нерасположения Вашего величества, поступить иначе и должен был оставить службу.

– Ну, теперь эта статья конченная, а в доказательство, что с моей стороны нет нерасположения, скажу тебе, что искренно порадуюсь, если ты опять пойдешь в службу, и буду только ждать первого твоего слова, чтобы дать тебе то место, которого пожелаешь.

Щербатов поклонился в молчании, чем и пресекся разговор; на другое утро рано он приехал к Васильчикову за советом и наставлением, хотя и настаивал на том, что ему необходимо ехать по делам в свое имение и что он одурачится перед целым светом, если, дувшись три года, вдруг воротится опять, без всякой причины, к тому же самому, чем был прежде. Однако Васильчиков, пользовавшийся неограниченным над ним влиянием, вразумил его, что все это надо было высказать Государю тут же; что теперь слишком поздно раздумывать и что, уклоняясь от вызова Государя, он рискует впасть, уже навсегда, в совершенную немилость. И так Щербатов написал Государю, что принимает с благодарностью милостивое его предложение и готов на всякую должность, какую Его величеству угодно будет назначить – в эполетах или без эполет, – лишь бы позволено ему было, по крайней его надобности, отлучиться теперь на некоторое время в деревню.

Вследствие того Государь в ту же минуту велел написать о нем особое дополнение к отданному уже на тот день приказу, и таким образом 24 апреля Щербатов был уже снова генерал от инфантерии в эполетах, с почетным званием шефа Костромского полка, но без аксельбанта, потому что при императоре Николае александровские генерал-адъютанты, единожды оставлявшие службу, уже невозвратно теряли прежнее свое звание.

Впрочем, без определенных занятий князь Щербатов оставался недолго. 1 июля того же года исполнилось его давнишнее желание: он был пожалован членом Государственного Совета, а вскоре за тем, и именно 14 апреля 1844 года, Государь утвердил его, после смерти князя Дмитрия Владимировича Голицына, в должности Московского генерал-губернатора, которую временно он исполнял с июня

1843 года. От этого важного поста князь Щербатов был уволен по болезни в мае 1848 года, за несколько месяцев до своей смерти, последовавшей 15 декабря того же года.

---

[1] *Корф Модест Андреевич* (1800 – 1876) – барон, граф (1872), действительный тайный советник (1854). Соученик А.С. Пушкина по Царскосельскому Лицею. В 1817 – 1832 гг. служил в различных департаментах. В 1832 – 1839 гг. – управляющий делами Кабинета Министров, с 1839 – государственный секретарь. С 1849 по 1861 г. – директор Императорской публичной библиотеки. В 1861 – 1864 гг. – главноуправляющий II Отделением Собственной Его императорского величества канцелярии, в 1864 – 1872 гг. – председательствующий в Департаменте законов Государственного Совета. Историк, автор первой в России книги о восстании декабристов «*Историческое описание 14 декабря 1825г. и предшедших ему событий*» (1-е изд. – СПб., 1848). Печатается по: *Корф М.А.* Записки. М., 2003. С. 81 – 84.

[2] *Трубецкой Василий Сергеевич* (1773 – 1841) – князь, генерал от кавалерии, сенатор (1826), член Государственного Совета (1835). Участник войн с Турцией 1806 – 1812 и 1828 – 1829 гг., Отечественной войны и заграничных походов 1813 – 1814 гг.

[3] Имеется в виду *Илларион Васильевич Васильчиков.*

[4] «*Впоследствии сын Васильчикова женился на дочери Щербатова*» – прим. в тексте.

[5] *Нейдгардт Александр Иванович* (1784 – 1845) – генерал от инфантерии (1841). 0В 1808 – 1809 гг. участвовал в русско-шведской войне. Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813 – 1814 гг. В 1822 – 1823 гг. – начальник штаба Гвардейского корпуса. Участвовал в русско-турецкой войне 1828 – 1829 гг. и польской кампании 1830 – 1831 гг. С 1834 г. командир 1 пехотного, а с 1836 – 6 пехотного корпуса. В 1841 – 1842 гг. временно исполнял обязанности московского генерал-губернатора. В 1842 – 1844 г. – главнокомандующий Закавказским краем и командир Отдельного Кавказского корпуса.

№ 3
Из книги А.И. Герцена «Былое и Думы»[1]

<…> За несколько месяцев до кончины моего отца граф Орлов[2] был назначен на место Бенкендорфа. Я написал тогда к Ольге Александровне[3], не может ли она мне выхлопотать заграничного пасса или какой-нибудь вид для приезда в Петербург, чтоб самому достать его. О.А. отвечала, что второе легче, и я получил через несколько дней от Орлова «высочайшее» разрешение приехать в Петербург на короткое время для устройства моих дел. Болезнь моего отца, его кончина, действительное устройство дел и несколько месяцев на даче задержали меня до зимы. В конце ноября я отправился в Петербург, предварительно подав просьбу генерал-губернатору о пассе. Я знал, что он не мог разрешить, потому что я все еще был под *строгим*[4] надзором полиции, мне хотелось одного, чтобы он послал запрос в Петербург <…>

На третий день моего приезда в Петербург дворник пришел спросить от квартального, «**по какому виду я приехал в Петербург?**» Единственный вид, бывший у меня, – указ об отставке, был мною представлен генерал-губернатору при просьбе о пассе. Я дал дворнику билет, но дворник возвратился с замечанием, что билет годен для выезда из Москвы, а не для въезда в Петербург. С тем вместе пришел полицейский с приглашением в канцелярию обер-полицмейстера. Отправился я в канцелярию Кокошкина[5] (днем освещенную лампами!); через час времени он приехал. Кокошкин лучше других лиц того же разбора выражал царского слугу без дальних видов, черноработчего временщика без совести, без размышления, – он служил и наживался так же естественно, как птицы поют <…>

…Кокошкин подошел ко мне и, смотря вниз, довольно грубым голосом спросил:

– Ведь вам высочайше запрещен въезд в Петербург?

– Да, но я имею разрешение.

– Где оно?

– У меня.

– Покажите – как же вы это второй раз пользуетесь тем же разрешением?

– Как во второй раз?

– Я помню, что вы приезжали.

– Я не приезжал.

– И какие это у вас дела здесь?

– У меня есть дело к графу Орлову.

– Что же, вы были у графа?

– Нет, но был в Третьем отделении.

– Видели Дубельта[6]?

– Видел.

– А я вчера видел самого Орлова, он говорит, что никакого разрешения вам не посылал.

– Оно у вас в руках.

– Бог знает, когда это писано, и время прошло.

– Впрочем, странно было бы с моей стороны приехать без позволения и начать с визита генералу Дубельту.

– Коли не хотите хлопот, так извольте отправляться назад, и то не дальше, как через двадцать четыре часа.

– Я вовсе не располагался пробыть здесь долго, но мне нужно подождать ответ графа Орлова.

– Я вам не могу позволить, да и граф Орлов очень недоволен, что вы приехали без позволения.

– Позвольте мне мою бумагу, я сейчас поеду к графу.

– Она должна остаться у меня.

– Да ведь это письмо ко мне, на мое имя, единственный документ, по которому я здесь.

– Бумага останется у меня как доказательство, что вы были в Петербурге. Я вам серьезно советую завтра ехать, чтоб не было хуже.

Он кивнул головой и вышел. Вот тут и толкуй с ними <…>

Я поехал в III отделение и рассказал Дубельту, что было. Дубельт расхохотался.

– Как это они вечно все перепутают! Кокошкин доложил графу, что вы приехали без позволения, граф и сказал, чтоб вас выслали, но я потом объяснил дело; вы можете жить сколько хотите, я сейчас велю написать в полицию. Но теперь об вашем деле, граф не думает, чтоб полезно было просить вам позволение ехать за границу. Государь вам два раза отказал, последний раз по просьбе графа Строганова; если он откажет в третий раз, то в это царствование вы уж, конечно, не поедете *к водам*.

– Что же мне делать? – спросил я с ужасом, так мысль путешествия и воли обжилась в моей груди.

– Отправляйтесь в Москву; граф напишет генерал-губернатору частное письмо о том, что вы желаете для здоровья вашей супруги ехать за границу, и спросит его, заметив, что знает вас с самой лучшей стороны, думает ли он, что можно с вас снять надзор? На такой вопрос нечего отвечать, кроме «да». Мы представим Государю о снятии надзора, тогда берите себе паспорт, как все другие, и с богом к каким хотите *водам* <…>

Щербатов неохотно отвечал Орлову. У него тогда был секретарем не полковник, а пиетист, ненавидевший меня за мои статьи как «афея и гегельянца». Я сам ездил толковать с ним. Схи-секретарь елейным голосом и с христианским помазанием говорил, что генерал-губернатору ничего не известно обо мне, что он в моих высоких нравственных качествах не сомневается, но что следует забрать справки у обер-полицмейстера. Он хотел затянуть дело; к тому же этот господин не брал взяток. В русской службе всего страшнее бескорыстные люди; взяток у нас наивно не берут только немцы, а если русский не берет деньгами, то берет чем-нибудь другим и уж такой злодей, что не приведи бог. По счастью, обер-полицмейстер Лужин[7] одобрил меня.

Дней через десять, возвращаясь домой, я в дверях столкнулся с жандармом. Появление полицейского в России равняется черепице, упавшей на голову, и потому не без особенно неприятного чувства ждал я, что он мне скажет; он подал мне пакет. Граф Орлов извещал меня о высочайшем повелении снять надзор. С тем вместе я получал право на заграничный пасс <…>

---

[1] Печатается по: *Герцен А.И.* Сочинения. Т. 5. М., 1956. С. 213 – 222.

[2] *Орлов Алексей Федорович* (1786 – 1861) – граф (1825), князь (1856), генерал от кавалерии (1833). Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813 – 1814 гг., войны с Турцией 1828 – 1829 гг. После войны – командир лейб-гвардии Конного полка и гвардейской кавалерийской бригады. В 1833 г. – чрезвычайный посланник в Константинополе и главнокомандующий Черноморским флотом, находящимся в проливе Босфор. В 1844 – 1856 гг. – шеф корпуса жандармов, командующий Императорской Главной квартирой и главный начальник III Отделения Собственной Его императорского величества канцелярии (назначен на эти должности после смерти А.Х. Бенкендорфа). С 1856 г. – председатель Государственного Совета и Комитета министров. С 1861 г. – в отставке.

[3] Имеется в виду *Жеребцова Ольга Александровна,* (урожд. Зубова, 1766 – 1849) – сестра последнего фаворита императрицы Екатерины II и участника заговора против Павла I П.А. Зубова, владелица великосветского салона, приятельница отца А.И. Герцена И.А. Яковлева. Внучка О.А. Жеребцовой была замужем за А.Ф. Орловым.

[4] Здесь и далее курсив в тексте.

[5] *Кокошкин Сергей Алексеевич* (1785 – 1861) – флигель-адъютант Николая I, с 1830 г. петербургский обер-полицмейстер.

[6] *Дубельт Леонтий Васильевич* (1793 – 1862) – граф, генерал от кавалерии (1856). Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813 – 1814 гг. С 1830 г. на службе в корпусе жандармов, с 1835 г. начальник штаба корпуса жандармов, в 1839 – 1856 гг. – управляющий III Отделением Собственной Его императорского величества канцелярии.

[7] *Лужин Иван Дмитриевич* – в 1840-х гг. московский обер-полицмейстер.

№ 4
Из «Дневника 1845 – 1847 гг.» Елизаветы Алексеевны Драшусовой[1]

<…> В одно прекрасное утро, довольно рано, ко мне приехал Грановский[2] и убедительнейше просил он меня сделать благодеяние, выхлопотать заграничный паспорт Г[ерцену], у которого очень небольшой мальчик, чрезвычайно болен и имел поврежденную ногу, что ему должны сделать операцию у какого-то знаменитого заграничного хирурга и что поэтому-то будто бы необходимо заграничное путешествие, но так как Г[ерцен] находился под полицейским надзором, то ему и отказали выдать паспорт. Грановский знал, что по делам попечительства я нахожусь в частных сношениях с к[нягине]ю Щербатовой, ему кто-то сказал, что я пользуюсь ее добрым расположением и потому он просил меня через нее действовать на князя. – Я отвечала ему, что, зная хорошо к[нягин]ю Софью Степановну, я убеждена, что она, невзирая на личные отношения, не согласится влиять на своего мужа в деле, подлежащем его власти, но обещала сама просить князя, и на другой же день, рано поутру, поехала к княгине: она принимала меня во всякое время. Я сказала ей, что желаю видеть князя, и объяснила ей, для чего. Она послала сказать ему, и он немедленно явился, так как из его кабинета, находящегося в первом этаже, была лестница в комнаты княгини. Электризованная <рассказами> Грановского, я его же словами, которыми он убеждал меня ходатайствовать за Г[ерцена], расположила в его пользу. Кн. Щербатов, подтверждая, что в последнее время Г[ерцен] в сво-

ей жизни и поступках был совершенно благонадежен и не мог внушать никакие опасения, что, следовательно, не было никакой законной причины отказать ему в паспорте, тем более, что он желает иметь его только по случаю описанного состояния своего сына (как я ошибалась!). К. Щербатов, сам нежный отец, нашел эту причину уважительной и обещал дать паспорт. Я была очень довольна, тотчас поехала к Грановскому, который на другой день приехал и благодарил меня с увлечением. Приезжал и сам Г[ерцен], которого я встречала у Павловых[3] и была с ним знакома – но у меня он не бывал. Думала ли я, что паспорт этот будет дан эмигранту, который будет сильно агитировать и одно время иметь, своим издатель[ством], большое и злостное влияние на известную партию в России <…>

(Архив ГЛМ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 12. Л. 25-26)

---

[1] Впервые опубликовано: Русский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв. Альманах. Вып. 13. М., 2004. В настоящем издании публикуется по хранящемуся в архиве подлиннику.

Драшусова Елизавета Алексеевна (урожденная Ошанина, в первом браке Карлгоф, 1816 (1817) – 1884) – хозяйка литературного салона, писательница, автор мемуаров. Знакомая А.С. Пушкина, литераторов пушкинского круга, Н.В. Гоголя, А.И. Герцена, Т.Н. Грановского, А.Н. Островского и др. Время написания «*Дневника 1845 – 1847 гг.*» – конец 1870-х гг.

[2] *Грановский Тимофей Николаевич* (1813 – 1855) – коллежский советник (1855), известный историк и общественный деятель. Друг А.И. Герцена.

[3] Имеются в виду писатель *Павлов Николай Филиппович* (1803 – 1864) и его жена *Павлова Каролина Карловна* (урожд. Яниш, 1807 – 1893) – писательница, поэтесса и переводчица.

УКАЗАТЕЛИ

Указатель имен

Агессо А.-К.-Ж.-Б. 102, 173
Адриан, имп. 177
Александр I, имп. 13, 16, 19, 38, 39, 40, 50, 52, 56, 57, 60, 62, 65, 76, 81, 84, 85, 86, 89, 92, 93, 98, 99, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 109, 122, 123, 124, 156, 157, 159, 163, 173, 175, 176, 180, 182, 184, 186, 195, 197, 225, 235, 242, 244, 245, 250
Александр Николаевич, вел. кн. 189
Александра Федоровна, имп. 142, 146, 149
Апраксин С.С. 176
Апраксин С.Ф. 177
Апраксина Е.В. 176, 245, 249
Апраксина Н.С. – см. Голицына Н.С.
Апраксина С.С. – см. Щербатова С.С.
Апухтин Г.П. 155
Аракчеев А.А. 63, 163
Арбузов А.П. 235, 237
Артуа, д', граф 105, 155, 175, 180

Багратион П.И. 49, 72, 73, 77, 159, 160, 164, 166
Бар, поручик 205
Барклай де Толли М.Б. 13, 43, 45, 48, 82, 83, 84, 86, 93, 106, 158, 164, 168, 169
Батюшков К.Н. 18
Бахметев А.Н. 68, 164
Бенкендорф А.Х. 18, 147, 188, 251, 254, 257
Беннигсен Л.Л. 43, 44, 45, 47, 50, 91, 92, 93, 158, 160, 171, 176
Бернадот Ж.Б.Ж. – см. Карл Юхан
Бертье Л.А. 61, 162
Берхман С.Ф. 155
Бестужев-Рюмин М.П. 205, 233, 236
Блюхер Г.Л. 86, 87, 89, 91, 92, 93, 96, 97, 99, 169, 170, 172, 176
Борромео К. 117, 179
Браницкая А.В. 215, 216
Бротериус, капитан 184, 221
Бруно Дж. 177
Бубна (Бубна-и-Летиц) Ф. 89, 90, 114, 171
Буксгевден Ф.Ф. 47, 160, 246

Бурбон Ш.Ф. де, герцог Беррийский 119, 180
Бурбоны 161, 162, 167, 171, 172, 174, 179, 180

Васильчиков И.В. 103, 105, 174, 189, 246-253
Васильчиков И.И. 149, 174, 189, 253
Веллингтон А.У. 176
Вери, ресторатор 174
Виктор П.К. 78, 95, 167
Винценгероде Ф. Ф. 101, 102, 173
Витгенштейн П.Х. 84, 104, 126-131, 132, 133, 134, 164, 167, 168, 169, 172, 176, 181, 184, 185
Витт И. 165
Владимирский С.А. 249, 251
Врангель Е.П. 56, 203, 204, 205, 212, 214, 219
Вреде К.Ф.Й. 102, 174
Вяземская Е.А. – см. Щербатова Е.А.
Вяземский П.А. 17, 18, 163

Гебель Г.И. 203, 204, 205, 206
Гейсмар Ф.К. 183, 209, 215
Гелфрейх, полковник 210
Георг IV, король 120, 180, 181
Герцен А.И. 26, 248, 254-259
Гогенлоэ Ф.-Л. 159
Гоголь Н.В. 259
Голицын Д.В. 25, 44, 46, 149, 150, 160, 248, 252
Голицын С.Ф. 60-65, 163, 181
Голицына Е.В. – см. Апраксина Е.В.
Голицына Н.П. 242-244, 248
Голицына Н.С. 245, 249
Голицына Т.Б. – см. Потемкина Т.Б.
Горбачевский И.И. 226, 232
Грановский Т.Н. 258-259
Грибоедов А.С. 178
Григорьев Т. 241
Густав IV Адольф, король 37, 157

Даву Л. 184
Демидов Н.И. 183
Дибич (Дибич-Забалканский) И.И. 18, 122, 131, 132, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 168, 181, 184, 185, 186, 187, 224
Дмитриев, адъютант 217
Доберт, доктор 118
Долгорукий (Долгоруков) В.Ю. 70, 164
Домбровский Я.Г. 77, 167
Дохтуров Д.С. 44, 46, 159
Драшусова Е.А. 258-259
Друэ Ж.-Б. 54, 55, 56, 161
Дубельт Л.В. 255-257
Дурново Н.Д. 183
Дуров, полковник 231
Дюрок Ж.-К.-М. 61, 163

Евгений Вюртембергский, принц 172
Екатерина II, имп. 35, 36, 156, 257
Елизавета Алексеевна, имп. 123, 126, 184
Емельянов, жандармский штабс-капитан 214

Жеребцова О.А. 253, 257
Жубер Б.К. 178
Жуковский В.А. 17

Закревский А.А. 27
Засс А.П. 68, 164

Зубов П.А. 256
Зубова О.А. – см. Жеребцова О.А.

Изенбург, принцесса 93
Ильин, адъютант 190-195, 197

Йорк Г. Д. Л. 104, 168, 173

Калькрейт Ф.-А. 51, 55, 58, 160
Каменский В.Ф. 201
Каменский М.Ф. 44, 45, 46, 159, 161
Каменский Н.М. 53, 54, 68, 69, 71, 161, 163
Каменский С.М. 68, 75, 76, 164, 166
Кампредон Ж.-Д.-М. 118, 179
Капнист А.В. 20
Капцевич П.М. 99, 173
Карамзин Н.М. 17, 18, 63, 163
Карл X, король – см. Артуа, д', граф
Карл Юхан, насл. принц 170
Карл, эрцгерцог 163
Карл Фридрих, вел. герцог 175
Каролина Амелия Елизавета, королева 120, 181
Кириенко, коллеж. секр. 202
Киселев П.Д. 13, 185
Киянская О.И. 154, 183, 233
Клавоне С.К. – см. Потоцкая С.К.
Клингель Г.Х.М. фон 74, 75, 166
Кнорринг К.Б. 74, 166
Ковалев И.Ф. 196
Козлов П.Ф. 208
Кокошкин С.А. 254-257
Коленкур А.О.Л. 59, 60, 61, 103, 162, 242
Коломейцев, чиновник 202
Константин Павлович, вел. кн. 19, 22, 103-108, 124, 136, 137, 138, 140, 176, 182, 186
Корсаков (Римский-Корсаков) А.М. 43, 158
Корф М.А. 250, 253
Красовский А.И. 22, 196, 198, 199-200, 203, 207, 222, 231
Крупеников, офицер 1-й армии 227, 230, 233, 234
Крюковецкий Я.С. 141, 187
Кутузов (Голенищев-Кутузов) М.И. 13, 37, 71, 72, 79, 157, 158, 159, 168
Кьярамонти, граф – см. Пий VII, папа римский

Лаваль Е.И. – см. Трубецкая Е.И.
Лавров Н.Ф. 21
Ламберт К.О. 73, 74, 75, 77, 78, 165
Ланжерон А.Ф. 80, 86, 90, 96, 168, 169, 170
Ланн Ж. 53, 159, 161
Ланской С.Н. 95, 96, 171
Лепешкин С.Л. 153, 190
Лефевр Ф.Ж. 54, 55, 56, 57, 161
Ливен Х.А. 98, 119, 180
Ломоносов М.В. 155
Лопухин, адъютант 53, 76, 100-101
Лорер Н.И. 21, 237, 238
Лористон Ж.А.Б. де Лоу 82, 168, 169
Лувель Л.-П. 119, 180
Лужин И.Д. 258, 259
Луиза, королева 63, 163
Людовик XIV, король 174, 175
Людовик XV, король 105, 119, 175
Людовик XVI, король 54, 161, 173, 175
Людовик XVIII, король 105, 106, 175

Макдональд Ж.-Э.-Ж.-А. 87, 170
Малецкий, адъютант 231
Мальцев И.С. 178
Мальцев С.А. 113, 178
Мальцева А.С. 178
Мария Александровна, вел. кн. 189
Мария Павловна, вел. кн. 105, 175
Мария Федоровна, имп. 172
Массена А. 158
Махмуд II, султан 184, 185
Меллисино А.П. 165
Миклашевский А.М. 20
Милорадович М.А. 184
Михаил Павлович, вел. кн. 136, 186
Михайловский-Данилевский А.И. 14
Михельсон И.И. 42, 157, 163
Мозалевский А.Е. 226-234
Моллер А.Ф. 235, 238
Муравьев Ал.З. 229, 234
Муравьев Арт.З. 211, 229, 234
Муравьев-Апостол И.И. 216
Муравьев-Апостол М.И. 226, 233
Муравьев-Апостол С.И. 21, 124, 125, 182, 183, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 213, 215, 216, 217, 226-234
Мюрат И. 56, 160, 161

Набоков П.А. 227, 233
Наполеон I, имп. 15, 16, 44, 45, 48, 52, 53, 55, 56, 57, 59, 60, 61, 65, 80, 87, 89, 90, 96, 97, 98, 99, 101, 102, 103, 106, 107, 115, 116, 117, 155, 157, 160, 162, 163, 167, 168, 169, 170, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 184, 189, 242
Наполеон Бонапарт – см. Наполеон I, имп.
Ней М. 95, 172, 174
Нейдгардт А.И. 253, 255
Несмеянов, жандармский поручик 204, 205, 231
Никитин А.П. 98, 172
Николаев, унтер-офицер 228, 230,
Николай I, имп. 13, 18, 22, 23, 24, 25, 26, 124, 126, 127, 128, 129, 133, 136, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 176, 182, 186, 193, 196, 197, 202, 205, 209, 218-219, 220, 224, 225, 243, 244, 245, 249, 250, 251, 252, 256
Николай Александрович, вел. кн. 149, 189
Николай Михайлович, вел. кн. 26
Николай Павлович, вел. кн. – см Николай I, имп.

Оболенский Е.П. 20, 236, 240
Овер, доктор 246, 247
Олсуфьев З.Д. 96, 98, 99, 172
Орлов А.Ф. 254-257
Остен-Сакен Ф.В. 21, 22, 77, 86, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 104, 102, 103, 104, 105, 106, 123, 126, 166, 169, 172, 173, 176, 183, 184, 193, 194, 195, 196, 197, 201, 203, 204, 205, 206, 208, 210, 211, 212, 213, 214, 216, 217, 220, 221, 222, 224, 225

Островский А.Н. 259
Охотников К.А. 185
Ошанина Е.А. – см. Драшусова Е.А.

Павел I, имп. 13, 31-37, 155, 156, 157, 158, 172, 176, 257
Павлов Е.П. 205, 232
Павлов Н.Ф. 259
Павлова К.К. 259
Пален П.П. 78, 96, 99, 132, 167, 172, 185
Панин Н.Е. 132, 185, 194, 196, 247
Панина А.А. 185
Паскевич И.Ф. 135, 140, 185, 186, 188
Перовский Л.А. 26
Пестель П.И. 238
Петр I, имп. 144, 156, 188
Петрарка Ф. 118, 179
Петрово-Соловово Ф.Н. 42, 155
Пий VII, папа римский 111, 177
Платов М.И. 184
Повало-Швейковский И.С. 207, 208, 211
Поляков С.С. 241
Попов В. 15
Потемкин А.М. 249
Потемкин Г.А. 164, 216
Потемкина Т.Б. 245, 249
Потоцкая С.К. 72, 160-165
Потоцкий С.-Ф. 165
Потье Ш. 118, 180
Пушкин А.С. 18, 242, 248, 253, 259
Пюто Ж.П.М.Л. 88, 170

Радзивилл М. 186
Раевский Н.Н. 185, 195, 197
Рапп Ж. 56, 57, 162
Рейхель, генерал 50
Ренье Ж.Л.Э. 74, 75, 165, 166
Реньер, эрцгерцог 115, 178
Репин Н.П. 236, 239
Репнин Н.В. 158
Римский-Корсаков А.М.
Рот (Ротт) Л. О. 20, 22, 125, 130, 183, 201, 204, 205, 206, 207, 208, 210, 215, 216, 217, 219, 220, 223, 236, 237
Рудзевич А.Я. 88, 170
Руссо Ж.-Ж. 34, 155
Рылеев К.Ф. 15-20, 234-237

Сабанеев И.В. 80, 168
Савочкин, полковник 220
Сакен Ф.В. – см. Остен-Сакен Ф.В.
Сакс, шевалье де 35, 39
Сапега, княгиня 41
Себастиани де ла Порта Орас Ф.Б. 82, 84, 169
Семевский В.И. 195
Сен-Сир Л. 91, 92, 93, 171
Серюрье Ж.М.Ф. 104, 175
Скарятин А.Я. 181
Скарятин В.Я. 181
Скарятин Г.Я. 123, 181, 197
Скарятин Н.Я. 181
Скарятин Ф.Я. 20, 123, 181, 182, 197
Скарятин Я.Ф. 155, 181
Скарятина Н.Г. – см. Щербатова Н.Г.
Скоков, жандармский прапорщик 204, 205, 232
Скрженецкий Я.З. 138, 141, 182-188
Сомарива, маркиз 116, 178

Сотников В.С. 179-184, 200, 221
Сото-Майор, ген. 95
Сперанский М.М. 13, 188
Строганов С.Г. 119, 180, 258
Строганова О.А. 110, 180
Суворов А.В. 114, 155, 157, 160, 178
Сутгоф А.Н. 234, 237
Сухинов И.И. 232, 234

Талызин Ф.И. 173, 225
Татищев А.И. 181
Тауенцин фон Виттенберг В.Ф.Э. 91, 92, 171
Тизенгаузен В.К. 211
Тихановский С.Л. 202, 204, 205, 209, 219
Толстой Л.Н. 15, 16
Толстой Н.А. 41, 157
Толстой П.А. 92, 93, 171
Толь К. Ф. 22, 140, 187, 195, 201, 204, 205, 209, 210, 212, 213, 214, 222
Тон К. 189
Тормасов А.П. 14, 73, 75, 77, 164, 165, 170
Трубецкая Е.И. 199, 200
Трубецкой А.П. 199-200
Трубецкой В.С. 252, 255
Трубецкой С.П. 15-22, 194, 195, 197, 198, 199, 200, 204, 223, 234-237
Трухин С.С. 203, 204, 205, 233, 235

Уваров Ф.П. 184
Удино Н.Ш. 53, 161, 167
Уминский (Уминьский) Я.Н. 137, 186
Уткин, майор 53
Ушаков, генерал-майор 220

Франц I, имп. 111, 115, 116, 177, 178
Фридрих II, король 35, 156
Фридрих Вильгельм III, король 44, 50, 51, 61, 63, 85, 86, 94, 103, 110, 159

Харкевич В.И. 154, 165, 167
Хлопицкий Г.-И. 186
Хотяинцев И.Н. 20, 210, 211, 212

Чернышев А.И. 145, 242-244
Чернышева Н.П. – см. Голицына Н.П.
Чертков А.Д. 152, 190
Чичагов П.В. 77, 79, 81, 164, 165, 166, 167, 168
Чулков Н.П. 195

Шварценберг К.-Ф. 74, 75, 76, 99, 165, 166, 170
Швейковский И.С. – см. Повало-Швейковский И.С.
Шевырев С.П. 18, 28
Шеленкур де Борни, де 155
Ширяева А.А. 154
Шпехт И.А. 194-200
Шувалов И.И. 155
Шувалов П.А. 155
Шувалова С.Г. – см. Щербатова С.Г.

Щепилла (Щепилло) М.А. 202-207, 216, 226
Щепин-Ростовский Д.А. 234, 237
Щербатов А.А. 243, 250
Щербатов А.Г. (внук мемуариста) 180, 244, 248
Щербатов Б.А. 122, 126, 181
Щербатов В.А. 184, 241, 246
Щербатов В.Г. 42, 155

Щербатов Г.А. (отец мемуариста) 67, 154, 244
Щербатов Г.А. (сын мемуариста) 118, 119, 121, 146, 147, 149, 179, 246, 248, 249
Щербатов Н.Г. 34, 35, 37, 155, 244, 248
Щербатов С.Г. 155, 180
Щербатова А.Г. 42, 155, 158
Щербатова А.Н. 67, 155, 244
Щербатова Екат. Андр. (первая жена А.Г. Щербатова) 17, 63, 67, 163
Щербатова Екат. Алекс. (дочь А.Г. Щербатова) 110, 122, 149, 177, 189, 241, 246, 253
Щербатова Екат. Г. 155
Щербатова Елиз. Г. 155
Щербатова Н.А. 111, 123, 124, 125, 177
Щербатова Н.Г. 123, 126, 155, 181
Щербатова О.А. 122, 181, 241, 246
Щербатова С.А. 244, 248, 249
Щербатова С.Г. 118, 119, 155
Щербатова С.С. 64, 109, 126, 132, 135, 144, 146, 160, 163, 176, 177, 246, 248, 258-259

Эртель Ф.Ф. 195

Яковлев И.А. 248, 254, 257
Якубович А.И. 235, 237
Яниковский, коллежский секретарь 205
Яниш К.К. – см. Павлова К.К.

Указатель географических названий

Авиньон 118
Австрия 64, 142, 163, 169, 170, 177, 188
Адрианополь 185
Адриатическое море 113
Аландские о-ва 160
Альпы, горы 116, 117, 118, 178, 179
Анатолия 135
Англия 119, 120, 121, 162, 180, 181, 184
Анкона 113
Апеннины, горы 111
Арденны, департамент 105, 175
Арона 117, 179
Аустерлиц 16, 37-43, 155, 157
Ауэрштедт 159
Ахен 92

Бавено 117
Базель 121
Бар-ле-Дюк 95, 96
Бар-сюр-Об 97
Бартенштейн 49, 52
Бат 120
Батин 70, 164
Бауцен 14, 82, 84, 89, 169
Белая Церковь 205, 208, 209, 215, 216
Белев 126
Белла, о-в 112-117, 179
Белосток 137, 140
Бердичев 208
Березина, р. 78, 79, 80, 81, 167, 168, 198
Берлин 61, 91, 144, 149, 159
Бобр, р. 87, 88, 170
Бобруйск 79
Богемия 86, 89
Болонья 113
Бордо 118
Борисов 77, 78, 79, 80, 165, 167, 168
Борисполь 224
Бородино 148, 149, 157, 158, 159, 160
Босфор, прол. 163, 185
Ботнический залив 160
Бохния 65
Брайтон 120
Брест – см. Брест-Литовск
Брест-Литовск 14, 42, 64, 65, 73, 74, 77, 106, 107, 108, 165
Бриенн-ле-Шато 14, 92-97, 99, 102, 172
Бриль 80, 168
Бровары 201, 224
Брусилов 208, 209, 215, 229, 231

Брюссель 176
Буг (Западный), р. 73, 137, 138, 139, 164
Бугаевка 229
Бунцлау 157
Бухарест 69, 70, 132

Ваграм 65, 163
Валахия 163, 185
Варенн 54, 161
Варна 130, 134, 185
Варшава 14, 44, 85, 105, 106, 107, 124, 136, 137, 139, 140, 141, 142, 149, 158, 164, 186, 187, 188, 203, 213
Варшавское герцогство 59, 81, 162, 166, 167
Васильевское 244, 248
Васильков 21, 124, 182, 202, 203, 205, 217, 218, 220, 223, 226, 227, 228, 230, 232, 233
Ватерлоо 107, 176
Везувий, влк. 108-113
Вейкильмюнд 54
Веймар 175
Великобритания – см. Англия
Вена 39, 58, 65, 106, 121, 144
Венеция 113
Верейский уезд 154
Вета 203
Вильно (Вильнюс) 43, 80, 81, 136, 137, 164, 165
Висла, р. 53, 54, 81, 82, 137, 140, 187
Витебск 140
Витебская губ. 158
Витри 102
Виттенберг 91
Вишневец 66
Владимирская губ. 179
Волынь, обл. 66
Вышний Волочок 145
Вязьма 128, 184

Гагельберг 54
Галиция 64
Галле 92
Гатчина 35, 36, 37, 39, 156
Гейдельберг 105, 175
Генерсдорф 87
Генуя 113, 114
Геркуланум 112, 177
Германия 158
Глочестер 120
Глухов 123
Голландия 166
Голомино (Голымино) 15, 16, 44, 41-48, 159, 160
Гольм, о-в 53, 54
Городечно 75, 165, 166
Гоф 48, 49, 160
Гохгейм 93
Греция 184, 185
Гродно 43, 45, 62, 137
Грохов 136, 137, 139, 186
Гутштадт 49

Данциг 13, 15, 16, 46-58, 60, 61, 62, 160, 161, 162, 179
Дарданеллы, прол. 163, 185
Дармштадт 105
Дерби-Шейр 120
Деречин 41
Днестр, р. 106
Дрезден 16, 57, 58, 59, 61, 82, 89, 90, 91, 92, 110, 114, 144, 168, 169, 170, 171

Дубно 73
Дувр 119
Дунай, р. 67, 68, 70, 71, 72, 130, 131
Дункельд 120
Европа 135, 150, 162, 176, 180, 181, 189
Екатеринослав 189
Екатеринославская губ. 135

Женева 116, 117
Житомир 207
Жолтки 138, 187
Жуан, зал. 175
Журжа, кр. 71

Замостье 188
Звенигород 250
Зибен-Эйхен 87, 170

Инстербург
Италия 110, 111, 112, 114, 116, 117, 118, 178, 179, 181

Йена 44, 159
Йерские острова 118
Йорк 120

Кавказ 109, 198
Каларош (Кэлэраш) 130, 131, 247
Кале 119
Калиш 168
Камберленд 120
Каменец-Подольский 71, 72, 106, 108
Карлсбад 58, 143, 144
Кассель 93
Кацбах, р. 87, 88, 170, 171
Кенигсберг 49, 50, 51, 110
Кенигсварт 14, 83, 169
Киев 14, 19, 20, 21, 22, 122, 123, 124, 125, 126, 129, 144, 183, 193, 195, 196, 198, 199, 204, 201, 203, 205, 206, 211, 213, 214, 215, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 236, 246
Киевская губ. 182
Киселан 73
Кобрин 14, 74, 75, 165, 166
Ковалевка 183
Ковно 136
Комо, оз. 116, 178
Константинополь 134, 185
Кореневка 232
Краков 42
Краковская респ. 188
Краон 101, 172, 173, 198
Красное Село 39
Круп 102, 173
Кулевча 185
Кульм 166

Лавилет 104
Лаго-Маджоре, оз. 116, 179
Ладога Новая 39, 40, 42
Лангедокский канал 118
Лансберг 48, 86, 160
Лаон 101, 173
Ла-Ротьер 98, 172, 175

Лаузиц, обл. 89
Лаунау 49
Лаферте-су-Жуар (Ла-Ферте-су-Жуар) 99, 172
Левенберг 83-88, 170, 172
Лейпциг 89, 92, 93, 168, 171, 172, 186, 195, 198
Лемон 96
Леричи 113
Ливерпуль 120
Ливорно 113
Линьи 95, 96, 171
Лион 118
Литва 43
Литвиново 34, 40, 129, 135, 143, 145, 148, 154, 244, 246
Лифляндия 198
Ломбардия 114, 115
Ломза 136, 137, 138
Лондон 119, 120, 121, 181, 184
Лорето 113
Луцк 73, 76, 164, 165
Люблин 64, 65
Любомль 77
Люксембург 105, 175
Лютцен (Люцен) 82, 168, 169

Магдебург 92, 93
Мадре, о-в 112-117, 179
Майнц 93, 105
Майорское оз. – см. Лаго-Маджоре, оз.
Маков 47, 139
Малоярославец 159
Мальта, о. 156
Мангейм 194
Марна, р. 104, 102
Марсель 118
Мейсен 91, 105
Мемель 61
Мери-сюр-Сен 104, 101, 173
Милан 114, 116, 178, 179
Минск 166
Михайловский мон. 125
Мо 99, 101, 102, 104
Могилев (Белорусский) 158, 194, 221, 222
Могилев (Подольский) 106, 129
Могилевская губ. 158
Модлин 141, 188
Молдавия 72, 163, 185
Монмираль 99, 104, 173
Монпелье 118, 119
Монте-Неро 113
Монца 115
Москва 13, 14, 15, 23, 22-27, 33, 34, 35, 36, 37, 40, 42, 62, 63, 64, 66, 67, 77, 78, 79, 109, 110, 122, 123, 126, 128, 129, 131, 132, 134, 135, 140, 142, 143, 144, 146, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 166, 177, 180, 184, 189, 190, 235, 241, 244, 246, 248, 249, 254, 256
Москва, р. 189
Московская губерния 148-153, 154
Мотовиловка 182
Мохначка 215
Мытница Малая 228, 232
Мюнхен 121

Наваринская бухта 184
Нарев, р. 43, 138, 140, 187
Неаполь 18, 111, 112, 113
Неаполитанское кор. 161
Неборов 140
Нева, р. 24, 146
Нейсе, р. 89
Нейштадт 90, 91
Неккар, р. 94, 105
Неман, р. 77, 81, 159, 164
Нерунг 50, 54
Ницца 189
Новгород-Северский 123
Нови 114, 178
Новогрудок 43
Нура 138

Об, р. 95, 96, 104
Одер, р. 159
Одесса 133
Орел 123
Орловская губ. 128
Орлеан 118
Осецк 187
Остероде 55
Остроленка 47, 137, 139, 187
Оффенбах 93

Павия 178
Павловск 35, 36
Паволочь 208, 210
Палестина 156
Париж 14, 99, 102, 103, 104, 105, 106, 116, 117, 118, 119, 121, 150, 161, 166, 167, 169, 170, 172, 173, 174, 175, 179, 180, 185
Переяславль 206
Персия 178
Пескатори, о-в 112-117, 179
Петербург – см. Санкт-Петербург
Петерсвальде 84, 85
Петровское-Разумовское 246
Пиллау 50, 54
Пинск 62, 165
Плейсвиц 169
Плоцк 188
Поддубье 14, 71, 76
Подольская губ. 71, 106
Пологи 183
Польша 23, 41, 51, 137, 142, 148, 162, 170, 176, 181, 185, 186, 187, 188
Помпея (Помпеи) 112, 177
Портсмут 120, 121
Прейсиш-Эйлау 48, 49, 57, 160
Пруссия 16, 48, 51, 81, 142, 162, 168, 169, 188
Пужи 96
Пултуск 15, 43, 44, 45, 47, 48, 139, 159

Равенна 113
Радомысль 208
Ратно 73
Реймс 104
Рейн, р. 92, 93, 94, 105, 171
Рейхенбах 84
Ретель 105
Ржешов 65
Рига 110, 136, 137, 158

Рим 111, 112, 113, 177
Рокитна (Ракитно) 207, 208, 210
Россия 33, 34, 47, 50, 59, 82, 86, 105, 118, 121, 122, 123, 132, 134, 135, 149, 153, 156, 157, 158, 159, 161, 162, 163, 166, 168, 169, 181, 182, 184, 185, 188, 189, 247, 259
Рудельсдорф 86
Рудня 73
Рущук 64-70, 71, 72, 163, 164

Саксен-Веймар – см. Веймар
Саксония 105
Санкт-Петербург 19, 21, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 44, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 70, 72, 81, 103, 106, 108, 109, 110, 122, 123, 124, 125, 126, 128, 129, 133, 134, 135, 136, 137, 142, 143, 144, 145, 148, 149, 154, 155, 157, 181, 182, 184, 195, 210, 224, 250, 251, 254
Севастополь 179
Сена, р. 104, 101, 119
Сен-Дизье 95, 96, 102, 171
Сент-Обен 95
Сент-Уан 99
Сибирь 201
Силезия 89, 170, 171
Силистрия 23, 69, 70, 129, 130, 131, 133, 184, 185, 247, 248
Симплонская дорога 116, 117, 178
Сквирский повет 203
Симпланский перевал 178
Слоним 41, 42, 43, 142, 165
Смоленск 23, 128, 157, 159
Смоленская губ. 128
Снядова 138
Софиевка, парк 73, 165
Стамбул – см. Константинополь
Столпен 90
Стрельня 110
Студенка 168
Стырь, р. 76, 77
Суассон 101, 173

Таганрог 123, 126, 182
Тарнов 65
Тауроген 168
Теплиц 169
Тикочин 138
Тильзит 58, 59, 60, 62, 65, 162
Тироль 110
Тонсдорф 82
Торгау 91, 92
Торн 14, 81, 82, 168
Тран 97
Трилесы 182, 183
Трипор 102
Тулон 118
Туль 94
Тульчин 72, 73, 164, 182
Турция 14, 129, 134, 135, 162, 163, 184, 253

Уайт, о-в 121
Умань 72, 165
Устимовка 183, 216
Ухолоды 167, 168

Фастов 216
Фер-Шампенуаз 102, 173
Флоренция 110, 111, 113
Франкфурт на Майне 93
Франция 40, 57, 65, 72, 95, 102, 106, 107, 116, 118, 155, 156, 157, 158, 160, 161, 162, 163, 167, 168, 169, 170, 172, 174, 176, 177, 179, 180, 184, 186
Фридланд 59, 162
Фузино 113

Харьков 109
Хвастовцы 203
Хотин 70, 156

Царское Село 122, 123
Царство Польское – см. Польша
Цобтен 170
Цюрих 158

Черниговская губ. 125, 128

Шалон-на-Марне 104, 102
Шампобер 172, 173
Шато-Тьерри 104, 173
Шато-Френ 102
Швейдниц 84
Швейцария 117, 179
Швеция 157, 160, 169
Шибашкевичи 80
Шлезия – см. Силезия
Шотландия 120
Штутгарт 248
Шумла 14, 68, 130, 131, 134, 163

Эдинбург 120
Экланс 97
Эльба, о. 106, 155, 175
Эльба, р. 87, 91, 92, 105, 170
Эльстер 91
Эсслинг 161
Эстляндская губ. 204

Ютербог 91

Янков 48, 160
Яново 62, 64
Яссы 129, 132
Яуэр 170
Яхны 203

Научное издание

Алексей Григорьевич Щербатов

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Редактор *Л.А. Мосионжник*

Оригинал-макет *Л.А. Мосионжник*

This copy is prohibited for sale outside Russia and CIS countries.
Purchasing this copy hampers the success of liberal progress in Russian Society.
Contact us on: nestor_historia@list.ru
We reserve the rights of sales.

Подписано в печать 10.01.2006. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 17,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 233.

Издательство СПбИИ РАН «Нестор-История»

Отпечатано в типографии СПбИИ РАН «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел. (812) 235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru

Заказы присылать по адресу:
Издательство СПбИИ РАН «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел. (812) 235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru

Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История»

Осуществляет весь цикл предпечатной подготовки
- Набор
- Корректура
- Оригинал-макет

Располагает собственной типографией
Это позволяет существенно снизить расценки
на издание книг в мягком и твердом переплете

Приглашаем авторов и издателей к сотрудничеству с нашим издательством и типографией на самых выгодных условиях

Наш адрес:
197110 СПб., ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812) 235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru